

УДК 316
ББК 60.56
Т 19

Тараданов А. А.

Т 19 Семейное благополучие на Урале: теория, история, современность. Монография. — М.: Директ-Медиа, 2014. — 148 с.

ISBN 978-5-4458-6215-4

Монография представляет собой социологическое исследование семейного благополучия в Уральском Федеральном округе и содержит:

— краткий обзор основных теоретических положений, сложившихся в социологической фамилистике;

— теоретическую разработку основных понятий, раскрывающих спектр отношений семейного благополучия-неблагополучия;

— методологические и методические основы исследования процессов и отношений семейного благополучия-неблагополучия;

— анализ результатов анкетирования семейных респондентов, проживающих на территории УрФО (1994–2006 гг.), характеристику содержания и уровня семейного благополучия-неблагополучия в Уральском Федеральном округе;

— принципиальные положения и основные мероприятия «Программы управления процессами семейного благополучия».

Исследование адресовано всем интересующимся проблемами семьи и демографии.

УДК 316
ББК 60.56

А. А. Тараданов

**СЕМЕЙНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ
НА УРАЛЕ:
теория, история, современность**

**Москва
2014**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основное теоретическое содержание работы опирается на докторскую диссертацию автора. Теоретические положения получены и подтверждены по результатам анкетирования на территориях УрФО 5049 родителей и супругов в апреле–мае 2006 года, а также аналогичными опросами 1994–96 (6553 респондента) и 1999 (6229 респондентов) годов.

В силу ряда объективных и субъективных причин «официальная версия» монографии выходит с задержкой в несколько лет, однако современная ситуация с семьей на Урале показывает, что материал остается актуальным.

Автор выражает благодарность руководителям и специалистам, принявшим участие и оказавшим помощь в организации опросов: Басковой Н. А. (г. Челябинск), Брызгалову М. В. (г. Екатеринбург), Мазеину А. В. и Пан С. М. (г. Курган), Неклюдову А. В. и Шпак Э. В. (г. Пласт Челябинской области), Сидоровой И. К. (г. Муравленко ЯНАО).

В технической части исследования (обработке данных анкетирования) принимали участие специалисты: Бочко М. М., Бугуева Н. А., Салганова Е. И., (все — г. Челябинск).

*Моим Родителям и Учителям:
с благодарностью и памятью*

Автор

ВВЕДЕНИЕ

В современном российском общественном сознании семейная проблематика представлена, в основном, тем, что в семье плохо, насколько плохо и каким образом это семейное «плохо» отражается на обществе.

Положение «здоровая семья — здоровое общество» общеизвестно. Однако, как замечал еще Гегель, известное не есть познанное. Властные структуры, политические и общественные организации испытывают весьма серьезные трудности в формулировании адекватных целей и задач семейной политики. Основной причиной такого положения является отсутствие *научных* данных об этой самой «здоровой» («социально-желательной», «актуальной», «действительной») семье, то есть, данных о том, каковы у этой семьи основные характеристики; чем и насколько они отличаются от аналогичных характеристик «нездоровой» семьи; и, соответственно, какие именно социальные процессы, в каком направлении и в какой степени «работают» на семейное благополучие или против него.

Эмпирической базой исследования являются данные, представленные в публикациях отечественных и зарубежных авторов, а также результаты проведенных автором опросов в 1994–2006 гг. на территориях и в административно-территориальных образованиях, входящих в состав современного Уральского федерального округа (Курганской, Свердловской, Тюменской и Челябинской областей, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов): N=6553 в 1993–1996 гг.; N=6229 в 1999 г.; N=5049 в 2006 г.

Глава 1. ОЧЕРК ФАМИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

§ 1. Проблемы «первичной социальной ячейки»

Практически вся современная история исследований семьи — это история исследований ее проблем и проблем общества, из проблем семьи происходящих. Не будем нарушать традицию.

Таблица

КАКОВЫ ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ «НЕПОЛАДОК» В ВАШЕЙ СЕМЬЕ?	Все опрошенные	Социально-демографические различия								
		Пол		Возраст, лет				Образование		
		М	Ж	18–30	31–40	41–50	51...	Н	СР	В
Всего опрошено	5049	956	4051	1356	1662	1361	620	778	2185	2023
%	100	18,9	80,2	26,9	32,9	27,0	12,3	15,4	43,3	40,1
— Низкий уровень жизни	19,6	15,3	20,7	17,0	20,2	23,9	14,4	25,2	22,5	14,5
— Пьянство супруга (ги)	9,5	2,9	11,2	6,6	9,1	12,1	12,1	10,9	9,8	8,7
— Ревность супруга (ги)	3,9	4,4	3,9	5,5	3,4	3,9	2,1	4,4	3,8	4,0
— Вмешательство родителей	3,8	4,0	3,8	8,1	3,4	1,2	1,0	5,0	3,3	4,0
— Неверность супруга (ги)	2,7	0,5	3,2	2,6	2,8	2,9	1,9	2,2	3,0	2,5
— Нет взаимопонимания с детьми	2,6	2,0	2,7	0,7	2,6	4,1	3,1	3,5	3,0	1,8
— Низкий уровень развития супруга (ги)	2,2	0,7	2,5	1,8	1,9	2,6	2,4	1,3	1,4	3,4
— Сексуальная неудовлетворенность	2,0	2,4	1,9	1,9	2,0	2,2	1,9	2,4	1,5	2,4
— Насилие (физическое или психическое)	1,5	0,4	1,8	1,5	2,0	1,3	0,5	1,8	1,5	1,3
— Наркотическая зависимость	0,2	0,2	0,2	0,4	0,2	0,1	0,0	0,4	0,2	0,3
— Другие причины	7,7	8,2	7,6	9,1	7,8	7,0	6,5	9,6	7,6	7,3
— У нас нет серьезных «неполадок»	51,7	62,9	49,4	56,4	53,5	46,3	50,8	42,0	49,1	59,0
— Не ответили	7,3	4,4	7,6	5,6	7,2	6,7	10,2	9,0	6,5	6,8

(Примечание: здесь и далее некоторые респонденты не отвечали на некоторые вопросы, поэтому суммы %% по группам меньше 100%)

Если учесть, что представители наиболее «маргинализованных» (самых богатых, самых бедных и «нетрадиционных») семей, как правило, не попадают в опросы (по известным причинам), то получается, что половина уральских семей имеют в своем «житии» «серьезные неполадки», а их причиной в 2006 г. чаще всего (2/5) называют низкий уровень жизни.

Безусловно, рыночные реформы 1992 года и последующие кризисы сыграли свою роль в «обвале» уровня жизни россиян, однако не следует думать, что этих проблем не было в «дореформенную» эпоху (учтем при этом свойственную большинству людей идеализацию их прошлого).

Таблица

ОТЧЕГО БЫЛИ «НЕЛАДЫ» В СЕМЬЕ, В КОТОРОЙ ВЫ РОСЛИ?	Все опрошенные	Социально-демографические различия								
		Пол		Возраст, лет				Образование		
		М	Ж	18–30	31–40	41–50	51...	Н	СР	В
Всего опрошено	5049	956	4051	1356	1662	1361	620	778	2185	2023
% %	100	18,9	80,2	26,9	32,9	27,0	12,3	15,4	43,3	40,1
— Пьянство	12,6	8,8	13,6	12,8	13,8	13,1	8,5	16,8	11,7	12,4
— Низкий уровень жизни	10,7	10,9	10,7	9,5	9,0	11,7	15,5	15,9	11,8	7,4
— Конфликты родителей с Вами	4,0	4,4	3,9	6,8	3,7	2,9	1,1	5,8	3,4	4,0
— Неверность отца	3,7	2,7	3,9	4,5	2,9	3,9	3,9	2,8	3,8	4,1
— Ревность отца	2,6	2,1	2,7	2,2	2,5	3,2	2,7	2,6	3,0	2,3
— Конфликты с родственниками	2,4	2,4	2,5	4,1	2,4	1,4	1,3	3,3	2,2	2,4
— Насилие (физическое или психическое)	2,0	1,2	2,2	1,6	2,2	2,2	1,8	2,6	1,4	2,3
— Низкий уровень культуры	1,8	2,4	1,7	1,1	2,0	1,8	2,6	3,2	1,5	1,4
— Неверность матери	0,5	0,6	0,5	0,4	0,4	0,7	0,5	0,8	0,6	0,3
— Ревность матери	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,6	0,5	0,5	0,3	0,5
— Другие причины	4,1	4,3	4,1	3,9	4,3	4,0	4,4	5,0	4,1	3,9
— Серьезных «неполадок» не было	60,1	63,4	59,8	61,2	61,0	59,1	60,2	50,5	60,5	63,8
— Не ответили	7,1	6,2	6,7	5,3	6,6	7,6	8,5	7,8	6,4	6,8

Одной из наиболее актуальных проблем российской семьи была и остается проблема качества жилищных условий, которая была обозначена в социологической литературе даже еще до событий 1917 года. «Судьба семьи, как это ни странно звучит на первый взгляд, в значительной степени зависит и от жилищных условий, в особенности в больших городах», указывал еще М. Рубинштейн [268, с. 58]. После 1922 года, когда социология (вместе со многими другими науками) была изгнана на 50 лет из Страны Советов, и до начала 30-х годов, до того, как всю «критическую мысль» свели «под самый корешок», по поводу жилищной проблемы в российской семье успели хорошенько «пройтись» как классики юмористической и сатирической отечественной литературы (А. Аверченко, И. Бабель, М. Булгаков, М. Зощенко, А. Платонов и др.), так и впоследствии классики советской поэзии: «Все жили вровень, скромно так: система коридорная, на тридцать восемь комнаток всего одна уборная» (В. Высоцкий «Баллада о детстве»); или «Мы живем в одной квартире, все соседи знают нас. Только мне звонить четыре, а ему — двенадцать раз» (С. Михалков, «Мы с приятелем»).

Официальных же данных об уровне обеспеченности жильем в СССР в период с 1917 по 1970 годы нами не обнаружено, поэтому мы можем оперировать только более поздними данными. Известной цивилизованной нормой обеспечения жильем считается количество комнат по количеству членов семьи плюс одна. По данным Б. Павлова и В. Козлова, средний размер квартир в «брежневском» СССР составлял 53 м/кв. общей площади

(при среднем размере домохозяйства в 4–5 человек); в Австрии в это время — 97, Дании — 112, Бельгии — 192, в США средний размер домов — от 100 до 200 м/кв. [157, с. 67], при среднем размере домохозяйства в 3 человека.

По данным И. Родзинской, в 1977–79 г. г. в Советском Союзе «отдельные квартиры имели 47% семей с детьми дошкольного возраста... и 61% — с детьми младшего школьного возраста» [262, с. 108]. Т. Протасенко отмечает, что в Ленинграде в 1982–83 гг. «проживали в отдельных квартирах 62% работников торговли и сферы обслуживания, 71% учителей, 67% заводских инженеров. Уровень обеспеченности общей площадью составил в среднем менее 9 м/кв. на человека» [257, с. 104]. В. Козлов и Б. Павлов отмечают «обеспеченность жилой площадью на одного жителя в 1989 г. в Свердловске — 9,2 м/кв., Челябинске — 9,5 м/кв. — [157, с. 66].

М. Мацковский приводит данные о том, что к 1989г в СССР семьи из двух человек имели по 14 м/кв. жилой площади на одного человека, из трех — по 10 м/кв., из 4-х — по 8 м/кв., из пяти и более — лишь по 7 м/кв. [209, с. 27]. По данным источника 1996 года жилая площадь на члена российской семьи составила в среднем 11 м/кв. [100, с.49]. На территории УрФО по данным наших исследований к концу 90-х годов эта цифра составила 9,4 м/кв., при этом семьи без детей имели около 11,5 м/кв.; с одним ребенком — около 10,4 м/кв.; с двумя детьми — около 9,8 м/кв.; с тремя и более — около 8,2 м/кв. жилой площади на члена семьи [326, с. 79].

В г. Челябинске в 1997 году около 10 процентов населения жили по одному человеку в квартире: в основном это пенсионеры, которые составляют половину данной категории квартиросъемщиков. Другую половину составляют преимущественно предприниматели и... некоторые студенты. Из этих 10% около трети жили в однокомнатной квартире, около половины — в двухкомнатной, и каждый пятый — в трехкомнатной и более. С другой стороны, до 8% жителей города имели обеспеченность общей площадью менее 5 м/кв. на одного прописанного. И примерно половина горожан имела 5–8 метров жилья на члена семьи.

Около 2% населения города Челябинска в 1997 году имели более 45 метров на человека, из них около 3 тысяч человек имели более 60 метров жилья (общей площади) на одного человека. Четверть жителей на момент опроса считали свою квартиру находящейся в хорошем состоянии, 65% — в удовлетворительном, 7% — ветхой, и 3% — близкой к аварийному и аварийной [326, с. 74].

Другим важным показателем уровня жизни является имущественная обеспеченность, т.е. наличие в семье тех или иных «атрибутов цивилизации». Л. Жилина и В. Соколов по данным опроса в 1978–79 годах публикуют информацию о том, что работники сферы обслуживания имели следующие

показатели имущественной обеспеченности: холодильник — 82%; легковой автомобиль — 11%; набор мебели — 28% семей [114, с. 74].

В 1982–83 годах среди занятого населения г. Ленинграда в возрасте 26–40 лет холодильники имели 92% семей рабочих и инженеров, 94% учителей, 90% работников сферы обслуживания. Легковой автомобиль имели 3% рабочих, 11% инженеров, 13% учителей, 9% работников сферы обслуживания. Мебельный гарнитур имели 38% рабочих, 46% инженеров, 52% учителей, 48% работников сферы обслуживания. [257, с. 107].

В. Бигулов, А. Крыштановский, А. Мичурин подробно анализируют данные всесоюзного опроса 1980–81 гг. Согласно этим данным, холодильники имели 73% семей рабочих, 61% колхозников, 80% интеллигенции. Легковой автомобиль имели 8% рабочих, 11% колхозников и 15% интеллигенции. Мебельный гарнитур имели 24% рабочих, 25% колхозников и 36% интеллигенции [36, с. 91].

В число важнейших показателей уровня жизни семьи входит и состояние семейного бюджета. Т. Протасенко приводит данные самооценки работающими ленинградцами своего бюджета в 1982–83 годах, согласно которым около 10% респондентов «живут от зарплаты до зарплаты»; четверо из каждых десяти испытывают трудности уже с покупкой одежды; еще столько же «иногда откладывают деньги, но большие покупки вызывают трудности»; для 9% «покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей, но покупка машины недоступна»; и около 1% «практически ни в чем себе не отказывают» [257, с. 105].

Известно, что «нередко в качестве обобщающего индикатора уровня жизни используется доля расходов на продовольствие в бюджете семьи. Считается, что чем ниже эта доля, тем при прочих равных условиях выше уровень жизни в обществе» [336, с. 4–5]. «В богатых странах Западной Европы, США и Канаде эта доля колеблется в пределах 18–25%» (В. Сысенко) [320, с. 108]. Например, в 1980 году, по данным И. Латышева, среднестатистическая японская семья имела следующее содержание основных статей расходов своего семейного бюджета: питание — 27,8%; содержание жилья — 13,6%; одежда — 9,0%, остальная часть бюджета, которая составляла его половину, шла на социализацию и развитие [187, с. 212–213].

А вот, для сравнения, данные исследования уровня жизни населения г. Томска 1983 года, которые приводит А. Овсяников: питание — 51,4% бюджета; спиртные напитки — 16,1%; одежда, обувь — 9,0% [232, с. 82].

В 1989 году, по данным В. Сысенко, в СССР затраты семьи в процентах от совокупного дохода распределялись следующим образом: питание (включая расход на алкогольные напитки) — 35%; приобретение непродовольственных товаров — 31,3%; оплата коммунальных, культурно-бытовых услуг, а также налоги, платежи и все остальное — 33,7% [320, с. 101].

Рыночная реформа 1992 года внесла свои коррективы в российские семейные бюджеты. Падение реальных доходов населения увеличило рас-

ходы на питание в бюджетах подавляющего большинства российских граждан до 70–80% [320, с. 105]. Всероссийский центр уровня жизни приводит цифры о том, что «в середине 1993 г. у 14% населения на питание расходовалось от 83 до 100% доходов, у 31% — от 67 до 81 процента, у 34% — от 44 до 67 процентов, у 14% — от 23 до 44 процентов, у 8% — менее 23 процентов» [336, с. 4–5.]. Н. Зверева отмечает, что у рабочих и служащих доля расхода на продовольствие в семейном бюджете выросла с 1990 года по 1993 с 0,37 до 0,45 [123, с. 106]. По данным Т. Сидориной и Н. Сергеева, в связи с ухудшением здоровья населения расходы на медицину в бюджете российской семьи могут составлять от 10 до 30 процентов [286, с. 91]. При этом в США в 1995 году на питание расходовалось только 14% семейного бюджета; на содержание жилья — 32%; лечение и лекарства — 5,4%; одежду и обувь 5,3%; на развитие и социализацию — 44% семейного бюджета [316, с. 182].

Распределение семейного бюджета по основным статьям расходов в пореформенном УрФО (по данным исследований, проведенных автором) выглядит следующим образом:

Таблица

КАКАЯ ЧАСТЬ ВАШЕГО СЕМЕЙНОГО БЮДЖЕТА ИДЕТ НА:	УрФО 2006	Для сравнения	
		Чел.обл 1999	УрФО 1993–1996
Всего опрошено человек	5049	6299	6553
Питание	36,8	62,7	66,4
Лечение и лекарства	9,6	14,9	5,1
Жилье	18,6	13,1	11,5
Одежда и обувь	17,8	7,3	13,5
Все другие расходы	17,2	2,0	3,5

Как видим, в целом положение улучшается, но до цивилизованного уровня еще достаточно далеко. Похожая картина и по другим показателям.

Таблица

	Все опрошенные	Социально-демографические различия								
		Пол		Возраст, лет				Образование		
		М	Ж	18–30	31–40	41–50	51....	Н	СР	В
Всего опрошено	5049	956	4051	1356	1662	1361	620	778	2185	2023
% %	100	18,9	80,2	26,9	32,9	27,0	12,3	15,4	43,3	40,1
М/кв. отапливаемой ж/пл. на чл. семьи	14,7	14,2	14,7	13,1	14,1	14,9	18,5	12,8	14,2	15,8
Средний месячный доход на члена семьи, рублей	3930	5221	3621	4456	3503	3728	4318	3120	3485	4691

В СССР в 1981 году был принят ряд серьезных (для того времени) мер по материальному стимулированию семьи и рождаемости. Относительно активно велось строительство жилья, предоставление которого производилось практически всегда *только семейным* и находилось в серьезной зависимости от количества в семье детей; был значительно увеличен оплачиваемый дородовой и послеродовой отпуск, введены денежные пособия на новорожденных (В. Томин) [331, с. 106–118]. За год после введения льгот на 12% увеличилась доля женщин, родивших второго ребенка, на 14% увеличилась доля родивших третьего ребенка среди женщин, имевших двух детей, и на 10% увеличилась доля родивших четвертого ребенка среди женщин, имевших трех детей [306, с. 134].

Однако число разводов в стране продолжало расти, а рождаемость (особенно в европейской части СССР) сокращалась. И параллельно с выводами о положительном влиянии повышения уровня жизни семьи на решение ее проблем в ходе углубления исследований межличностных отношений и социального самочувствия в российской фамилистике формируется точка зрения, что само по себе решение материальных проблем семьи не ведет к решению всех ее остальных проблем. Одним из первых наиболее полных представлений этой точки зрения является известная статья И. Родзинской. Автор отмечает, что постоянные супружеские конфликты по нескольким причинам бывают в 35% семей с низким доходом, 30 — со средним и 37 — с доходом выше среднего [262, с. 107]. При этом «среди многих факторов стабилизации семейных отношений душевой доход семьи оказывается наименее существенным» [262, с. 108], и «прямой зависимости между душевым доходом семьи и ее стабильностью исследователи не вывели... Плохие материальные условия сами по себе не вызывают конфликтных ситуаций в семье, не усиливают частоту серьезных ссор между супругами...». Если денег хватает, «ссоры по таким поводам, как воспитание детей, различие взглядов супругов, организация досуга чаще случаются в хорошо обеспеченных семьях». А имеющие отдельную квартиру супруги «разводятся даже чаще, поскольку это дает возможность разъехаться и в будущем устроить личную жизнь» [262, с. 109].

К аналогичным выводам приходит и А. Антонов. «Демографы и социологи семьи во всем мире разработали систему показателей предполагаемого числа детей, в которой обыгрывается лишь различие материальных условий жизни, принимается во внимание только уровень жизни», что «косвенно свидетельствует о перекосе системы жизненных ценностей самими учеными на потребительство», — справедливо отмечает автор [6, с. 263].

По мере все более глубокого «погружения» в эту проблемную сферу социологи в своих исследованиях все чаще предлагают рассматривать семью как «поле личностных, эмоциональных отношений» [324, с. 163–164]; или как «регулятор межличностных отношений близких родственников»

[122, с. 597]. Констатируется, что необходимо «научиться учитывать личностный, субъективный фактор» при проведении социологических исследований конфликтов в семье [201, с. 23]. Этот фактор представляет собой основу множественного числа конфликтных ситуаций, в том числе: различие взглядов на жизнь, разные интересы — 19%; тяжелый характер, грубость — 16%; несовпадение взглядов на воспитание детей — 12%; интересы, увлечения помимо семьи (друзья, карты и пр.) — 8%; бесхозяйственность — 7%; супружеская неверность — 7% [157, с. 69–70].

Как известно, межличностные отношения в семье связаны, прежде всего, с уровнем культуры супругов. Однако общепринятый подход к оценке этого уровня в литературе отсутствует, поэтому абсолютное большинство исследователей опираются в этом вопросе на уровень образования, который является традиционным отчетным статистическим показателем. По данным П. Эглите, в зависимости от уровня образования «показатель удовлетворенности семейной жизнью распределился следующим образом: среди лиц с начальным образованием он равен 72% у мужчин и 49% у женщин, с неполным средним образованием — соответственно 68% и 48%, с полным средним — 70% и 53%, с высшим и неполным высшим — 73% и 60%.» [357, с. 63–64]. Более высокую удовлетворенность респондентов с высшим образованием автор объясняет большей разборчивостью в выборе брачного партнера и меньшей брачностью [там же].

В. Сысенко отмечает, что опросная часть, выявляющая оценку удовлетворенности супружеской жизнью женщин, сводится, в основном, к двум крупным блокам вопросов. Первый определяет степень удовлетворенности жены образом жизни мужа («В какой степени Вы одобряете образ жизни Вашего мужа?»), второй — участием мужа в ведении домашнего хозяйства [324, с. 67, 86]. В целом конфликты между супругами можно разделить «на 4 группы: а) неудовлетворенные потребности супругов; б) недостатки воспитания; в) расхождения мировоззренческих установок; г) распределение прав и обязанностей» [321, с. 103–104].

В. Кишинец считает, что «при изучении отношения индивида к брачной ситуации реальное содержание последней имеет второстепенное значение. Вопрос заключается в наиболее полном выявлении субъективной оценки, поскольку именно она служит объективной характеристикой удовлетворенности браком <...>. Именно в восприятии личностных качеств находит свое отражение весь комплекс межличностных отношений супругов, определяющий удовлетворенность брачной ситуацией в целом» [144, с. 199]. Он предлагает использовать для оценки супругами удовлетворенности браком набор из 80-ти [144, с. 202–203] пар их личностных качеств, по стандартной шкале: а) наличие самих качеств («...имеются признаки качества; качество имеется; качество ярко выражено; качество предельно выражено»); и б) их значение для супруга-респондента («...не имеет значения; имеет некоторое значение; имеет значение; имеет важное

значение; имеет исключительное значение» [144, с. 199]. На основе полученных оценок предлагается рассчитывать интегральный индекс брачной ситуации — обобщенный показатель, вычисляемый для оценки уровня субъективных потребностей, удовлетворения которых респондент ищет в браке. Чтобы определить данный показатель, нужно соотнести оценки наличия какого-либо качества и важность последнего для респондента, а также с удовлетворенностью положительными и неудовлетворенностью отрицательными качествами супруга по некоторой формуле [144, с. 200].

Если же супругам в первые годы совместной жизни не удастся сформировать положительную модель семьи, общесемейные цели и ценности, наступает разочарование, которое обычно выливается у мужей в пьянство и развитие внесемейных форм времяпровождения, а у жен — в повышенную конфликтность и напряженность в семье. Б. Павлов и В. Козлов приводят злоупотребление спиртным как причину 28% разногласий между супругами, [157, с. 69–70], а три из четырех разводов в СССР по инициативе женщин происходят из-за пьянства и алкоголизма супруга [201, с. 14].

Аналогичные цифры приводит и В. Сысенко: среди всех причин разводов в СССР две трети женщин основной называют пьянство мужа [321, с. 102]. И. Родзинская говорит о конфликтах на почве потребления мужьями спиртного в 18% семей [262, с. 108]. Употребление алкоголя как наиболее частую причину конфликтов называет и А. Жвинклене [111, с. 72].

С. Голод отмечает, что образ успешного брака не является величиной постоянной и трансформируется соответственно практике, то есть проходит ряд стадий и не совпадает у мужчин и женщин. «Удовлетворенность супругов браком в значительной степени обусловлена тем, реализуется ли на конкретном этапе функционирования семьи соответствующая ценность супружества, то есть это значит, что для каждой стадии необходимы свои показатели» [77, с. 50].

Особо важную — и одновременно самую малоизученную — сферу составляют конфликты на почве сексуальной несовместимости. «Когда причины распада брака коренятся в сфере сексуальных отношений..., именно тогда супруги стремятся утаить настоящие проблемы и выдвинуть нейтральные, чаще всего формулировку «не сошлись характерами» [321, с. 102].

Вопросы отношений молодых супругов с родителями также не могут быть отнесены к разряду хорошо изученных. «Проблема «теща — зять», «свекровь — невестка» отнюдь не выдумка юмористов. Немало таится здесь подводных камней, и, чтобы их выявить, социологи потратили немало усилий», — отмечает В. Сысенко [319, с. 95]. И. Родзинская отмечает «конфликты между супругами на почве вмешательства старших в семейные дела и как следствие — напряженные отношения с родителями в 28% молодых семей» [261, с. 89] и в 9% семей в среднем [262, с. 108]. По

данным Б. Павлова и В. Козлова, вмешательство родителей, родственников дает те же 9% причин разногласий между супругами [157, с. 69–70]. Часто в исследованиях проблемы отцов и детей обнаруживается широкий культурный разрыв между поколениями, во многих обществах дети и взрослые воспринимают жизнь настолько по-разному, что тем и другим есть чему поучиться друг у друга [293, с. 137].

С другой стороны, высказывается мнение, что «роль родительской семьи в устойчивости брака гораздо более значима, чем издержки «вмешательства» старших во взаимоотношения молодых супругов: среди пар, живущих вместе с родителями, стабильных браков на 11% больше, чем среди семей «независимых»» (В. Сысенко) [319, с. 95].

Серьезной причиной семейных неурядиц называется и перегрузка женщины домашними делами, и недостаточное участие мужа в семейной жизни: помощи по дому, воспитании детей... то есть «бытовое» неравноправие женщины. Б. Павлов и В. Козлов, например, приводят следующие данные причин разногласий между супругами (помимо материальных, пьянства и межличностных) [157, с. 69–70]: — недостаточное участие мужа в домашней работе — 18%, в воспитании детей — 13%.

В австрийской семье к числу негативных сторон их семейной жизни 41% респондентов отнесли ограничение личной свободы, 24% — частые ссоры, 6,3% — внебрачные связи жены (мужа) [356, с. 166]. В уральской семье внебрачные связи как серьезная проблема отмечаются чуть реже, чем в Австрии. Эта проблема с ростом душевых доходов сначала уменьшается, затем снова возрастает и на высоком уровне доходов заметно превосходит среднюю цифру (326, с. 164, 165).

По данным К. Щадиловой, «эмоциональная удовлетворенность семейной жизнью не зависит от пола, социальной принадлежности, дохода семьи, однако связана с наличием детей... Появление первого ребенка ослабляет интенсивность эмоциональных отношений супругов. Один из них (обычно муж) чувствует себя менее любимым, чем прежде» [356, с. 164].

А. Антонов полагает, что идеальным вариантом межсупружеских отношений выступает такое состояние потребностей супругов, когда их потребности высшего уровня совпадают, во-первых, по «размеру», и, во-вторых, по совместимости данного размера с возможностями их реализации в партнере. Реальное, правда, отличается от идеального и зона совместимости может быть узкой и маловариантной, что будет признаком семейной незрелости [6, с. 236–237].

Поскольку попытки поиска решений проблемы внутрисемейных конфликтов из анализа самих семейных отношений не приносили желаемых результатов, исследовательские акценты начали смещаться в сторону профилактики конфликтных ситуаций. Были проведены исследования вопросов отношения молодежи к браку и семье, различия взглядов представителей данной социальной группы на коллизии семейной жизни.

Д. Немировский отмечает по этому поводу, что «характер взаимоотношений брачных партнеров в значительной мере определяется установками на главенство. Их рассогласование — один из наиболее конфликтогенных факторов. 64,3% респондентов были уверены, что главой семьи станет муж, 29,9 предполагали, что руководство будет осуществляться обоими супругами, 4,1 считали, что главой семьи станет жена, 1,7 затруднились ответить. Около 20% будущих супругов резко разошлись во мнении, кто должен руководить их семьей» [228, с. 103]. С другой стороны, «несовпадение мнений относительно целей брачного союза оказывает более дезорганизующее влияние на семью, чем расхождения в установках супругов на семейные роли», констатирует Н. Обозов [231, с. 38]. «Тот факт, что измена в качестве мотива развода встречается столь же часто, как отсутствие общих взглядов и несходство характеров, только подчеркивают тесную взаимосвязь и взаимообусловленность этих причин», подчеркивает Н. Малярова [201, с. 25]. В. Лисовский отмечает наличие серьезных ценностных разногласий как основу конфликтов в семье между поколениями (195, с. 111–116).

Выявление в ходе исследований все новых и новых причин и оснований для разногласий формирует у ряда ученых представление о неизбежности конфликтных ситуаций в семье. По мнению Н. Маляровой, «чем глубже ученые изучают проблему супружеских взаимоотношений, тем больше убеждаются в невозможности существования бесконфликтных семей» [201, с. 22]. Так же думает и С. Агарков: «Мы должны сознавать, что бесконфликтное существование супругов вовсе не идеал, а тем более не норма функционирования брачного союза. Супружеские отношения всегда несут в себе зерно конфликта. ... Субъективное мнение супругов — не всегда истинное мерило: непримиримые враги объединяются, а счастливые внезапно открывают для себя многолетнюю измену и всю разделяющую их бездну непонимания и лжи» [1, с. 81].

Как видим, в отечественной фамилистике представлены самые противоречивые позиции и точки зрения по поводу состояния и перспектив современной семьи, что закономерно формирует вопрос: возможно ли вообще сколь-нибудь удовлетворительное решение проблемы улучшения семейных отношений? Или нарастание центробежных тенденций в семье является абсолютно объективным фактором, и потому следует прекращать всякие «словоблудия» на эту тему и просто наблюдать и фиксировать происходящее и готовиться к глобальным переменам в общественном жизнеустройстве, будущие образы которого, например, презентуют нам сегодня многочисленные фантастические триллеры?

Посмотрим, что говорит фамилистическая теория по поводу перспектив семейных отношений.

§ 2. Парадигмы социологического семействедения

Теоретические позиции в исследованиях семьи достаточно определенно оформились сегодня в три направления парадигмального статуса: «кризисное» (или «социоцентрическое»), «прогрессистское» (или «трансформационное») и «семьецентрическое» (или «субъектносемейное»).

Основой кризисной парадигмы является непрерывное сокращение исполнения семьей ее институциональных функций. Предпосылки кризисного видения перспективы семейных отношений мы обнаруживаем уже в начале XIX века во взглядах французского исследователя Ф. Ле Пле, который одним из первых (если не первый) разглядел в становлении буржуазных форм хозяйствования угрозу экономическому базису семейной солидарности, в качестве которого он видел единую, неделимую, передаваемую по наследству и преумножаемую совместным трудом членов семьи семейную собственность. Капитализм в первую очередь подрывает экономическую функцию семьи, вследствие чего за распадом семейной собственности происходит ослабление функций социального контроля, основой которого является экономическая власть главы семьи как владельца этой собственности [цит. по: 181, с. 60].

В этой связи Ф. Ле Пле выступал против использования исторического подхода в исследовании семьи в пользу монографического. По мнению ученого, исторический подход несет в себе идеи перемен, предполагающие неизбежный кризис семьи как основы общества при смене ее исторических форм, тогда как монографический метод работает на укрепление семейного благополучия через исследование и совершенствование его составляющих: первичных социальных отношений, семейной собственности, семейного бюджета.

Далее во второй половине XIX века Г. Спенсер также весьма озабоченно высказывался по поводу явно наметившихся тенденций дезинтеграции семьи, зашедшей «уже слишком далеко». Правда, он полагал, что на основе развития равенства и добровольности отношений между полами можно «ожидать теперь движения по обратному направлению» к восстановлению и даже укреплению интеграции родителей и детей, но пока его ожидания не оправдались [310, с. 73, 75].

На основании наблюдений и статистических данных современной им эпохи бурного развития индустриального производства М. Рубинштейн и П. Сорокин в России в начале XX века сформулировали полномасштабную картину глубокого кризиса семьи. М. Рубинштейн отмечает, что «теперь уже никто не может отрицать, что мы переживаем тяжелую полосу в развитии семьи, приблизившую нас к опасности почти полного ее разрушения» [268, с. 56]. По данным П. Сорокина, «в современной семье, действительно, происходит какой-то перелом, грозящий смести ее основные черты»; совокупность «безгласных» цифр «говорит о том, что современная семья переживает глубокий кризис»; семья «теряет одну за другой из сво-

их функций и превращается из цельного слитка во все более и более худеющую, уменьшающуюся и разваливающуюся семейную храмину» [303, с. 65, 67, 75].

Главной характеристикой указанного кризиса является распад семьи как устойчивой основы общества и государства, потеря семьей функции «первичного социального отношения» из-за кризисного состояния «союза мужа и жены, родителей и детей» [там же, с. 67]. Доказательством распада этого союза являются следующие выводы П. Сорокина из современных ему статистических данных: «1) все быстрее и быстрее растущий процент разводов..., 2) уменьшение самого числа браков ..., 3) рост внебрачных союзов..., 4) рост проституции..., 5) падение рождаемости» [там же].

Одной из ярких характеристик семейного неблагополучия является развивающееся противоречие между институтами семьи и государства. П. Сорокин отмечает, что «если раньше семья была единственной или главной воспитательницей, школой и опекуном, то теперь эта роль семьи должна исчезнуть.... государство мало-помалу отнимает у семьи ее воспитательные, учительские и опекунские функции и берет их в свои руки. <...> А это означает ... не что иное, как дальнейшее распадение семьи как союза родителей и детей и лишение ее тех функций, которые она до сих пор выполняла» [303, с. 72, 73].

Авторами фиксируются также и межинституциональные противоречия, происходящие из разных потребностей разных институтов, требующих от семьи удовлетворения именно своих потребностей. М. Рубинштейн констатирует: «Приходится считаться, как с важным фактором, с противосемейной пропагандой. ... Школа винит семью, семья дискредитирует всеми доступными ей способами школу и учителей, общественное мнение осуждает их обоих вместе и само осуждается ими» [268, с. 64].

Основной причиной происходящих негативных изменений исследователями называется процесс становления индустриального общества, в условиях которого «семья распадается и как хозяйское целое». [303, с. 74]. Капиталистическое промышленное развитие внесло в сферу семейной жизни едва ли не самые ужасающие опустошения и разрушения, разрушается «один важный устой семьи за другим», устраняется «почти всякая возможность помочь этой беде в данных условиях». Развитие производства и рост разнообразия товарной массы с одновременным увеличением возможностей населения по ее потреблению «повысили потребность в наслаждении». Атмосфера личного успеха, «потребность почувствовать интенсивно самого себя ... гонит индивида на путь эгоизма и крайнего индивидуализма». Порожденное этими изменениями феминистское движение отстаивает лозунг «детей без мужа», что является крайним выражением кризиса, который переживает семья [268, с. 56, 57, 61].

Рост социальной дифференциации и утверждение морали «золотого тельца» приводят к тому, что «голая борьба за существование является

первым и ... наиболее грозным разрушителем семейного довольства и счастья, а главное – согласия между супругами. Все это ложится неопишуемой отрицательной тяжестью на плечи детей». Уклонение от детей «есть общее явление как на низах, так и на верхах народа: на низах боятся разорения и нищеты, на верхах опасаются, что забота о детях поглотит личную жизнь. И там, и тут крепнет желание или не иметь детей вовсе, или ограничить число их». «Живя в тяжелых материальных условиях, люди часто вынуждены смотреть на появляющихся детей как на «лишние рты»; конкуренция уже начинает врываться тогда внутрь семьи и нарушать ее целостность и единство» [там же].

Уничтожение семьи как трудовой производительной организации приводит к тому, что «в такой семье функции труда и воспитания и обучения уже больше не совпадают, а может быть, даже и не соприкасаются» [там же, с. 58, 60], что означает разрушение процесса семейной социализации.

При этом ученые прекрасно понимают, что кризис носит объективный характер, а не является случайным следствием непродуманных действий общества или того или иного правительства. П. Сорокин отмечает, что «не та или иная агитация, а весь уклад современной жизни ведет к распаду семьи, и остановить последний ... — задача очевидно невозможная». Мало того, уже идущая на смену капиталистической социалистическая культура с ее всеобщей альтруистической составляющей в «начавшемся единоборстве семьи и общества, интересов первого и второго» ведет к тому, что «организация современной семьи будет разбита: общественные интересы с одной стороны, а интересы личности — с другой, победят...». Социалистический альтруизм требует большего «простора, чем узкие границы семейного альтруизма» [303, с. 75].

Прогнозы П. Сорокина подтвердили и социальные преобразования советского времени, которые еще более усугубили кризисные явления в российской семье. Е. Чокич, описывая этот период, отмечает, что «в течение двух послереволюционных десятилетий преобразования общества привели к обострению процессов дестабилизации институтов брака и семьи. ... Усилились тенденции к росту разводов и кратковременных сожительства, сокращению размеров и детности семьи». «Длительные и широкомасштабные военные действия», репрессии, недороды, ухудшение здоровья не могли не вызвать соответствующих негативных последствий, породивших «усиление политической интервенции государства во все области жизнедеятельности семьи». Семейная политика носила ярко выраженный репрессивный характер, «основываясь не на интересах семьи как таковой, а исключительно из необходимости выполнения ею четко определенных социальных функций»: закрепленных в законе обязанностей воспитывать и опекать детей [351, с. 95, 96, 100].

Такая политика тоже не принесла желаемых результатов: семья, как могла, сопротивлялась навязываемым ей установкам, несмотря на массированное идеологическое и психологическое воздействие по всем направлениям. В авторитетном коллективном труде советских обществоведов издания 1982 года, посвященном вопросам отношений семьи и общества, отмечается, что «трудно перевоспитать супругов с уже сложившимися взглядами. Гораздо легче воспитывать подростков таким образом, чтобы свою будущую семейную жизнь они строили в соответствии с нормами коммунистической морали» [281, с. 39].

Современная ситуация являет нам в основном те же общие кризисные тенденции в семье. Рост числа разводов с увеличением доли одиноких граждан, сокращение рождаемости и обсуждение возможностей и проблем клонирования человека являются общеизвестными и общепризнанными, причем более всего как раз среди материально обеспеченных групп населения. Семейное благополучие кажется все более и более проблематичным, а социально-негативные последствия процессов ослабления института семьи все более нарастающими. Депопуляция, алкоголизм, отказные дети, социальное сиротство, бродяжничество, разрыв родственных связей, утрата моральных ценностей, прагматизм и мещанство, бездуховность с культом секса, насилие в семье и вне ее, социальный пессимизм, детская и подростковая преступность и наркомания — уже совершенно типичные факты нашей действительности [219, с. 97–98].

Теми же остаются и причины, определяющие кризис. В. Медков в примечании к статье известного американского социолога-семьеведа отмечает, что «причина семейного и демографического кризиса» не в изменчивых обстоятельствах сегодняшнего дня, а «в самих основах современной цивилизации», в которой происходит «рост анархического индивидуализма и крушение семьи как уникального социального института... Необходима новая семейная политика — семейная политика для свободных людей, ... которая единственно только и способна возродить семью [142, с. 94]. Однако, по мнению А. Антонова, социология семьи пока не выработала приемлемого методологического подхода удовлетворительного теоретического решения проблемы кризиса современной семьи. Основными результатами научных изысканий как отечественных, так и западных исследователей остается здесь пока констатация, описание и объяснение происходящих изменений с их преимущественно негативной оценкой и (заметно реже) предложениями по «смягчению» деструктивных последствий.

Но снятие тех или иных отдельных негативных моментов в положении семьи не дает автоматического увеличения позитивных: освобождающуюся «нишу» чаще всего занимает другой «негатив». Широко представленное сегодня (2006 г.) в литературе мнение о необходимости повышения уровня жизни для уменьшения числа разводов и увеличения рождаемости

неизбежно «спотыкается» о ситуацию в Европе и в материально успешных (обеспеченных) российских семьях, где высокий уровень жизни не просто не является гарантией предотвращения депопуляционных тенденций, но, наоборот, даже активно провоцирует их, демонстрируя в качестве референтной группы обеспеченных индивидов, ведущих несемейный или бездетный (малодетный) образ семейной жизни [179, с. 185; 356, с. 164]. Поэтому совершенно права С. Барсукова, отмечая, что «позитивный образ не всегда и не полностью может конструироваться по принципу «от противного»» [22, с. 75].

Тем не менее, кризисная парадигма по-прежнему является преимущественной теоретической основой семейной политики. В. Медков в этой связи пишет, что «возродить среднедетную семью как основной тип семьи возможно, лишь помогая отдельным конкретным семьям решать их жизненные проблемы, преодолевать те трудности, которые могут возникнуть на тех или иных стадиях жизненного цикла семьи. Поэтому краткосрочные цели семейной политики можно выразить как социальную поддержку семей, которые на стадии репродуктивного родительства сталкиваются с различными напряженными ситуациями, испытывая те или иные стрессы и проблемы. Причем основное внимание должно уделяться тем семьям, внутренний потенциал которых не позволяет им самим, своими силами справиться с конфликтами и стрессами и которые нуждаются в социально-психологической помощи со стороны государственных и негосударственных социальных служб» [10, с. 254].

В самом общем виде основные теоретические положения кризисной парадигмы семейного неблагополучия выглядят сегодня следующим образом:

- 1) расстройство процессов непосредственной саморегуляции жизнедеятельности семьи как социального института и отставание становления взамен них отношений опосредованного (общественного) регулирования;
- 2) все большее расхождение целей и ценностей индивида, семьи и общества;
- 3) усиление гедонистической (установка на личное счастье) составляющей семейной жизни в ущерб прокреативной (рождаемость) и социализирующей (воспитание);
- 4) ускорение темпов социальных изменений и увеличение по этой причине ценностно-коммуникативных различий между поколениями;
- 5) отставание теоретической и прикладной научной базы от процессов, происходящих в семье изменений;
- 6) общая атмосфера «негатива» в оценке обществоведами и средствами массовой информации происходящих изменений в семейном образе жизни и перспектив самой семьи.

Господствующее мнение — что решение проблемы здесь следует искать в поддержке обществом и государством тех семей, которые своими силами не в состоянии справиться с их внутренними проблемами.

«Трансформационная» парадигма производна из «общезволюционистского» («прогрессистского») подхода в обществознании. С этой точки зрения никакого особенного семейного кризиса нет; идет нормальное функционирование и перестройка семьи в соответствии с изменяющимися отношениями в обществе. Теоретические основы этого направления также были заложены еще классиками социологической науки. П. Сорокин, говоря о кризисе семьи, почти всегда тут же говорит и о закономерности ее трансформации. «Семья, как и все общественные установления, на протяжении своей истории испытала ряд изменений. Ее развитие не остановилось и на современных ее формах... По мере того, как изменяются основы современного общества, изменяется и семья» [303, с. 65].

Эти изменяющиеся основы представляют собой, в полном соответствии с подходом П. Сорокина к построению «системы социологии», чрезвычайно многомерную конструкцию: «Как видно уже из самого описания ... признаков разложения семьи, здесь действуют многие факторы или силы, и это разложение зависит от многих причин: и от плотности населения, и от «экономики», и от уклада жизни (деревня и город), и от роста свободы личности и развития индивидуализма, и от падения старых религиозных верований и т.д., и т.д. Все они в своей совокупности ведут семью к новым формам» [там же, с. 75].

Для отыскания ответа на вопрос: «какая форма семьи идет на смену отживающей?», [там же] необходимо, по мнению М. Рубинштейна, учитывать изменения в статусе женщины и развитии личности: «Фабрики, заводы, ремесла и профессии все шире и шире открывают доступ женщине, и вместе с тем семья все больше и больше становится лицом к лицу с мыслью, что она должна как-то внутренне переродиться ... Потребность изжить, выявить и почувствовать свою личность и именно в ее индивидуальных, неповторяющихся сторонах... воплотилась в неудержимое стремление в широких кругах.... Прожить красиво, интенсивно — стало настоящей задачей всей жизни развитой человеческой личности» [268, с. 62]. Идет «процесс освобождения личности из пеленок семейного крова и перехода ее в широкое море общечеловечности», обобщает П. Сорокин. Теперь «заинтересованность человека своими собственными интересами и интересами своей семьи» заставляет его вести себя «общественно полезно», в отличие от прежнего общества, в котором эти интересы учитывались в последнюю очередь. Нужно способствовать по возможности безболезненному переходу семьи к этим новым грядущим формам [303, с. 76, 77, 79]. Но конкретно по поводу этих форм П. Сорокин предпочитает не рассуждать до получения соответствующих убедительных фактов.

Эти факты в массовом порядке обобщаются, конкретизируются и обсуждаются в мировой социологической литературе с середины XX века. Внешними характеристиками этого периода являются: стремительное улучшение здоровья населения и исчезновение многих инфекционных болезней; удвоение средней продолжительности человеческой жизни; резкое сокращение числа рождений, приходящихся на одну женщину; переход к нуклеарной семье и, в конечном итоге, снижение в ряде обществ уровня деторождений до уровня смертности и ниже [314, с. 118, 119; 274, с. 53]. На основе достижений цивилизации (возможность получать все основные необходимые блага от своего труда и общества без участия семьи в непосредственной производственной деятельности); науки (контрацепция, достижения медицины по поддержке беременности и родов), политики и культуры (толерантность и формирование единого социокультурного пространства с возможностями воспроизводства населения за счет мигрантов и удовлетворения потребностей в родительстве за счет усыновления детей из «бедных» стран) и становится современная форма семьи. «Объяснительной оболочкой» происходящих перемен являются теории «демографического перехода», «угасания потребности в детях», «демографического оптимума».

«Теория демографического перехода» сформировалась как «попытка теоретической интерпретации ускорения роста численности народонаселения, начавшегося в европейских странах и их колониях в XIX веке» [274, с. 132]. Основные положения данной теории изложены в трудах К. Блеккера, Э. Гувера, П. Калатбари, Дж. Колдуэлла, Д. Коугилла, Э. Коула, М. Кэйна, А. Ландри, Р. Лестига, Ф. У. Нотештейна, Д. Нуана, А. Омрана, З. Павлика, У. С. Томпсона, Дж. Фоссета, Г. Шубнеля и других; из советских и российских исследователей — Э. Араб-Оглы, А. Вишневого, А. Судоплатова. Главная ее идея заключается в обосновании постадийного становления социального регулирования процессов народонаселения с попытками объяснения происходящих перемен в связи с соответствующими стадиями социального прогресса сначала абстрактно «чисто экономическими или социально-психологическими факторами, либо их совокупностью» [314, с. 125; 274, с. 134], влияющими на репродуктивное семейное поведение, а затем на основе междисциплинарного и «семейноцентрического» подходов.

Теория «угасания потребности в детях» наиболее последовательно представлена австралийским исследователем Дж. Колдуэллом, объясняющим рациональность репродуктивного поведения в западном обществе «индивидуализмом», опорой индивида на собственные силы и внесемейной моралью [цит. по: 314 с. 144]. В атмосфере всеобщего роста благосостояния на основе достижений цивилизации резко снижается ценность детей как исторического института «социального страхования». Вкупе со всевозрастающими затратами на их социализацию дети становятся препятствием к до-

стижению уровня «социальных стандартов» бытия, и потому их (детей) производство в семье сокращается и даже все чаще прекращается.

«Теория демографического оптимума» (А. Карр-Саундерс, П. Клод, У. Робертс, А. Сови, И. Ференци, из российских исследователей — А. Кваша) описывает конкретный процесс приемлемого уровня удовлетворения потребностей индивида и общества в детях, согласования индивидуальных и общественных интересов в становящейся новой форме семьи и утверждения этим самым семейного благополучия. В своих основных положениях данная теория гласит, что «оптимальное население может быть определено как достаточно большое, чтобы реализовать человеческие производительные способности в целях обеспечения индивиду высокого качества жизни, но не столь большое, чтобы представлять угрозу качеству жизни, возможности его повышения и экосистеме»; оптимум — это «такая численность населения, при которой ее рост прекращается и общество выдвигает в качестве своей главной цели жизнь в гармоническом равновесии с природой» [274, с. 130].

В «зеркале» трансформационного подхода семья с «должности» «первичного социального отношения» переводится в ранг рядового социального института, поскольку, отдавая все большее количество своих функций промышленным, коммерческим, политическим и другим структурам, обеспечивающим индивиду более высокое качество жизни, чем его семейное бытие, она лишается почти всех своих прав на претензии по повышению к ней внимания со стороны указанных институтов. Поэтому решение проблемы повышения эффективности функционирования института семьи относится, в рамках данного подхода, к исполнению стандартных процедур согласования и урегулирования «межведомственных» отношений и институциональных структур: образования, социальной защиты, социального страхования, благотворительной деятельности, общественного мнения...

Логичным продолжением дискуссии «кризис-трансформация» является концепция теоретического синтеза достижений обеих точек зрения. Из складывающегося понимания принципиальной необходимости разрешения ситуации противостояния «кризиса» и «прогресса» сегодня вырастает «семьецентрическое» научное направление, основы которого также формулируются еще классиками (Ф. Ле Пле и П. Сорокиным), а идеи развиваются современными исследователями.

Так, в концепции исторических типов семьи С. Голода предлагается в качестве предмета исследования структура из трех типов современной моногамной семьи: патриархальной, детоцентристской и супружеской. Первая характеризуется автором как отмирающая на фоне все большего укрепления в обществе эгалитарных семейных отношений. Фигура мужа и отца как главы семьи, имеющего непререкаемый авторитет в решении принципиальных вопросов, все более заменяется на образ коллективного ведения семейного хозяйства и равноправие всех членов семьи, включая

детей, что есть установление в качестве основного детоцентристского способа семейной организации. Но в последнее время приоритетом в исследованиях становится сфера супружеских отношений. Ведущей «адаптационной осью супружества ... является поиск общих для мужа и жены ценностей и потребностей, т.е. духовная отзывчивость», утверждает автор в своих выводах [78, с. 126].

Как отмечает А. Кузьмин, «социологический подход к изучению семьи не сводится к пониманию семьи как подсистемы общества, выполняющей специфические функции <...> Семья как социальный институт не есть простой исполнитель заданных свыше функций. Она активный элемент и агент социальных изменений. Семейная жизнедеятельность вплетена в социальную реальность» [179, с. 10]. Для эффективной реализации этой активности и решения порождаемых семейным неблагополучием социальных проблем необходимо, с точки зрения «семьецентрического» направления, придание институту семьи особых полномочий и приоритетных прав, «признание за семьей права выступать в качестве субъекта социально-политической деятельности; — расширение сферы полномочий семьи в осуществлении социального контроля за своими членами; — ограничение индивидуальной свободы отдельных членов семьи в выборе приоритетов деятельности в интересах семейной группы; — возвращение семье полностью или частично утраченных ею функций — накопления частной собственности и ее передачи по наследству, деторождения, социализации, социального контроля и т.д.; — провозглашение внесемейных ценностей ценностями второго порядка, зависимыми от ценностей семейных и подчиняющимися им; — формирование в общественном сознании престижа семьи как социального института», отмечает Л. Карцева [143, с. 94]. На основе данных современных исследований ею показывается расширение многомерности и вариативности современной семьи и делается вывод, что «возвращение семьи к успешному и экономически стабильному функционированию станет возможным только после выхода из экономического кризиса и создания благоприятных условий для социально желательного варианта ее структуры» [там же, с. 99].

При всей справедливости основных положений представленной точки зрения и здесь проблема согласования отношений семьи и общества остается теоретически неразрешенной. Семья, вместо того, чтобы быть субъектом, основным действующим лицом разрешения социальных противоречий, с позиций данного подхода является, наоборот, постоянным источником проблем и беспокойства для общества и потому нежелательным для него социальным субъектом и элементом социальной структуры.

То есть, можно сказать, что в рамках существующих сегодня трех основных «семейных» парадигм отсутствует теоретическое решение проблем современной семьи и производных из них социальных проблем. «Кризисная» парадигма представляет собой «акцентуацию» институциональных ин-

тересов общества, упор на проблемы неудовлетворения семьей потребностей социальных институтов (в первую очередь, государства, образования, здравоохранения, социальной защиты, общественного мнения и т.д.) при фактическом (хотя и замаскированном под тезисом «всеобщего взаимодействия и связи») игнорировании интересов и потребностей индивида.

«Трансформационная» парадигма, наоборот, представляет собой «акцентуацию» интересов индивида, упор на проблемы удовлетворения семьей потребностей личности (в первую очередь супругов) при фактическом (замаскированном под тем же самым тезисом «всеобщего взаимодействия») игнорировании интересов и потребностей семьи и государства.

Соответственно, «семьецентризм» есть «акцентуация» интересов семьи как малой группы, упор на проблемы удовлетворения семьей ее собственных потребностей (в первую очередь в самосохранении) при том же «оттеснении» на второй план интересов и потребностей индивида и общества.

Как обычно происходит в таких случаях, альтернативой данной противоречивой ситуации закономерно «проявляется» идея принципиального отказа от попыток реализации «монистического» подхода в пользу «множественности моделей современной семьи», построенных на самых разных сочетаниях ценностных, ролевых, социокультурных, национальных и других оснований. Будучи активно представляемой в литературе данными эмпирических исследований, в теоретическом плане такая модель семьи представляет собой больше *капитуляцию* исследовательского сообщества перед проблемой формирования логичной и последовательной научной концепции, чем продвижение по пути решения этой проблемы.

Приведем еще один выразительнейший пример «недостаточности» современного теоретического семейведения. Это представление генезиса американской семьи президентом оргкомитета Всемирного конгресса семей А. Карлсоном [142]. Ученый показывает, что в первой половине XX века американская семья демонстрирует устойчивые негативные тенденции («непрерывное ослабление институциональных функций семьи») распада семейной жизни по тем же самым признакам, которые были подробно описаны П. Сорокиным и другими исследователями.

Однако в 50-х годах XX века в США неожиданно резко повысились рождаемость, брачность, улучшились другие институциональные характеристики. Социологи заговорили «о новой форме семьи», характеризуемой следующим образом: семья нуклеарная, в основе которой – тщательно сложенный комплекс половых семейных ролей и растущее внимание к функции взаимного личностного приспособления. Попытки объяснения этого феномена породили множество различных и конкурирующих друг с другом интерпретаций.

Примерно с 1965 года ситуация снова изменилась в обратную сторону и дошла до того, что в 1976 году впервые в истории США «естествен-

ный прирост» населения стал отрицательным. Вкупе со всеми другими негативными тенденциями за 18 лет (1960–1978) годовое число абортотворилось в 14 раз.

Затем положение несколько стабилизировалось, но небольшие волнообразные колебания негативных и позитивных процессов происходят периодически до сих пор. Весьма актуальным является замечание автора, что «в 80-е гг. родившие детей вне брака наслаждались субсидиями, в то время как «нормальные» семьи изнывали под налоговым гнетом» [142, с. 91].

Мы сегодня наступаем на те же грабли....

Поучительными выглядят и выводы. «Восьмидесятые показали, что возрождение общества невозможно навязать сверху. Оно может быть лишь результатом широкого движения, идущего снизу. ... Интенционально традиционные семьи ... будут добиваться свободы, автономии и способности самим удовлетворять собственные потребности... Просемейная политика сменит свой вектор: от попыток обновить общество она обратится к более скромной цели уменьшения отрицательных последствий плохих законов и к защите очагов традиций и добродетели от амбиций постсемейного государства» [там же, с. 94].

Автор, являющийся известным и авторитетным в мировой науке специалистом, даже не пытается раскрыть закономерности описанного им генезиса семьи, основания происходящих изменений. Это говорит о том, что ни одна из того «множества различных и конкурирующих друг с другом интерпретаций», которые возникли с целью объяснить перемены, происходящие с американской семьей, не признается А. Карлсоном достаточно удовлетворительной.

Из практики известно: если конечная продукция не соответствует необходимым критериям, нужно проверить качество сырья, оборудование и технологию. В научных исследованиях за качество результатов отвечает методическая составляющая.

§ 3. Методология социологической фамилистики

Социологические исследования семьи идут в русле развития общей социологической теории и отражают в своем содержании принципиальные положения ее различных парадигм и их достоинств и недостатков. Обзор литературы показывает, что набор методов и подходов здесь «представляется» от одного-двух (историко-материалистический у Ф. Энгельса, структурно-функциональный и теория конфликтов у Н. Смелзера) до пяти и более (социально-психологический, структурно-функциональный, системный, институциональный, социально-биологический, субъект-объектный, ролевой, конфликтный, эгалитарный у И. Дементьевой) [98, с. 15].

Сравнительно-исторический метод имеет в социологии семьи давний авторитет, значительные достижения и устойчивые традиции. И. Баховен, В. Бехтерев, Э. Вестермарк, М. Ковалевский, И. Колер, Дж. Леббок,

Дж. Мак-Леннан, Л. Морган, Г. Мэн, Н. Пушкарева, Ю. Семенов, У. Риверс, Н. Розов, Э. Тайлор, С. Толстов, Л. Штернберг, Л. Файсон, Ф. Энгельс раскрывают проблемы экзогамии, патриархата и матриархата, закономерности и механизмы формирования и развития институтов семьи и брака в их сложнейшей взаимосвязи с другими социальными институтами (труда, собственности, государства...)

В отечественной социологии семьи основной заслугой сравнительно-исторического метода, вероятно, следует считать обоснование кризиса современной семьи (П. Сорокин, М. Рубинштейн, П. Люблинский,...). Первыми результатами применения данного метода, непосредственно связанными с проблемой семейного благополучия, являются в советский период исследования изменений положения женщины в социалистическом обществе. Э. Васильева, А. Вишневский, Е. Ворожейкин, З. Голенкова, С. Голод, Е. Груздева, Б. Павлов, М. Покровская, Г. Силласте, А. Харчев, Э. Черпекина на основе данных статистики и социологических исследований показывали тенденции и размеры происходящего в СССР повышения всех видов и форм политической и трудовой активности женщин, рост уровня их образования и квалификации, повышение роли во всех сферах общественной жизни.

Другим достижением данного метода, давшим мощный толчок развитию социологии семьи в России, стало выявление отрицательных тенденций в установках репродуктивного поведения супругов. Исследования, которые проводили А. Антонов, В. Архангельский, В. Борисов, А. Вишневский, М. Мацковский, О. Кучмаева, И. Мокеров, А. Кузьмин, А. Петраков, показывали неуклонную тенденцию к сокращению рождаемости и ее перспектив в тех регионах СССР, где как раз больше всего и требовалось расширенное воспроизводство рабочей силы (Прибалтика, Россия, Украина, Белоруссия) и излишне высокие темпы прироста населения в республиках Средней Азии и Закавказья.

К достижениям указанного метода следует отнести и результаты анализа тенденций браков и разводов. Было обнаружено возрастание числа разводов относительно числа браков по мере исторического развития советского общества и показана необходимость проведения в данном направлении специальных исследований. Проведение М. Мацковским сравнительно-исторического анализа научных публикаций позволило обнаружить смещение интереса ученых от общего описания семейно-брачных отношений и институциональных составляющих семьи к ее групповым составляющим и межличностным отношениям [207, с. 73].

Вслед за американской и европейской наукой (Ст. Андерсон, С. Руссель, В. Шумн, Н. Глен, С. Маклантахан, Н. Смелзер, С. Кратохвил, Дж. Медлинг, М. МакКери, Л. Тамир, К. Антонuzzi, Р. Блад, Д. Вульф, Б. Парис, Е. Лаки, Х. Фелдман, К. Кеннон, Б. Роллинс, Р. Левис, Ч. Коль) в России реализуется подход, в основе которого – исследования состояния семьи в зависимости от различных исторических стадий ее функциониро-

вания. Ю. Алешина, В. Альперович, С. Голод, О. Здравомыслова, Б. Павлов, Н. Римашевская, А. Стожаров анализируют происходящие в семье изменения в отношениях после рождения первого ребенка; после отделения от родителей; после выделения детей в самостоятельную семейную жизнь; этапы перехода женщины с работы к ведению домашнего хозяйства и обратно на работу; в зависимости от стажа совместной жизни супругов.

Сравнительно-исторический метод позволяет производить выработку алгоритмов прогнозирования изменений семейного благополучия по мере и на основе происходящих изменений в экономической, политической, социальной и духовной сферах общества. При этом подходе в арсенале исследователя всегда есть тот или иной авторитетный исторический пример, представленный множеством отношений той или иной формы семейной организации с окружающей социальной действительностью в динамике изменений их взаимовлияния, что позволяет иметь «под ногами» весьма устойчивое «основание» для выработки теоретических гипотез и прогнозов.

Однако опора на исторические аналогии и описание различных социальных условий, связей и взаимодействий, в которых происходит переход от одной исторической формы семьи к другой ее форме, не позволяет раскрыть роль самой семьи в происходящих изменениях, ее активное начало, семью как активного участника этих преобразований, показать механизмы ее самодвижения. Семья в этом случае выступает лишь как рядовой элемент спонтанного исторического процесса. Кроме того, при этом подходе в теории нет достойного места конкретно-историческим особенностям предмета исследования, его необходимости, то есть той формы семьи, относительно которой и производятся исследовательские процедуры.

Монографический метод в семьеведении, родоначальником которого считается Фредерик Ле Пле, возник параллельно и формировался как противоположный сравнительно-историческому. Ле Пле вообще полагает исторический подход вредным для семьи, поскольку он (этот подход) акцентирует внимание на тенденции постепенной замены религиозной мировоззренческой парадигмы на рационалистическую, что неизбежно ведет к распаду семьи и общества, поскольку разрушает как их духовный стержень (веру в высшую справедливость, персонифицированную в Боге, отце и правителе), так и экономический (неделимость семейной собственности, являющейся опорой семейного гнезда, семейной солидарности).

Монографический метод предполагает непосредственный контакт с полевыми данными, собранными с целью измерения параметров изучаемого объекта в противовес акценту на исторические данные. Ле Пле вводит селективный принцип при сопоставлении и презентации проистекающих из теоретической схемы первичности семейных отношений в контролируемом поведении данных с основными аспектами социального и физического окружения (место проживания, работа, система собственности, формы

богатства, сбережения, соседство, формальные организации, община, государство, раса...). При этом определенный тип семейной структуры у него всегда корреспондирует с определенным типом экономики (организации труда, производства и обмена) при определяющей роли семейного хозяйства (домохозяйства) и бюджета, содержания семейных доходов и расходов. Поэтому образ семейной жизни меняется с каждым различием в указанных сферах экономики и других социальных и географических особенностей, что показано Ф. Ле Пле подробнейшим образом в ходе проведенных им полевых исследований изучения семейных бюджетов разных типов семьи [цит. по: 181, с. 60].

Одновременно Ле Пле заложил и некоторые основы методологии структурно-функционального анализа семьи, рассматривая последнюю сквозь призму ее главной функции, под которой он представлял функцию социального контроля, и раскрывая связи семьи со всей окружающей социальной действительностью с позиции данного приоритета. Семья у него показывает пример правительству, как, осуществляя социальный контроль, можно в условиях весьма жесткой централизации (патриархальной семье, где отец осуществляет верховную власть в течение всей своей жизни над всеми членами семьи, кроме вышедших замуж дочерей) избежать злоупотребления этой властью на основе родительской любви к детям. Чем меньше правительство и церковь вмешиваются в семью в функциях социального контроля, тем легче семья исправляет ошибки их деятельности в процессе семейного воспитания [там же, с. 60–61].

В целях эффективного осуществления этого контроля, по Ле Пле, семья исполняет другие функции, прежде всего экономическую, для обеспечения членов семьи средствами к существованию, укрепления семейного бюджета и семейной собственности. Но «жесткость» экономической функции, опирающейся на строгую внутрисемейную дисциплину и тяжелый труд на основе физического и морального принуждения, смягчается семейной солидарностью, основанной на любви к детям и атмосфере коллективного формирования благополучия семьи.

Последователи Ле Пле и продолжатели монографического направления (А. де Турвиль, П. де Рузье, Р. Пино, Э. Демолен), вырабатывая образ идеального типа семьи, несколько смягчили принципиальность основателя школы в вопросе о неделимости семейной собственности в целях сохранения прочности экономического фундамента семьи. Такой идеальный тип был представлен ими в форме партикуляристской семьи, распространенной в Скандинавии и англосаксонских странах. Эта семья представляет собой «оптимистическую версию» «нестабильной» нуклеарной семьи, образующейся в случае раздела семейной собственности, а оптимизм относительно ее перспектив базируется на вере в способности трудолюбивого главы семьи умножать доставшуюся ему после раздела собственность в условиях развития социально-стабильного общества [181 с. 62–63]. Во

взглядах последователей Ф. Ле Пле впервые появляется идея выявления выборочной совокупности семей, соответствующих некоторому набору позитивных социальных норм.

Монографический подход позволяет опереться на всю мощь семейной организации, и ее решающего влияния на общественную жизнь при анализе социальных процессов, поскольку семья и является всеобщим основанием всякого социального. Но это преимущество оборачивается недостатком, когда речь заходит о сферах общественной жизни, кажущихся весьма удаленными от семьи (политика, бизнес, творчество), которые далеко не всегда могут быть объяснены только через актуальное семейное воспитание и семейную жизнь.

Структурно-функциональную парадигму применительно к семье как научную систему взглядов сформировали Э. Берджесс, Э. Дюркгейм, Дж. Мэрдок, У. Огборн, Т. Парсонс, П. Сорокин, Г. Спенсер, в трудах которых широко рассматривались роль института семьи в социальной структуре общества, ее функционирования в качестве целостного образования (элемента структуры), была сформирована сфера проблематики кризиса семьи. В рамках данной методологии исследовались структурные преобразования в семье, различные типы семьи по ее составу (полные, неполные, многодетные, малодетные, нуклеарные, многопоколенные....), структура и функции семейных групп, иерархия исполняемых семьей функций.

Тема структуры и функций семьи является одной из наиболее широко разработанных и представленных в социологической литературе. Уже О. Конт описывал в качестве самых важных для общества функций семьи сохранение культурного наследия, установление моральных и эмоциональных связей между людьми и равновесия между устремлениями различных поколений. Ф. Ле Пле в качестве основной рассматривал функцию социализации. Э. Дюркгейм поставил проблему изменения функций семьи в ходе социальной эволюции. Г. Спенсер заложил традиции деления функций семьи на общественные (общейнституциональные) и индивидуально-групповые. П. Сорокин и М. Рубинштейн сформировали и глубоко обосновали становящиеся социальные проблемы современного общества из-за нарушений в исполнении семьей ее функций.

И в современной российской социологии семьи сложно отыскать хотя бы один известный труд, в котором не были представлены и не обсуждались бы самым широким образом взгляды авторов на эту проблематику. М. Мацковский, представляя еще в 1982 году разработанный им тематический рубрикатор по социологии семьи, выделяет 21 направление исследований проблем семьи, при этом одно (!) (из этих 21-го) направление под названием «Основные функции семьи» содержит почти такое же число публикаций, какое имеют все остальные 20 направлений [207, с. 75–77]. Функции семьи и ее роль и место в социальной структуре анализировали в своих работах А. Антонов, В. Белова, И. Бестужев-Лада, В. Борисов,

В. Бойко, Э. Васильева, А. Вишневский, Ю. Вишневский, А. Волков, И. Герасимова, С. Голод, В. Голофаст, Л. Дарский, И. Дементьева, В. Елизаров, Л. Журавлева, В. Зацепин, Г. Зборовский, Л. Карцева, А. Ковалева, А. Кузьмин, В. Луков, М. Мацковский, М. Панкратова, В. Переведенцев, В. Попов, Н. Римашевская, В. Ружже, Ю. Семенов, Г. Свердлов, В. Сысенко, С. Томилин, В. Рясенцев, Б. Урланис, Е. Фотеева, В. Ключников, С. Лаптенко, Н. Юркевич, А. Харчев, А. Хоменко, Д. Чечот, Л. Чуйко, З. Янкова и многие другие. В ходе теоретических исследований количество обнаруживаемых функций семьи все возрастало — а на практике в это время семья все дальше погружалась в кризис.

Традиционный анализ функций семьи обычно производится из их субординации, где выделяются основные (или «центральные») и не основные (или «дополнительные») функции. Обычно в качестве «основных» определяют функции репродуктивную (воспроизводства, рождения детей) и воспитательную (первичной социализации), относя другие к «не основным» [309, с. 319; 122, с. 410]. И. Дементьева предлагает относить к основным функциям деторождение, воспитание, хозяйственно-экономическую и досуговую функции; к дополнительным — функции социализации, интеграции, общения, эмоционального обмена, передачи информации, «психологического убежища» [98, с. 28].

Поскольку «функции семьи связаны с потребностями общества и личности» [264, с. 462], всю их совокупность в том же соответствии с «традиционными» «тройственными» определениями семьи («семья — социнститут»; «семья — малая группа»; «семья — сфера межличностного взаимодействия»;) делят на общественные и индивидуально-групповые. «Анализ семьи, — пишет С. Голод, — как и любой системы, имеет два вектора: один направлен на раскрытие внутреннего механизма ее функционирования и взаимодействия элементов; другой — в окружающий семью мир, взаимодействие с которым составляет ее внешнее функционирование» [78, с. 90]. «Если семья характеризуется как социальный институт, значит, речь идет о ее общественных функциях. Когда же она выступает как социальная общность (группа), точнее обращать внимание на индивидуально-групповые функции. К первой группе обычно относятся функции репродуктивная, воспитательная, хозяйственно-бытовая и экономическая; ко второй — первичного социального контроля, духовного общения, социального статуса, досуга, рекреационная, сексуальная», отмечает Г. Зборовский [122, с. 410].

При анализе отношений семьи с другими институтами ее функции рассматриваются по основанию «специфические-неспецифические». К первым В. Борисов и В. Медков относят «репродуктивную (рождение детей), экзистенциальную (содержание детей) и первичной социализации (воспитание детей) [307, с. 331]. Л. Карцева считает специфическими лишь прокреативную и воспитательную функции, относя содержание детей к

неспецифическим функциям (хозяйственно-бытовая, материально-экономическая, досуговая, коммуникативная, социального контроля, сексуальная ...) [143, с. 98].

В некоторых исследованиях высказывается положение, что следует говорить о переменной значимости для семьи ее функций; каждая из функций, независимо от ее принадлежности, имеет как общественную, так и индивидуальную составляющие: например, репродуктивная функция есть не только биологическое воспроизводство населения, но и удовлетворение потребностей в детях; сексуальная — не только удовлетворение сексуальных потребностей, но и сексуальный контроль и т.д. [264, с. 462].

Существует и точка зрения, что «главной общественной функцией семьи <...> становится обеспечение удовлетворения потребностей мужчины и женщины в супружестве, отцовстве, материнстве и воспитании детей» [44, т. 23, с. 245]. По мере смещения исследовательского акцента от институциональных аспектов семьи к ней как сфере личной жизнедеятельности индивида в литературе все больше обращается внимание на фелицитологическую (гедонистическую, то есть создание условий для счастья всех членов семьи), [120, с. 23], а также сексуальную (обеспечение реализации общебиологической половой потребности, создание предпосылок здорового образа жизни, разумного социального поведения при планировании семьи, регулирование брачных и внебрачных отношений, потребности человека в любви, физической близости, интимности отношений) функции семьи.

Основным теоретическим достижением структурно-функционального анализа в исследовании усматривается выработка алгоритмов развернутого и подробного описания как сети взаимосвязей семьи с различными социальными образованиями (институтами, организациями) и различных ее функций, разработка моделей их взаимодействия, так и внутрисемейных отношений. Однако структурно-функциональная методологическая система принципиально исторически «слепа» и не может дать алгоритма анализа причин возникновения или исчезновения тех или иных семейных связей, отношений и перспектив координации и субординации функций, почему и не может стать основой для выработки стратегических мероприятий позитивных изменений и перспектив семьи. Кроме того, в «структурно-функциональной паутине» теоретически сложно осуществить концентрацию исследовательских усилий на «узловых» проблемах, поскольку бесконечность и плотность связей, функций и дисфункций (как явных, так и латентных) любого «семейного» феномена совершенно отгораживает от исследователя сущность этого феномена. Происходит это как по причине отсутствия обоснований размеров влияния тех или иных функций семьи на те или иные социальные процессы, так и по причине отсутствия данных о реальном влиянии тех или иных мероприятий семейной политики на восстановление или развитие тех или иных функций семьи.

Основы исследования проблем межличностных отношений в семье закладывали представители теории социального обмена (П. Блау, Дж. Хоманс, Р. Эмерсон); символического интеракционизма (Г. Блумер, Дж. Мид, Т. Партерленд, Т. Шибутани); теории потребностей (А. Маслоу, Р. Уинч); конфликтологии (Р. Дарендоф, Л. Козер); этнометодологии (А. Шюц); психоанализа (Э. Берн, У. Джеймс, З. Фрейд). В центре внимания здесь находятся различные сферы и «срезы» внутрисемейного взаимодействия.

В отечественной социологии А. Антонов, И. Бестужев-Лада, К. Витек, И. Дорно, Н. Козлов, В. Медков, Н. Обозов, В. Сысенко, А. Харчев разрабатывали «правила поведения в семейной жизни»: что должны и чего не должны делать супруги, родители и дети, чтобы сохранить мир и лад в семье.

Проблема психофизиологической совместимости, напрямую связанная с сексуальной жизнью супругов, представлена, прежде всего, в работах И. Кона и С. Голода. Показывая важность сексуальных отношений для семейного благополучия, авторы стараются раскрывать и социокультурные основания этих отношений, их прямую взаимосвязь с множеством других проявлений семейного и внесемейного поведения супругов [164, с. 63].

Труды В. Сысенко представляют конфликтологическое направление. Автор на основе обширной эмпирической и статистической информации осуществляет классификацию семейных конфликтов [323, с. 12–13] и мотивов разводов [там же, с. 33–48], и приходит к выводу, что молодая семья создается «по образу и подобию» семьи родительской [321, с. 100].

А. Антонов в своем капитальном исследовании приводит и анализирует теорию взаимодополнительных потребностей Р. Уинча. Она «описывает брачный выбор, объясняет заключение брака между различающимися по своим потребностям партнерами, но ищущими в другом то, чего недостает самому» [6, с. 238]. Теория возникла как своеобразная реакция на социальную гомогамия браков в США. Различие потребностей супругов уравнивает или компенсирует «социальную неподвижность» их статусного сходства.

Сами же потребности супругов определяются как ведущий элемент семейного поведения. Наиболее глубокие из них это потребности в семье и детях, которые относятся к высшему уровню потребностей человека наряду с потребностями в смысле жизни и творчестве, ибо созидание новой человеческой личности для родителей оказывается подлинным творческим актом сугубо надэкзистенциального свойства [там же].

Внутри семейного поведения выделяют как отдельный этап брачное поведение, которое затем тоже делят, как правило, на три части. Первая — это действия и отношения, ведущие к заключению брака (брачный выбор); вторая — собственно супружеское и родительское поведение; третья — это конфликтное поведение, ведущее к разрыву (разводу) [там же, с. 239].

Известным является направление исследований ролевого поведения и проблем согласования семейных ролей (мужа-добытчика, отца, опоры, верного друга и любовника...; жены-работницы, матери, хранительницы очага, верной подруги и любовницы...), (С. Голод, Ю. Клейберг, В. Сысенко).

Подробнейшим образом разбирая межличностные отношения в исторических типах семьи и фазах ее индивидуальной эволюции, С. Голод сравнивает соотношения удовлетворенности браком с показателями адаптации, интимности и автономии и показывает рост их влияния на семейные отношения и постепенную смену ими приоритетности показателей материально-бытовой и репродуктивной сфер семейного бытия. Произведя развернутый анализ соотношения трех основных типов внутрисемейного супружеского поведения: брачного, прокреационного и сексуального, на основе сравнения ряда показателей автор доказывает, что сегодня высвечивается фундаментальный процесс автономизации этих типов поведения и стремительного сокращения области их совпадения [78, с. 59]. За активизацию поведенческого подхода к исследованию проблем семьи и репродуктивного поведения выступают и А. Антонов, В. Медков, В. Архангельский [11, с. 146].

Феноменологическая редукция показывает множественность как типичных, так и нестандартных ситуаций семейной жизни. Основными научными достижениями здесь являются результаты исследований того, наличие каких индивидуальных параметров у супругов чаще может стать основой успешного брака и благополучной семейной жизни, а также различные своды правил и кодексы семейного поведения, опирающиеся на тот или иной набор ценностей: как должно вести себя супругам и другим членам семьи, чтобы в ней поддерживался благоприятный психологический климат, а конфликты не становились регулярным разрушительным явлением. Данная методология весьма привлекательна еще и тем, что имеет в основе классические учения: теорию потребностей и учение о ценностях как мотивах тех или иных составляющих поведения членов семьи.

Однако «межличностный подход» в целом не дает возможности рассматривать семью как общесоциальное (институциональное) явление, поскольку ее «внешние» связи фактически остаются «за скобками», а сама семья рассматривается просто как некоторая совокупность индивидов с их социальным поведением, то есть исчезает, как целое, как субъект социального действия, и значит, перестает существовать в качестве объекта социальной науки. При таком подходе тема семейных отношений формируется и реализуется, в основном, как дидактика (набор поучений) [см. напр.: 2].

Историко-материалистический подход реализовали, прежде всего, представители учения научного социализма и коммунизма. А. Бебель, К. Каутский, А. Коллонтай, Р. Люксембург, Г. Маркузе, К. Маркс, К. Цеткин, Ф. Энгельс рассматривали семью как объективно исторически изменяющийся способ регулирования отношений собственности, произ-

водства и обмена, где она сама является важнейшим элементом производства первичной производительной силы — населения [358, с. 75]. В отечественной социологии основным теоретиком данного направления является А. Харчев [340, с. 9–22; 341, с. 3–44; 342, с. 24–34].

Начиная с известного положения о том, что «в работах основоположников марксизма под семьей понимается, в первую очередь, общественный механизм воспроизводства человека», отношение между супругами и родственниками <...>, «в том или ином виде (обычая, морали, религии, права) узаконенное обществом» [342, с.24], А. Харчев вводит тезис «экономической необходимости» как отношения, опосредующего биологический механизм воспроизводства человеческого рода. Одновременно он признает ограниченность того положения, в соответствии с которым в нашей литературе семья понималась преимущественно в качестве «элемента воспроизводства производительных сил, примыкающего к производственным отношениям», а не рассматривалась в качестве равного с ними в соответствии с известным положением Ф. Энгельса [там же, с. 25].

Диалектику исторических изменений формы семейных отношений А. Харчев рассматривал через диалектику непосредственной и опосредованной жизни, которую в отношении семьи предлагал рассматривать как диалектику материальных и идеологических отношений. По мере осознания обществом социальной значимости семьи происходит ее институирование (официальная поддержка семьи обществом и государством), которое есть механизм разрешения противоречия между интимным характером внутрисемейных связей и общественной потребностью в ней. Как любое сложное явление, как сам человек, само общество, «семья не может быть отнесена лишь к какому-то одному из этих уровней» [там же, с. 26, 27]. В доказательство своих тезисов автор приводит многочисленные примеры тесной взаимосвязи проблем семьи с социальными и экономическими проблемами социализма, порождёнными слабым вниманием общества к семье и слабой эмпирической и теоретической базой ее научного анализа [там же, с. 28–32].

Методология, основывающаяся на теории исторического материализма, позволяет, прежде всего, обнаруживать и описывать зависимости состояния семьи от материальных составляющих общественного бытия, под которыми здесь принято понимать не уровень жизни, а способ производства и характер производственных отношений; формы, отношения и результаты обмена и потребления. При этом подходе семья всегда должна рассматриваться в ее конкретно-исторической форме, являющейся результатом разрешения противоречий ее предыдущей исторической формы и несущей в себе новое противоречие, которое неизбежно приведет к разрушению современных семейных отношений и становлению новых. В частности, очень подробно рассмотрено и показано, как кризис «базисных» (материальных, производственно-экономических) отноше-

ний в России порождает кризис и в «надстроечных» (духовных, морально-психологических) отношениях российской семьи.

Однако пока историческим материализмом не выработано авторитетного алгоритма исследовательских приемов, который позволял бы адекватно формулировать основное отношение и основное противоречие современной семьи, что и не дает возможности сегодня выстроить достаточно надежную теоретически (логически) цепь закономерностей из ее прошлого к настоящему и будущему, а также собственно систему современных отношений и противоречий, из него (основного отношения) производных. Это, а также «психологическая усталость» социологов от многолетней некритической «гегемонии» в России «истматовской» методологии и является серьезным препятствием для развития теории исторического материализма в практике российской фамилистики.

Видение семейной проблематики в синтезе исторического, структурно-функционального, феноменологического и системного методов пытается разрабатывать социокультурное направление. Т. Александрова, Ю. Вишневский, О. Волжина, Е. Грунт, А. Гущина, Л. Ионин, К. Касьянова, Л. Коган, Н. Костина, А. Меренков, О. Осипова, Б. Павлов, Ю. Петров, И. Рековская, Л. Рыбцова, В. Сысенко, В. Шапко рассматривают проблемы семейного благополучия через призму культуры как универсального механизма регулирования отношений между членами семьи, семьей и обществом. Семья здесь представлена феноменом оптимизации отношений между поколениями и супругами на основе становящегося ее понимания как самоценности в ходе развития внутрисемейной культуры как самореализующегося процесса совместной деятельности, в котором и укрепляются отношения общения, сплочения, взаимопомощи, интимной жизни супругов, ведущие, в итоге, к семейной солидарности и удовлетворенности браком.

Социокультурный подход исходит из того, что благополучие семьи начинается с культуры отношений между супругами, передаваемой потом от поколения к поколению. Поэтому формирование культуры семейных отношений является главным условием для нормального исполнения семьей ее функций [217].

Однако подход, опирающийся на рассмотрение проблем семьи с позиций диалектики социетальной («общественно-структурированной»), семейной и индивидуальной культуры, предполагающей всесторонний анализ социальных отношений, замкнут в некотором теоретическом «порочном круге»: культура семьи невозможна без культуры общества — но культура общества невозможна без культуры семьи. Тезис о том, что постоянное возникновение и разрешение указанных противоречий происходит в процессе «культурно-преобразовательной» деятельности, «размывает» семью в общей атмосфере «культурного пространства», вследствие чего

собственно культура семейных отношений превращается в своего рода «социокультурный мираж» без четко определенного научного образа.

Очень «модный» сегодня «гендерный подход» нацелен на изучение проблемы достижения «гендерного баланса» («гендерного равенства»; «гендерного равновесия»; «гендерного равноправия») и улучшения «сотрудничества» в семье мужского и женского «жизненных миров» [по Ю. Хабермасу]. Идеи классиков социологии и лидеров общественной мысли, европейской культуры и социализма, заложивших общетеоретические основы равноправия мужчин и женщин и предложивших их решение через преодоление в первую очередь классовых различий и устранение всевластия частной собственности, развивают и пересматривают сегодня российские исследователи А. Андрееенкова, С. Барсукова, Е. Гвоздева, В. Герчиков, Т. Гурко, Е. Здравомыслова, О. Исупова, И. Козина, О. Кричевская, Е. Лахова, С. Моор, Л. Рыбцова, О. Самарцева, Г. Силласте, И. Тартаковская, А. Темкина, Г. Турецкая, Т. Фомина, А. Чирикова, Е. Ярская-Смирнова и многие другие: тема эта сейчас модная.

В трудах представителей этого направления проблемы отношений мужчин и женщин переводятся с уровня классово-стратификационного, социально-психологического и феноменологического подходов на уровень «общечеловеческий», дополняются концепциями улучшения взаимопонимания и взаимоотношения полов на основе обнаружения, изучения и возможного снятия противоречий, происходящих из их (полов) существенных различий, не зависящих только лишь от формы собственности, особенностей половой психологии и межличностных отношений [289, с. 7]. Заявляется, что здесь «привычные для здравого смысла объяснительные модели подвергаются сомнению, а основные понятия переопределяются» [366, с. 152]; что «гендерный комплексный подход позволяет анализировать объект научного познания в его многоаспектном социально-экономическом многообразии» [223, с. 9].

В настоящее время идет интенсивное обсуждение проблематики этого подхода, осмысление специфики данной методологии и ее эвристических возможностей. Отмечается, что рыночные и демократические преобразования изменили взгляды и на место, и на роли женщины и мужчины и в семье, и в политике, и в труде. Современные гендерные исследования добавили к перечню фактов «бытовой» дискриминации женщин весьма длинный список разрушительно действующих на семью и общество других аналогичных «прегрешений» «сильной» половины и построенного по ее правилам общественного порядка («мужекратии») [224, с. 14]. Исследователи отмечают такие основные современные моменты дискриминации, как «безработица с женским лицом», препятствия в развитии женского предпринимательства, непредставленность женщин в органах власти, дискриминация в сфере политики, образования и науки [288, с. 43].

Гендерное направление вводит тезис о необходимости серьезной модернизации «традиционной социальной методологии». Основная идея здесь — достижение баланса, равновесия и справедливости в обществе в вопросах отношений полов; основная проблема — выработка критериев и «меры» этих баланса, равновесия и справедливости. С. Моор в качестве этих критериев предлагает статистическо-политические (выравнивание долей мужчин и женщин в органах власти всех уровней), экономические (выравнивание заработной платы мужчин и женщин); юридические (защита от отказа в приеме на работу по признаку пола, от сексуальных преследований со стороны руководителей-мужчин) и ряд других [223, с. 6].

Изучая связи гендерной проблематики с семейной, Г. Турецкая приходит к выводам, что «женский деловой успех связан с личностными качествами женщин и такой системой ценностей, где семья является приоритетной... Бизнес выигрывает от наличия семьи» [335, с. 73]. Но, с другой стороны, «важнейшим показателем качества браков оказывается не количество разводов, а личное благополучие и удовлетворенность всех членов семьи — детей и взрослых. Главной ценностью семейных отношений выступает не число детей, а справедливость, взаимное уважение в семье» [366, с. 152], однако при всех сегодняшних тенденциях эгалитарности отец все еще мало участвует в воспитании детей [там же]. В ходе специального анализа выявляется также, что даже в образовательных учреждениях, помимо явного учебного плана, существует скрытый, который не только отражает гендерные стереотипы, но и поддерживает гендерное неравенство, «отдавая преимущества мужскому и доминантному, недооценивая женское и нетипичное» [106, с. 139].

С позиции «гендерного баланса» целесообразно исключить тему равенства мужчин и женщин как уводящую в сторону от возможного пути решения проблемы и препятствующую правильному пониманию ее, заменив «равенство» на «баланс» или «равновесие», осуществляя гибкие дифференцированные подходы:

- социум, политика — равноправие;
- экономика, семья — элитарный подход к женщине;
- рынок, бизнес, карьера — эгалитарный подход [223, с. 16–18].

Проведенные О. Здравомысловой и М. Арутюнян сравнительные исследования гендерных аспектов российской и европейской семьи выявили «весьма серьезные отставания российского общества от европейских параметров решения проблем гендерного баланса» [125, с. 7].

Можно сказать, что теоретическая разработка принципа соблюдения «гендерного баланса» при осуществлении социальных мероприятий и программ, а также обоснование направлений, по которым, прежде всего, необходимо снятие исторически сложившегося социального неравенства полов, является основным достижением гендерной методологии. Эта проблема должна решаться на основе учета объективной разницы «жизненных ми-

ров» мужчины и женщины и отказа от традиций как «домостроевского», так и «уравнительного» решения семейного вопроса. Семья рассматривается здесь с позиций социального партнерства мужчин и женщин, что является методологическим основанием необходимости теоретического пересмотра целого ряда традиционных взглядов на функции материнства и отцовства, интимности и публичности, автономии и долженствования.

Однако в целом применительно к проблемам семьи гендерная теория представляет собой преимущественно пока лишь только формулировки оригинальных исследовательских целей, но не имеет в своем арсенале необходимого набора концептуальных «заслуг», то есть более или менее последовательно разработанных теоретических конструкций, способных стать основанием целенаправленного социального действия. «Правильные» выводы о том, что общественный комфорт женщины определяется оптимальным соотношением ролевых функций матери, жены и работницы [223, с. 20] обычно не дополняются пониманием того, что общественный комфорт мужчины тоже определяется оптимальным соотношением ролевых функций отца, мужа и работника. И пока еще «дистанция о-огромного размера» здесь до выработки обоснованных подходов к проблеме критериев оптимальности этого соотношения. По этим и некоторым другим причинам гендерная методология объективно представляет собой пока лишь одно из направлений полипарадигмального подхода.

Идеология полипарадигмального подхода наиболее популярна в современных теоретических исследованиях по социологии семьи — равно как и в социологии вообще. При рассмотрении различных аспектов данной темы авторы представляют теоретические позиции, наиболее полно и логично раскрывающие, по их мнению, суть проблем, не стремясь при этом к какому-то методологическому единству и обосновывая это тем, что «любая ситуация социального мира, описанная в языке различных ... подходов, звучит по-разному. Одна и та же сцена покупки меховой шубы с длинным ворсом может быть описана в терминах символического взаимодействия продавца и покупателя, считаться рациональным актом «*homo economicus*» в модели спроса и предложения, индикатором благосостояния, проявлением демонстративного потребления, противостоянием «зеленому движению», проявлением эмоционального самовознаграждения или реализацией подавленной детской сексуальности и «возвращением в материнское лоно»» [191, с. 10].

С другой стороны, экспансия полипарадигмальности отражает вполне реальную сложную и противоречивую методологическую ситуацию, сложившуюся вокруг семьи. Например, в концепции С. Голода сравнительный историзм применяется при анализе эволюции современной семьи, структурный функционализм при анализе каждого из типов семьи, социальное поведение и феноменология при анализе супружеских отношений [78, с. 60].

Такой подход в целом, возможно, и дает базу для рефлексии и эвристического успеха на основе «сотрудничества» различных парадигм в ходе исследования. Однако реально сегодня полипарадигмальность есть больше стихийное выражение «посттоталитарного» чувства «свободы общественности», чем надежная и авторитетная методология.

В итоге осмелимся заключить, что используемые в современной социологии семьи методы исследования и по отдельности, и по группам, и «системно», и «комплексно» пока не обнаружили возможности удовлетворительного решения проблемы «целостного» («монистического») понимания семьи. Эта ситуация и выражается в преимущественно «негативистской» ориентации основных современных концепций ее самодвижения. И тот факт, что даже такой широкий «научный натиск» не выработал *убедительных* подходов к решению семейных проблем в российском обществе, обозначает весьма определенно проблему «методологической недостаточности» и целесообразность поиска «позитивного выхода» за пределы сложившихся теоретических и методологических стереотипов.

Глава 2. ПОНЯТИЕ СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

§ 4. Понятие генетического метода социологического исследования

Семья в ее современных теоретических интерпретациях рассматривается по преимуществу «абстрактно»: или с позиции ее общественной роли и значимости, как это было принято в ее первых исследованиях и в общественном общественном сознании; или с позиций качества жизни индивида, как это сегодня принято на Западе; или с позиций согласования их интересов через семью как традиционного, — но уже неэффективного, — посредника. При таком подходе семья теоретически «размывается», теряет цельность как субъект социального действия и предмет исследования. Давайте попробуем себе *конкретно* представить в качестве «осязаемого» предмета науки явление, которое одновременно социальный институт, социальная группа и несколько взаимодействующих личностей.... Какая теория «схватит» это явление в его предметности и целостности?

Обозначенная проблемная ситуация имеет вполне *реальное и объективное* основание: общественное разделение труда и производную из него социальную структуру (личности, социальные группы, социальные организации, социальные институты и т.д.). И каждый из элементов данной структуры («субъектов социального действия» по П. Бурдьё) «видит» семью по-своему, с позиций своих собственных «субъективных» потребностей. А поскольку эти потребности у разных структур объективно различны (а часто — и противоположны), постольку и сама семья так же объективно не может в этих условиях сложиться в цельный и устойчивый теоретический (и практический) феномен (образ).

Так, например, с позиции института образования, «благополучная» семья — это, прежде всего, такая семья, где дети (лучше девочки: от них меньше проблем в школе) хорошо учатся, активно участвуют в общественной жизни школы и не являются субъектами девиантного поведения, а сами родители регулярно ходят на родительские собрания, уплачивают «добровольные благотворительные взносы» и строго выполняют указания школьных педагогов¹.

С позиции института общественного мнения, «благополучная» семья — это имущественно обеспеченная семья, демонстрирующая «на людях» мир, согласие, отсутствие вредных привычек, хорошее здоровье и «со-

¹ Вряд ли кто-то будет спорить с тем (и данные других наших исследований подтверждают), что среди сегодняшних первоклассников более высокие оценки успеваемости имеют дети, получившие большую дошкольную «репетиционную» подготовку: как правило, это единственные дети в обеспеченной семье, родители которых смогли оплатить высококачественные образовательные услуги для ребенка. Таким образом, современная организация начального школьного образования *объективно* выступает против многодетной семьи: в такой семье сегодня дети не получают требуемую школой дошкольную подготовку.

циальное» (не девиантное) поведение ее членов. При внешнем соблюдении этих условий в семье может быть скрыт самый мрачный психологический климат, насилие; может быть всего один ребенок; один супруг или даже вообще ни одного из родителей: достаточно наличия любого из взрослых родственников или опекунов, а материальная обеспеченность может быть результатом незаконной и даже преступной деятельности — это неважно: главное, чтобы семья «хорошо выглядела» в глазах обывателя.

С точки зрения институтов социальной защиты, «благополучная» — это такая семья, которая не требует социальной помощи и поддержки. При этом к школе дети и их родители могут относиться как угодно и число детей и родителей в семье может быть любое, отношения в семье, — если не выносятся «мусор из избы», — тоже могут быть любые.

С точки же зрения института государства, «благополучная» — это семья, прежде всего, воспроизводящая законопослушных и эффективных налогоплательщиков и рекрутов для армии в нужном количестве и нужного качества, для чего и состав, и размер семьи, и уровень социализации детей имеют первостепенное значение (особенно желательно, чтобы было больше мальчиков с техническим образованием и физически крепких).

Для института здравоохранения, «благополучная» — это семья, где обеспечивается физическое и психическое здоровье ее членов. При этом для бюджетного здравоохранения «более благополучной» будет семья, в которой меньше детей; для коммерческого — в которой детей больше: тогда ее члены (разумеется, при соответствующем уровне жизни) более часто осуществляют всякого рода платные медицинские процедуры. И т.д., и т.п.

Соответственно, в условиях настолько различающихся «пожеланий» к семье со стороны различных «субъектов социального действия» концептуальный образ семьи сегодня и предстает разорванным и противоречивым. Мы имеем, например, с одной стороны, «теоретический образ» семьи, в котором представляется исполнение ею всех положенных социальных функций и, следовательно, образ семьи идеальной. С другой стороны, имеется и «эмпирический образ» семьи, на практике не исполняющей эти функции и представляющей собой растущий клубок сложнейших проблем и, следовательно, образ такой семьи, у которой до ее «идеального теоретического» состояния та же «дистанция о-о-громного размера».

Соответственно, и «семейная» тематика в социологии представлена в таком же «разорванном» виде: либо «вообщеетеоретическими» исследованиями («семья и общество», «семья и культура», «семья и гендер»...), либо фактами семейного неблагополучия (разводы, депопуляция, отказные и брошенные дети, семейное насилие...). «Одна из распространенных ошибок людей, занимающихся семейной политикой и провозглашающих интересы и ценности семьи приоритетными, — восприятие семьи как единого организма, в котором все вопросы решаются полюбовно самими членами семьи. Реальная практика далека от этих представле-

ний», — так обозначено данное противоречие в одном из не очень давних коллективных отечественных научных трудов [226, с. 47].

Однако, с другой стороны, классические теоретические исследования показывают, что «цельный позитивный научный образ» формируют его («образа») собственные и из него производные связи и закономерности и значит, наличие собственной логики, отличной от логики «негатива», реализация «принципа положительного гуманизма», начинающегося, по К. Марксу, «с самого себя» [204, с. 169]. М. Вебер определяет в качестве такого принципа и начала такой логики отношения «социального поведения»; Э. Дюркгейм — «социальный факт»; К. Маркс — «товар»; О. Тоффлер — «информацию» и т.д. Иначе говоря, с «общеклассических» позиций о семье следует вести речь как о теоретически развернутом и категориально выраженном самодвижении некоторого «семейного начала» в социальных отношениях.

Вообще рассмотрение семьи как исходного элемента общества и государства восходит еще к Конфуцию, продолжается европейскими мыслителями (Гердер, Кондорсе, Руссо) и первыми ее систематическими исследователями-социологами (например, у Ф. Ле Пле семья представляет собой «рудиментарное общество, простейшую форму социального объединения») [цит. по: 181, с. 60–61]. П. Сорокин так описывал эту конструкцию: «Два существа, ... совместно с детьми представляли своего рода государство в государстве»... «Семья была цельной общественной единицей, ведущей свою самостоятельную жизнь в государстве». «Государство почти не вмешивалось в этот внутренний распорядок семьи». Государственная власть предоставляла семье полную самостоятельность и ревниво оберегала ее прочность, независимость и ее основы», [303, с. 66]. Ф. Теннис, поставив задачу аналитического построения социологии, также пытался ее решать не по пути традиционного перечисления концепций и подходов, а через восхождение от первичных социальных отношений, к которым относится и семья, к товариществам, корпорациям и обществу [цит. по: 179, с. 27].

Однако задача формирования теоретического, логического образа семьи как основного субъекта социального действия простым декларированием ее основой общества еще далеко не решена, поскольку не показана *необходимость* именно такого (или иного) ее определения, не раскрыто происхождение и развитие из нее основных собственно семейных, а за ними и социальных, отношений. Объективный образ такой семьи, ее конкретный «материальный» и «идеальный» носитель, то, что из объекта исследования могло бы стать предметом, в фамилистике пока отсутствует.

Когда в процессе теоретического анализа проблемной ситуации применение традиционных методов не позволяет обнаружить и обосновать закон («исходную категорию», «всеобщую связь») данного (того или иного) качества, всегда «логично» возникают взаимоисключающие (с позиций

формальной логики) друг друга версии: 1) наука должна отказаться от претензии отыскания оснований ее предметной сферы и опираться лишь на наблюдательно-описательную методологию, классифицируя научные факты все более широко и подробно раскрывая связи и взаимозависимости, схваченные ее понятиями (классический позитивизм и структурный функционализм); или 2) что как сами объекты науки, так и предметы ее исследования настолько своеобразны и уникальны, что они просто в принципе не могут иметь единого основания и должны быть просто поняты каждый в своем своеобразии (классический номинализм и методология «культурно-исторических типов»).

И тогда объявляется, что «дело вкуса и таланта самого исследователя, с чего ему начинать и какие методы выбирать для использования». Но тогда как быть с научной истиной? Или она социологическую науку больше не интересует? Или ее в социологии в принципе не может быть? Или метод и истина не зависят друг от друга? Или такие заявления и «заходы» вообще некорректны с позиций научной этики, поскольку являются претензией на абсолютную истину?

Марксизм в российском общественном сознании сейчас «не в моде», поскольку он в «обыденном научном» сознании отождествляется с СССР и его пустыми прилавками, репрессиями, «железным занавесом», формальной и скучной агитационно-идеологической пропагандистской трескотней и другими малопривлекательными фактами и следствиями социальных экспериментов, осуществленных под прикрытием его «умозрительной» общественной теории. Российское ученое сообщество еще долго не забудет «лысенковщину» и тотальные разгромы наших перспективных научных школ в различных отраслях знания, а также туманные, многословные и претенциозные рассуждения и поучения со стороны чиновников от «научной идеологии» о том, «как должно делать советскую науку согласно решениям очередного съезда КПСС и в интересах мирового пролетариата».

Поэтому сегодня «на постсоветском пространстве» совершенно «естественно» марксизм отождествляется с коммунизмом, а последний — с теми тоталитарными режимами, которые в своей идеологии используют псевдокоммунистическую терминологию. Все вышеизложенное привело к тому, что и современная российская социология практически от марксизма отказалась и систематически его «поклевывает» в разные места.

Но «пролетарская революция», «диктатура пролетариата» и «практика коммунистического строительства» — это не весь марксизм, каким его пытался представить сформировавшийся после октября 1917 года в России режим для оправдания производимых репрессий и всеобщей военной мобилизации. И в мировой общественной науке является бесспорным тот факт, что даже сегодня очень сложно обнаружить социальную теорию, разработанную так же полно, последовательно и логично, как это сделал Маркс в отношении теории капитализма или, как он

сам пишет, «капиталистического способа производства и соответствующих ему отношений производства и обмена» [44, с. 6].

Метод, которым осуществлена эта разработка, известен в марксистской литературе как диалектико-материалистический. Суть его изложена Ф. Энгельсом в известном положении из работы «Карл Маркс. «К критике политической экономии»»:

«С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме... При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами... Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть отношение, означает, что в нем есть две стороны, которые относятся друг к другу. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения...» [109, с. 427].

Однако, если и как только мы попытаемся непосредственно в практике научного поиска применить указанный метод, то сразу обнаружится серьезная проблема: «первое и наиболее простое» **отношение**, которое «исторически, фактически находится перед нами», надо сначала еще **найти!** То есть, не просто дать его формулировку или дефиницию, а обосновать и доказать, что именно **оно, именно это отношение** является «первым и наиболее простым», избежав при этом «сползания» до уровня резонерства и произвола.¹

Общепризнанный алгоритм решения такого рода теоретических задач дает гегелевская «Наука логики». У Гегеля всеобщий феномен, содержащий

¹«Дефиниция», которой какая-либо наука начинает с самого начала, «не может содержать ничего другого, кроме как определенного корректного выражения того, что как **известное и общепризнанное представляют себе** в качестве предмета и цели этой науки. Что в качестве таковых представляют себе именно это, а не другое, это есть историческое уверение, относительно которого можно сослаться лишь на то или иное признание или, собственно говоря, можно только в виде просьбы предложить, чтобы считали то или иное признанным». Поэтому вовсе не удивительно, что «один оттуда, другой отсюда приводит какой-либо случай или пример, показывающий, что под таким-то выражением нужно понимать еще нечто большее и иное и что, стало быть, в его дефиницию следует включать еще одно более частное или более общее определение и с этим должна быть согласована и наука. — При этом от резонерства зависит, до какой границы и в каком объеме те или иные определения должны быть включены или исключены; само же резонерство имеет перед собой на выбор самые многообразные и самые различные воззрения, застывшее определение которых может, в конце концов, давать только произвол. При этом способе начинать науку с ее дефиниций нет и речи о потребности показать **необходимость ее предмета** и, следовательно, также ее самой» (Гегель Г. В. Ф. Наука логики в 3-х томах, т. 1 с. 102. М, Мысль, 1970 г.).

в себе разрешение всех противоречий и «самодвижущийся» в процессе этого разрешения — это «абсолютная идея», которая через «бытие-небытие-становление» разворачивается в последовательную логику философских категорий. Когда Гегель рассуждает о проблеме «начала» Логики, которое («начало») поэтому и не может быть опосредовано, что он есть «начало» [70, с. 53], то он не просто путем логических операций с дефинициями методом определения понятий через подведение каждого из них под другое, более широкое (то есть «опосредуя» их, находя то общее, что их связывает, «средство» их связи), «добирается» до предельно широких и бессодержательных «бытие-небытие», для которых уже не существует «определения» («опосредования»). Он параллельно на максимально обширных данных истории философии показывает, что именно «бытие-небытие» было главной и всеобщей темой уже самых древних систематических философских исследований [70, с. 83, 90–91, 177].

Действительно, основной, первой и всеобщей практической проблемой человека в суровейших условиях начала его истории, где ему приходилось ежедневно балансировать на грани «бытия–небытия», и было «быть», существовать, выжить в его «человеческом облике», и только потом уже все остальное. И потому, например, фихтевское «я есть» и производное из него веберовское «социальное поведение» индивида являются тем самым положительным социологическим гуманистическим производным из философского «бытия — небытия».

А это значит, что параллельно с логическим обоснованием начала науки Гегель дает социологическое обоснование ее (науки, Логики) искомого исходного отношения. То есть, исходным принципом его логики является единство исторического и логического, обоснованное и доказанное исторически и социологически.

На этом этапе нашего анализа более определенно оформляется общетеоретическая проблема, известная как «проблема предела абстрагирования в процессе нахождения исходной категории восхождения от абстрактного к конкретному». В самом общем виде формулировка данной проблемы выглядит так: на каком основании можно делать вывод о том, на каком понятии в цепи определений необходимо остановиться, чтобы с него начать теоретическое развертывание определенной предметной сферы, избранной для теоретического анализа?

То есть, соответственно данной логике, в рамках всякой предметной сферы, обладающей системными качествами, имеется отношение, всеобщее для данной системы: оно и представлено соответствующим понятием. Сама предметная сфера (или «система» в выражениях резонерства) есть производное данного отношения, область саморазвития этого отношения. Оно (это отношение) является основой «системы», всеобщим посредником, мерой всех остальных отношений исследуемой реальности, на него «замкнуты» в конечном итоге все связи «системы». Те же отношения, которые далее опре-

деляют (опосредуют) эту меру, уже выходят за рамки данного качества и, конечно, тоже могут быть исследованы, но уже в рамках другой теории, другой науки, более общей («конкретной» по Гегелю), какой, например, является социальная философия по отношению к социологии.

Теперь, разобравшись и поняв (надеемся, что вместе с читателем), почему именно «бытие» определено Гегелем в качестве «исходной категории восхождения от абстрактного к конкретному» в Науке Логике, вернемся к решению Марксом задачи развертывания Логике отношений современного ему («капиталистического») общества.

Сам Маркс не оставил в своих трудах алгоритма решения указанной проблемы. И хотя В. Ленин в свое время отмечал, что если Маркс не оставил учебника по Логике, то он оставил логику «Капитала» [42, с. 301], однако история теоретического марксизма показала, что сам по себе «Капитал» не дает непосредственной разгадки начала своей логики: понятия «товар».

Цитаты, где по поводу такого «начала» приводятся рассуждения Маркса о «клеточке тела», которую-де изучать гораздо сложнее, чем «развитое тело» [44, с. 6], но что именно в ней уже содержится и «начало», и закономерности развития ее («клеточки») в это тело, обильно приводятся в марксистской литературе и широко известны специалистам. Но, как уже отмечалось, «известное не есть познанное» (Гегель).

По этой проблеме «клеточки» в советской философской и политэкономической литературе в свое время состоялась обширная дискуссия², в которой с разных сторон, в разной мере и разных отношениях постоянно

² (см. Астальцев В., Хубиев К. Исходное производственное отношение социализма//Экон. науки. — 1985. № 11; Афанасьев В., Ланцов В. Карл Маркс и методология политической экономии социализма//Вопр. Экономики, 1983, № 3; Зелински Я. К вопросу об исходном и основном отношениях коммунистического способа производства// Экон. науки. — 1985. № 12; Кедров Б. М. О методе изложения диалектики, М., 1983; Козельский Н. Н. К вопросу об исходном пункте политической экономии социализма и коммунизма./Известия АН СССР, серия экономическая. 1970, № 1; Коньшев В., Куровский К. Метод политической экономии// Вопр. Экономики, 1978. № 3; Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1986; Маргулис А. В. К характеристике методологических аспектов общесоциологической теории//Вопр. философии. 1981. № 12; Мареев С. Н. Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса. М., 1984; Метод «Капитала» и вопросы политической экономии социализма./Под ред. Н. А. Цаголова. М., 1968; Сюсюкалов Б. И. Социалистическое общество: проблемы диалектики развития. М., 1973; Тиханова Т. Е. Системный анализ исходного производственного отношения в «Капитале» К. Маркса. Киев-Одесса. 1983; Федоренко Н. П. К вопросу о клеточке социалистического производства//Вопр. философии. 1978. № 4; Цаголов Н. А. Вопросы методологии и системы политической экономии. М., 1982; и др., а также исследования этой проблемы в работах советских обществоведов (философов и социологов): Э. В. Ильенкова в теории диалектической логики, В. И. Плотникова в диалектике социального и биологического, Л. Н. Когана в диалектике социального и индивидуального, М. Мамардашвили в диалектике исторического и логического....

говорится о том, что к товару как исходной категории восхождения от абстрактного к конкретному в теории капитализма Маркс пришел, начав свой теоретический анализ с абстрактнейших категорий гегелевской философии, выйдя затем к абстракциям частной собственности, отчуждения труда, стоимости, капитала...

Однако главной задачи та дискуссия так и не решила: почему в переплетении всех этих категорий Маркс остановился на понятии «товара»? Дискуссия опять (вслед за Энгельсом и Лениным) повторяет, как заклинание: потому-де, что данное понятие «схватывает» всеобщее отношение капитализма? Остается, однако, без ответа вопрос: если само понятие «капитал» не «схватывает» такого отношения, то почему исследование называется «Капитал»? А почему «деньги» не «схватывают» такого отношения? А «частная собственность»? А «труд» («абстрактный» или «конкретный»; или «отчужденный»)? А «стоимость» и «прибавочная стоимость»? По каким *именно* критериям, выраженным *количественно* — и, следовательно, *сравнительно* и потому научно *доказательно*, — Маркс остановился именно на понятии товара и почему именно с него начал изложение своей теории?

Как известно, в формальной логике дать определение понятия — это значит, подвести данное понятие под другое, более широкое («сеledка есть морская рыба; рыба есть водное холоднокровное живое существо; жизнь есть способ существования белковых тел»...). Однако если попытаться представить товар как начало изложения просто на том основании, что он является начальной или конечной дефиницией в какой-то их цепи, то сам по себе этот подход не даст искомого решения. С позиций этой логики, товар — самое обычное и ничем не выделяющееся понятие в цепи других понятий политической экономии (см. «Капитал», отдел первый «Товар и деньги» и отдел второй «Превращение денег в капитал») [44]: «капитал есть деньги...» (с. 165); «деньги есть товар...» (с. 100); «товар есть стоимость...» (с. 168); «стоимость есть труд» ... (с. 188); «труд есть деятельность...» (с. 195). А вот «деятельность» уже есть «предметное», «специфически человеческое отношение к миру» [1, т. 8, с. 180, к. 528]; здесь уже придется остановиться в дальнейших определениях, поскольку категории «предметности» и «человеческого» уже выводят нас из сферы социального знания в сферу знания философского.

Выход из данной проблемной ситуации «просвечивается», если, следуя приведенному Энгельсом алгоритму, выйти за пределы формально-логического и описательно-статистического подходов и попытаться обнаружить и понять, как идет отраженный данной категориальной областью (или группой понятий) *конкретно-исторический, практический* процесс. То есть, нужно понять, что с некоторого момента в процессе анализа проблема начала концептуального представления научного результата уже не

решается на «чисто теоретическом» или «чисто логическом» уровне, хотя с виду и кажется сама предельно абстрактной и «затеоретизированной».

Именно здесь, в предельно абстрактной области самых общих понятий наиболее явно в логическую, сугубо понятийно-категориальную сферу вторгается жизнь, эмпирия, практика. Исходное отношение находится в **действительности** данного качества этой практики, материальных и объективных явлениях его существования, в форме собственно **социологической эмпирической составляющей**. Ежедневный практический опыт каждого действующего в капиталистическом обществе индивида демонстрирует ему, что **товарные отношения есть непосредственная жизнь всех граждан данного общества во всех ее проявлениях**. То есть **товар есть мера всех вещей** капитализма (или «индустриального общества» в современной терминологии). Вся жизнь данного общества завязана вокруг товарного производства, потребления и обмена. Это главные темы средств массовой информации, художественных произведений (взять, к примеру, Э. Золя, Ги де Мопассана, О. де Бальзака, Т. Драйзера и т.д.) или современных российских и латиноамериканских телесериалов, кухонных разговоров и сплетен.

Разумеется, непосредственно разговоры ведутся не о товаре, а о деньгах, недвижимости, театральных постановках и новых романах, удачных и неудачных браках, высказываниях тех или иных политических деятелей и околобогемных скандалах... Но все эти кажущиеся настолько далеко отстоящими друг от друга факты, как и отображающие их художественные произведения и материалы СМИ, представляют собой товары, поскольку производятся для продажи! Возможно, именно поэтому Маркс однажды заметил, что для понимания законов политической экономии Бальзак дал ему гораздо больше, чем все современные ему теоретики-экономисты.

То есть, суть генетического метода социологического исследования состоит в том, что в исследуемой социальной реальности обнаруживается *действительно существующий* класс социальных явлений (в нашем случае это должна быть категория (группа, совокупность) реально существующих семей), которые соответствуют выработанным предварительно теоретически (историческо-логическо-социологически) параметрам, число и состав которых являются необходимыми и достаточными для признания определенного явления в качестве «реально-идеального», то есть, являющегося практическим основанием для решения основных социальных и научных проблем и снятия противоречий в исследуемой сфере.

Пока понятие генетического метода социологического исследования получилось малопонятно и «наворочено»; надеемся, что представленная далее практическая реализация данного метода при разрешении проблемы семьи позволит сформировать у читателя его более содержательное понимание.

Разобравшись, почему именно товар определен Марксом в качестве «исходной категории восхождения от абстрактного к конкретному в теории капитализма», мы и получаем возможность, обратившись к анализу всей семейной проблематики, обосновать и вывести соответствующую «исходную категорию», «меру» всей семейной жизни, отношение, определяющее все остальные отношения семьи и в семье.

§ 5. Логика семейного благополучия

Тема «основного отношения», «качества» семьи тоже имеет свою историю в фамилистике. В первых советских исследованиях на эту тему были предложены показатели и понятия: «устойчивость» и «стабильность» «брака», «семьи» и «семейно-брачных отношений» (Е. Асосков, С. Голод, В. Кишинец, Ш. Кусаинов, Б. Павлов, И. Родзинская, В. Сысенко).

В числе первых теоретических разработок в этом направлении была разработка темы укрепления брака, а базовым показателем был предложен индикатор «стабильности семьи». По мнению Г. Васильченко и Ю. Решетняка его переменные составляют «общий брачный потенциал, который состоит из множества различных по своему значению факторов, из которых наиболее значимы физический, материальный, культурный, сексуальный и психологический» [53, с. 63]. По данным значений этого «потенциала» и должна выводиться оценка «стабильности семьи».

В ходе исследований выявляется группа показателей неудовлетворенности браком (С. Агарков, В. Гайдис, Т. Гурко, А. Жвинклене, М. Мацковский, С. Рапопорт, В. Сысенко, Д. Турейките, А. Харчев). И. Родзинской приводятся некоторые результаты опроса московских супружеских пар с детьми в 1976, 1977, 1979 годах — всего 638 пар, на базе которого предлагается комплексный показатель «уровень стабильности семьи», определяемый с помощью индекса удовлетворенности браком обоих супругов; он строится на основе ряда более частных показателей: «удовлетворенность друг другом, уровень конфликтности, успешное выполнение домашних функций» [262, с. 107]. При этом автор исходит из предположения, что, когда муж и жена удовлетворены браком и друг другом, процесс стабилизации идет успешно, в противном случае имеет место дестабилизация. Семьи, в которых один из супругов удовлетворен, а другой не удовлетворен браком, занимают «промежуточное положение» [там же].

О. Божков и В. Голофаст предлагают ввести в научный оборот такие показатели стабильности семьи, как «Равенство домашней нагрузки» и «Закрепленность функций в распределении домашних дел» [41, с. 70–73]. А. Антонов и В. Медков отмечают, что в конце 70–х годов в Москве была предпринята попытка сформировать «индекс степени удовлетворения потребности в детях» как комплексный показатель, учитывающий как фактическую детность, так и имеющуюся потребность. Индекс был построен путем комбинации пяти показателей — «фактической детности (имеющегося

ние, характер профессии, принятая в семье система жизненных ценностей, норм, интересов, потребностей, установок и образцов поведения;

2) тип семьи: по наличию родителей (полная, неполная); по числу детей в семье (однодетная, двухдетная, многодетная); по структуре поколений (простая: родители + дети, сложная: прародители + родители + дети).

3) воспитательные установки и принципы, педагогическая просвещенность родителей [157, с. 54];

4) ориентация на определенных членов семьи в качестве основных воспитателей;

5) способ повседневной жизнедеятельности семьи — культура быта, досуга, стиля взаимоотношений и поведения в семье как между супругами, так и между родителями и детьми;

6) среда обитания ребенка — жилищно-бытовая обеспеченность семьи, предметно-вещественная обстановка [157, с. 55].

Ядром морально-психологического климата семьи здесь являются ценностные ориентации и установки ее членов, мотивация поведения в сфере семейно-бытовых отношений, уровень конфликтности в отношениях между супругами и другими членами семьи и способы разрешения конфликтных ситуаций [157, с. 67].

Развитие темы показателей и индикаторов состояния семьи уральские исследователи Т. Алексеенко, В. Иванова, Т. Ишутина, В. Козлов, Е. Невоструева, Б. Павлов, С. Павлов, И. Сапожникова, А. Стожаров, А. Сусло, А. Татаркин, И. Чемакин, А. Черногурских представляют в совместном труде, посвященном разработке принципов и основных направлений семейной политики в регионе. Реализация указанной политики предполагает и социологический мониторинг, и разработку системы показателей [278, с. 105]. В соответствии с традициями уральской социологической школы, предлагается дополнение существующих разработок качественными показателями состояния семьи, такими как: «репродуктивные установки, трудовой и воспитательный потенциал, нравственно-этическая культура, материальные и духовные потребности» [278, с. 107].

Для успешной реализации семейной политики авторы ставят задачу «определить систему социальных показателей и индикаторов жизнедеятельности семьи <...>; одним из главных показателей должен быть принцип «корзины товаров и услуг», гарантирующий минимальный прожиточный уровень для удовлетворения физиологических и социальных потребностей семьи» [278, с. 130].

Критериями эффективности семейной политики предлагаются следующие показатели стабильности семьи: повышение статуса семьи, тем самым изменение взаимоотношений семьи и общества; повышение рождаемости; рост уровня брачности; уменьшение числа разводов; укрепление, расширение экономической (хозяйственной) самостоятельности семьи; увеличение семейной частной собственности; укрепление связи поколе-

в семье числа детей); ответа на вопрос о том, хочет ли респондент иметь детей больше, чем есть в момент опроса; ответов на два вопроса об ожидаемом числе детей и на вопрос о желаемом их числе» [10, с. 220].

В. Рутгайзер, Е. Спивак и А. Шмаров предложили к обсуждению следующий набор показателей состояния семьи:

1. Бюджет времени работающих членов семьи.
2. Обеспеченность семей предметами культурно-бытового назначения.
3. Обеспеченность жилищным фондом.
4. Тип и благоустройство жилища.
5. Обеспеченность предприятиями связи.
6. Развитие бытового обслуживания.
7. Развитие торговли.
8. Развитие учреждений здравоохранения.
9. Развитие учреждений культуры и искусства.
10. Обеспеченность детскими дошкольными учреждениями.
11. Развитие внутригородского транспорта общего пользования.

Всего же говорится о разработке здесь 80 показателей [269, с. 53]. При этом данные авторы категорически против «процедур агрегирования показателей» (например, использования показателя «расходы семьи на покупку непродовольственных товаров» или «общие расходы на оплату услуг»), поскольку, по их мнению, такие «укрупненные характеристики чересчур упрощают, а то и искажают особенности рассматриваемых процессов» [269, с. 52].

М. Мацковский проводит систематизацию понятий и индикаторов социологии семьи на основе 50 собранных со всего Советского Союза различных методик опроса (анкет). Получившаяся таблица имеет 6 разделов и более 70-ти предполагаемых индикаторов [208, с. 24–25]. В исследовании Б. Павлова и В. Козлова довлеющий до этого «принцип институциональности» при построении таких показателей уступает место «анализу общечеловеческих приоритетов» [157, с. 12–13]. В результате данного исследования к применению предлагаются такие показатели и индикаторы, как: принцип «корзины» — минимальный прожиточный уровень не только физиологических, но и социальных потребностей, включая процесс воспитания и образования детей; самооценка уровня жизни и перспективы этого уровня; частота и уровень покупок; оптимизм (тревога потерять работу, не найти ее) [157, с. 25–45].

Сферой действия другой группы предлагаемых данными авторами показателей является направление воспитания и социализации:

1) социально-культурный статус — интегрированный показатель материальной и духовной жизни семьи, включающий такие индексы, как социально-классовая принадлежность ее членов, уровень дохода, образова-

ний; повышение роли регулятивной функции семьи (нормоконтроля за поведением ее членов); снижение числа внебрачных и отказных детей [278, с. 120].

По итогам мониторингового социологического исследования федерального уровня «в ходе анализа потенциала семей главными индикаторами выступали величина душевого дохода семьи в сочетании с имеющимся у нее недвижимым имуществом, качество жилья» [168, с. 36]. Аналогичный подход предлагает и Ю. Левада: соответствующий Индекс семьи (ИС) рассчитывается у него на основе показателей ее материальной обеспеченности и сложившейся ситуации существования семьи [189, с. 347].

С. Голод предлагает индикатор «супружество» на основе супружеской взаимоудовлетворенности. В ходе эмпирических исследований автором выделены три основных показателя супружества: адаптация, интимность, автономия. Для каждого из них автор вырабатывает содержательные элементы: духовный, психологический, сексуальный, информационный, родственный, культурный и бытовой для адаптации; симпатия, расположенность, признательность, эротическая привязанность — для интимности и т.д. [77, с. 46–51].

Тогдашний директор «НИИ семьи и воспитания» С. Дармодехин, декларируя целью семейной политики «благополучие семьи», предлагает использовать в качестве показателей не только «имущественное благополучие», но и «счастливую жизнь» [94, с. 10].

То есть, и здесь мы имеем самые разные подходы и точки зрения по поводу формирования социальных «семейных» показателей, индикаторов и индексов, но решения проблемы научного представления семьи, проблемы обоснованного определения понятия основного («логически исходного») семейного отношения они нам не дают.

Но было бы неверным утверждать вообще отсутствие в фамилистической литературе удачных находок *в данном направлении*. Позитивной и конструктивной попыткой является выработка понятия «полной семьи», под которой понимается «такая категория, которая несет основную демографическую нагрузку в обществе. В эту категорию семей для обеспечения полного воспроизводства населения должна входить необходимая доля семей, имеющих трех и более детей, а на пути к такой семье главным критерием эффективности семейной политики должны стать здоровые, сытые, образованные, воспитанные, нравственно полноценные дети и ухоженные, накормленные и обогретые человеческим теплом и вниманием старики» (Т. Алексеенко, Т. Ишутина, В. Козлов, Б. Павлов, А. Татаркин) [278, с. 120]. Существенный эвристический потенциал заложен и в разработке рядом исследователей понятия «идеальной семьи», которая определяется как семья, бесконфликтно разрешающая противоречия между интересами общества и интересами индивида в динамике их развития [183, с. 122].

Однако предложенные положения представляют собой пока только декларации и пожелания, — но не доказательства.

Когда Гегель в «Философии духа» представляет семью как одно из проявлений («эманацию») «объективного духа» (явление реальности), ее сущность он видит в духовном определении отношения полов, единении любви и чувства взаимного доверия, в которых личности соединяются в «одно лицо». Устойчивая система отношений в семье и между семьями как «единицами лицами» («развитая в себе тотальность связи») и «есть государство в качестве гражданского общества». Эта «тотальность связи» представляет собой процесс, в котором «дети выходят из конкретной жизненности семьи, к которой они первоначально принадлежат <...>, но предназначены к тому, чтобы основать новую столь же действительную семью» [71, с. 341, 342]. То есть, «действительная семья» по Гегелю — это та, которая воспроизводится через своих детей, формируя тем самым и «государство в качестве гражданского общества».

И больше здесь Гегель эту тему не развивает, посчитав ее логически исчерпанной. Действительно, о чем здесь еще говорить? Ведь совершенно понятно, что семья, в которой личности не соединились в «одно лицо» и которая не производит детей, способных снова создать действительную семью (или производит детей, не способных к этому, что, в сущности, одно и то же), и не выполняет тем самым своего «предназначения», есть семья «недействительная», поскольку представляет собой «дурное отрицание» «объективного духа», его неестественное состояние, мгновенную (по историческим меркам) гибель цивилизации вследствие депопуляции и (или) духовно-культурного коллапса.

В переводе на язык понятий современной социологии, данный фрагмент представляет собой следующее содержание. «Действительная» семья — это семья, в которой происходит удовлетворение основных потребностей одновременно трех всеобщих «субъектов социального действия»: личности, самой этой семьи и общества. И самое интересное здесь то, что позиции Гегеля 200 лет тому назад и разрозненные и урезанные взгляды современных исследователей по данному поводу полностью совпадают. Но теоретическое преимущество здесь на стороне Гегеля, поскольку его понимание семьи позволяет видеть ее в единстве. Итак!

Основные потребности личности, удовлетворяемые в семье, это: «чувствовать себя любимым», «обсуждать что-либо важное», «удовлетворять сексуальные потребности» [356, с. 164]. Смотрим у Гегеля: «...духовное определение отношения полов, единение любви и чувства взаимного доверия...» [71, с. 341].

Основные потребности общества, удовлетворяемые в семье: воспроизводство и социализация личности(тей) (тут и ссылок не надо: все(!) современные источники об этом). Смотрим у Гегеля: «...дети выходят из конкретной жизненности семьи, к которой они перво-

начально принадлежат <...>, но предназначены к тому, чтобы основать новую столь же действительную семью» [71, с. 342].

Основной потребностью *отдельной семьи* является ее самосохранение (наличие обоих супругов и «семейный лад») (об этом тоже *почти* все источники). У Гегеля: «... в которых личности соединяются в «одно лицо» [71, с. 341].

В результате, мы получаем (пока только логически) искомый «цельный», «монистический» образ семьи в единстве ее теоретической и эмпирической («макро» и «микро» социологической) составляющих: это понятие *действительной* семьи; такой, в которой удовлетворены основные потребности одновременно трех всеобщих «субъектов социального действия»: личности, самой этой семьи и общества. А соответствующим понятием, «схватывающим» феномен удовлетворенных потребностей, является понятие *благополучия*.

Отдельно само по себе данное понятие в литературе практически не встречается: оно почти всегда сопровождается прилагательным, характеризующим определенную группу удовлетворенных потребностей: «материальное благополучие»; «духовное благополучие»; «физическое благополучие»; «социальное благополучие»; «семейное благополучие».... На последнем и остановимся.

И остановка будет достаточно продолжительной, поскольку нас ждет не очень приятное открытие: определение понятия семейного благополучия в фамилистике отсутствует!³ А это, кроме всего прочего, означает, что цели семейной политики в России нуждаются еще в очень серьезной доработке, если среди них отсутствует семейное благополучие россиян как *понятное* явление и достижимый, *рассчитанный* результат.

На основании представленных нами ранее положений мы имеем полное право предварительно определить *семейное благополучие* как *удовлетворение в семье потребностей «субъектов социального действия»*. То есть, семейное благополучие представляет собой такие отношения элементов социальной структуры общества, в которых посредством семьи удовлетворяются базовые потребности каждого из этих элементов (институтов, социальных групп, индивидов).

И тогда теоретически мы получаем право вести речь о семейном благополучии отдельных элементов социальной структуры. Нарушения же процессов функционирования семьи ведут к неудовлетворению семьей потребностей указанных элементов и их последующему распаду, закономер-

³Обширное представление определения понятия семейного благополучия впервые приведено нами в монографии «Семейное благополучие: от теории к практике». — Челябинск, 2002; затем оно использовалось нами в ряде публикаций в журналах «Семья в России» и «Социальная политика и социология». Поэтому данное наше заявление следует понимать так, что указанное определение отсутствует в *других* источниках.

но ведущему и к разложению самого общества. Такие отношения представляют собой процесс *семейного неблагополучия*.

Удовлетворение потребностей «субъектов социального действия» в семье и ее посредством в социологии семьи обычно называется исполнением функций семьи. Исследование этих функций позволяет развернуть содержание семейного благополучия как отдельных субъектов социального действия (института, группы, индивида), так и общества в целом. Если, например, исходить из основных функций института государства («обеспечение стабильности, устойчивости и социального порядка в обществе», «социального контроля» [122, с. 385]), то его основной потребностью, удовлетворяемой посредством исполнения семьей ее функций, является оптимальное воспроизводство законопослушных и эффективных налогоплательщиков и молодых здоровых «организмов» для армии и полиции. Поэтому семейное благополучие института государства определяется уровнем воспроизводства и первичной социализации, а соответствующими функциями семьи, удовлетворяющими данные потребности, являются генеративная, первичного социального контроля, воспитательная и образовательная.

Основной потребностью института образования, удовлетворяемой семьей и в семье, является обеспечение необходимого уровня первичной социализации, позволяющего соответствующим институциональным структурам (образовательным организациям) обеспечивать интеллектуальное воспроизводство, формировать познавательную культуру новых поколений людей, «наделять их сообщество коммуникативными и интерактивными связями». И тогда уровень семейного благополучия для института образования определяется долей членов семьи, обладающих соответствующим уровнем знаний, умений и навыков.

Основной функцией института здравоохранения является обеспечение физического и психического здоровья населения. Удовлетворяющей эту потребность функцией семьи является обеспечение физической и психической поддержки членов семьи. И тогда уровень семейного благополучия для института здравоохранения определяется долей членов семьи, обладающих соответствующим здоровьем.

По этой общей схеме («основная функция института — потребность института в исполнении соответствующей функции семьей — качество исполнения этой функции семьей») мы получаем принципиальную возможность оценить семейное благополучие и других социальных институтов. Однако удовлетворяемые в семье потребности разных институтов часто не соответствуют и даже противоречат друг другу. Поэтому исполнение семьей одной и той же функции будет вести к росту семейного благополучия для одного института и одновременно снижению семейного благополучия другого (или других). Например, для качественного исполнения основной функции института образования (передача когнитивного

«багажа» от поколения к поколению) в целом безразличен уровень воспроизводства населения, а в определенные периоды его расширенное воспроизводство даже вредно: так, чтобы сегодня российские учащиеся могли получать европейский уровень образования, их должно быть меньше в несколько раз: тогда уровень обеспеченности компьютерами, приборами, помещениями, учебниками и квалифицированными педагогами будет ближе к цивилизованному. Наоборот, первоочередные потребности современного российского государства состоят в расширенном воспроизводстве населения, что совсем не на пользу как институту образования, так и здравоохранению, возможности которых в России сегодня пока еще ограничены, несмотря на реализуемые здесь «национальные проекты».

Аналогичным образом (через удовлетворение семьей их потребностей) может быть развернуто семейное благополучие различных социальных групп. Основные функции, исполняемые социальной группой, также делятся на удовлетворяющие потребности индивида и удовлетворяющие общественные потребности. Удовлетворение потребностей индивидов группа осуществляет через функции непосредственной коммуникации, принадлежности, общения; удовлетворение потребностей общества — прежде всего, через функцию социализации. Семья как малая группа удовлетворяет эти потребности общества через исполнение трудовой, экономической и хозяйственно-бытовой функций; обеспечивает накопление, приобретение социального опыта хозяйствования, распределение обязанностей, бюджета, передачи данного опыта по наследству, управление различными формами жизнедеятельности семьи, психологические стереотипы поведения; удовлетворение потребностей индивида идет через реализацию функций духовного общения, рекреации, интимности.

Как и в отношениях между институтами, семейное благополучие и здесь противоречно и разнонаправлено. Благополучие индивида в сфере духовного общения по его личным интересам выступает препятствием для общения с детьми и близкими. Семейное благополучие самой семьи как группы в самосохранении ее «действительности» противоречит институциональной функции воспроизводства выбывающих из строя в результате военных действий солдат и сокращению таким образом доли мужчин относительно доли женщин со всеми вытекающими отсюда общеизвестными негативными последствиями.

Семейное благополучие индивида определяется через реализацию семьей, прежде всего, гедонистической («фелицистической»; то, что называется «счастьем в личной жизни») функции. Основным индикатором здесь супругами называется обычно «положительная оценка брака», которая связывается с возможностью «чувствовать себя любимым», «удовлетворять сексуальные потребности»... Рекреационная (психотерапевтическая) функция обеспечивает социальную защищенность человека, «принятие его личности независимо от социального статуса, карьеры, таланта, реализует

социальные роли отца — матери, сына — дочери, бабушки — дедушки и т.д., создает условия для восполнения психологических и физических сил».

Полученные теоретические результаты позволяют нам теперь определить содержательную сферу группы других понятийных конструкций, логически «напрашивающихся» из связи категорий «семьи» и «благополучия» и используемых в литературе. К ним относятся «благополучная семья», «благополучие семьи» и «благополучие в семье».

Исследование содержания понятия «благополучная семья» показывает его преимущественную принадлежность к *институциональной* сфере социальной реальности, поскольку сам феномен «благополучной семьи» формируется на основе оценок, «выставляемых» семье с позиции степени соответствия ее функционирования внутриинституциональным ценностям и стандартам. Поэтому с точки зрения разных институтов данное понятие имеет разное содержание, хотя и совпадающее в некоторых его частях.

То есть, «благополучная семья» есть положительное представление о семье институционально ограниченного субъекта, *институционально определенный феномен семейного благополучия*. А поскольку она имеет разное содержание с точек зрения различных институциональных структур, постольку сам образ «благополучной семьи» объективно является весьма противоречивым, и это главная причина отсутствия ее удовлетворительного определения в социологической литературе: сколько в обществе социальных институтов — столько и образов-акцентов «благополучной семьи».

Понятийное образование «благополучие семьи» обычно представляет собой степень соответствия семьи некоторому идеальному всеобщему «семейному» образу; или цель и потребность общества, институтов, организаций, самих членов семьи и несемейных граждан, то есть, всех субъектов социального действия. В отличие от *семейного благополучия*, представляющего собой удовлетворение семьей потребностей субъектов социального действия, *благополучие семьи* есть ее собственное состояние среди и в оценках указанных субъектов, в том числе и самой семьи. Иначе говоря, благополучие семьи есть удовлетворение потребностей семьи (во всех ее «ипостасях»: общности, института, организации, группы, сферы личной жизнедеятельности индивидов) другими (совместно с самой семьей) субъектами социального действия.

Так, например, институт государства обеспечивает (или не обеспечивает) удовлетворение потребности семьи в «семьеобразном» государственном устройстве, эффективном семейном законодательстве и его соблюдении; институт здравоохранения — в поддержании здоровья членов семьи; институт семьи — в ее общественной значимости, и так далее. Организация (предприятие, фирма) удовлетворяет потребности семьи в средствах существования (производственная) или в обслуживании повседневной жизнедеятельности (социально-культурной сферы или админи-

стративная), социальная группа — в коммуникации, индивиды — в воспроизводстве семейного образа жизни (при посредстве института брака или без него в случае его неэффективной работы).

Уровень благополучия семьи тогда оценивается институтом по доле благополучных семей в общем их числе; группой — по прочности, устойчивости, стабильности семьи как малой группы; индивидом — по соответствию его семьи его ожиданиям, созданному им желаемому образу его семейной жизни. Соответственно, и благополучие семьи так же является весьма противоречивым социальным феноменом, поскольку, например, благополучие семьи как института сегодня серьезно противоречит благополучию семьи и как малой группы, и как сферы личной жизнедеятельности индивидов. «Интересы современной семьи и ее процветания нередко сталкиваются с интересами общества... И чем далее, тем это столкновение интересов семьи и общества растет», указывал еще П. Сорокин почти сто лет назад [303, с. 78].

Понятийное образование «благополучие в семье» означает удовлетворение потребностей члена семьи в ходе семейной жизни, в семейных отношениях, удовлетворенность индивида его семейной жизнью. И так же, как и «благополучная семья», и «благополучие семьи», благополучие в семье представляет собой весьма широкий спектр межличностных и межсубъектных противоречий: тут и гендерные аспекты, и «отцы и дети», и социальное и биологическое, и индивидуальное и общественное

И еще одно объективное обстоятельство серьезно затрудняло определение в семейведении понятий семейного благополучия, благополучной семьи, благополучия семьи и благополучия в семье. Поскольку многие функции семьи являются «межсубъектными», то есть удовлетворяют потребности одновременно нескольких субъектов социального действия, постольку и содержание каждого из исследуемых понятий включает в себя часть содержания других понятий. Поэтому «благополучная семья» как институциональный феномен может выступать как «благополучие семьи» в лозунгах политической программы или цель института так же, как и «благополучие в семье». А вот с точки зрения человеческой цивилизации в целом благополучными, возможно, следует считать семьи, где рождаются и воспитываются гении и творцы, которые далеко не всегда по институциональным, групповым и другим критериям могут быть отнесены к «благополучным детям из благополучных семей».

Вышеизложенная теоретическая конструкция семейного благополучия дает нам основание для выработки социологического конкретно-исторического определения «действительной» семьи. А такое определение уже должно позволить нам обнаружить соответствующий феномен в социальной реальности и действительно снять, наконец, противоречие между теорией и практикой, поскольку обнаружение на практике и подтверждение теоретических результатов через анализ конкретных харак-

теристик и показателей, полученных в результате соответствующего эмпирического исследования, и будет означать снятие (разрешение) данного противоречия.

§ 6. Социологическое определение «действительной» семьи

Известный советский «семьевед» А. Харчев еще в 1970 году отмечал, что «в области социологии семьи» требуется уточнение «ряда теоретических положений этой науки, поскольку сохраняющаяся рассогласованность в их трактовке мешает обобщению получаемых разными исследователями данных. К числу таких положений относится, прежде всего, понимание семьи и закономерностей ее развития» [342, с. 23–24]. Мы должны констатировать, что данная проблема по-прежнему остается актуальной.

Н. Бердяев считал, что «семья по своей сущности всегда была, есть и будет позитивистическим мирским институтом благоустройства, биологическим и социологическим упорядочением жизни рода. <...> Семья — хозяйственная ячейка прежде всего» [27, с. 422, 423]. То есть, сущность семьи философ видит в первую очередь в ее способности оптимизировать решение проблем соотношения социального и биологического в обществе. Содержанием этого процесса оптимизации является соответствующая форма организации и разделения труда в семейном хозяйстве.

П. Сорокин определяет семью как социально-правовую организацию определенного вида, основанный на браке «легальный союз (часто пожизненный) супругов, с одной стороны, союз родителей и детей с другой, союз родственников и свойственников с третьей» [303, с. 65]. Здесь уже явно заметно усиление смыслового акцента на особую атмосферу внутрисемейных отношений, коллективное целеполагание, общие ценности («Союз — тесное единение, связь <...> отдельных лиц; объединение, соглашение для каких-нибудь совместных целей») [229, с. 693]. Как и Н. Бердяев, П. Сорокин также указывает на легальность, то есть санкционирование обществом такого рода отношений, их институциональность.

Н. Смелзер определяет семью как основанное на кровном родстве, браке или усыновлении объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью за воспитание детей; члены семьи часто живут в одном доме [292, с. 424].

Из рассмотрения приведенных выше определений можно заметить, как сущностный акцент в них смещается от монистического понимания «всеобщности» и «цельности» семьи Гегелем (который в своей «Философии духа» определял ее «как единое лицо») через ее раздвоение Н. Бердяевым на «социальное и биологическое», затем дробление П. Сорокиным на «родителей, детей и т.д.» к ее все большему разделению на абстрактных индивидов, каждый из которых сегодня и дальше может и продолжает «теоретически дробиться» до бесконечности по причине бес-

конечности их «внутрисемейных функциональных связей и связи их с внешними семье связями». Эта историческая «редукция» определений семьи отражает реальные процессы становления гражданского общества, в которых семья как в социальной практике, так и в социологической теории постепенно «перемещается» с уровня «единственного общественного отношения», которым она была в «исторически освещенный» период нашего обществознания, на уровень «подчиненного отношения» (А. Харчев) [342, с. 26]; хоть и очень важной, но *типичной* социальной структуры, число которых (этих различных социальных структур) в обществе множится в процессе разделения труда.

Современная отечественная фамилистика в основном продолжает указанную тенденцию и разрабатывает все более развернутые в структурно-функциональном отношении дефиниции. По мнению А. Харчева, «что касается определения самого понятия «семья», то, по-видимому, надо говорить не об одном, а, по меньшей мере, о трех одинаково правомерных ответах на этот вопрос» [там же, с. 27]. Действительно, большинство теоретических исследований и выработанных социологами определений семьи представляет ее в роли некоторого феномена («первичной социальной ячейки», «основной общественной единицы»), заключающего в себе «триединство» «макросоциального» (институт), «микросоциального» (малая группа) и индивидуального («сфера личной жизнедеятельности»). При этом акценты по мере развития социологии семьи смещаются в ее (семьи) определениях от макросоциологических к микросоциологическим и личностным отношениям.

Сам А. Харчев в своих наиболее известных теоретических трудах определяет семью «как исторически-конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [341, с. 75]. Спустя десять лет М. Мацковский в своем исследовании использует это же определение [211, с. 23]. В это же самое время С. Голод справедливо отмечает, что «если соотношению семьи и общества» в советской социологии «уделялось достаточно внимания, то, напротив, изучение имманентных закономерностей оставалось в тени. Перенос исследовательского фокуса на собственные закономерности семьи поставил задачу ее нетрадиционного определения» [78, с. 90]. Придерживаясь в целом исходной классической схемы (семья «как совокупность индивидов, состоящих, по меньшей мере, в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения, свойства») основной акцент в своей концепции исторических типов семьи С. Голод делает на «супружество» как личное взаимодействие мужа и жены [там же, с. 91].

В настоящее время «личностный» аспект в организации семейной жизни получил наибольшее внимание исследователей. Взамен «устаревшего социоцентристского» образа семьи Л. Карцева предлагает другой, более «современный» образ: «с неадекватными традиционным социальными правилами и нормами <...>, отвечающий потребностям отдельных индивидов» [143, с. 99]. В другом авторитетном современном источнике так же отмечается, что «без всестороннего удовлетворения потребностей личности семья не будет стабильна и поэтому не сможет в полной мере удовлетворять общественные интересы и потребности» [264, с. 462].

Актуализировавшиеся в ходе происходящих в России социальных преобразований потребности российского общества в разработке прикладных методик реализации семейной политики явно обозначили крайнюю «непрактичность» этой «теоретической трояственности» в семейведении. Заметивший раньше других эту «непрактичность» А. Харчев первым из российских социологов в одной из своих последних работ предложил рассматривать семью «монистически», как «институтированную общность, складывающуюся на основе брака и порожденной им правовой и моральной ответственности супругов за здоровье детей и их воспитание» [303, с. 27]. Его теоретические последователи (А. Антонов, В. Архангельский, В. Борисов, В. Медков, С. Сорокин) в своих работах также предлагают понимать под семьей «основанную на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества — родительства — родства, и тем самым осуществляющую воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи» [307, с. 331].

С другой, однако, стороны, необходимость монистического определения семьи не является среди специалистов общепризнанной, поэтому и сегодня многие используемые в авторитетных трудах дефиниции по-прежнему опираются на «дихотомический» или «триединый» подход без заявок на теоретический «монизм» [309, с. 319]. Но обоснованная критика «монистического» принципа определения семьи в литературе отсутствует, что в целом говорит о молчаливом признании допустимости такого подхода.

История показывает, что устойчивость и авторитет в обществе всякого социального института зависит, прежде всего, от степени (уровня) удовлетворения данным институтом потребностей общества и индивида с их одновременным согласованием. Семья сохраняется всю цивилизованную историю человечества и остается центром социализации до тех пор, пока осуществляет это удовлетворение потребностей общества и индивида с их одновременным согласованием наиболее универсально. Именно всеобщий и универсальный характер согласования в семье социальных отношений в их «увязке» с биологической составляющей человеческого бытия и порождает ее (семьи) фантастическую историческую устойчивость, пережившую все происшедшие в истории человечества катаклизмы. «При

всех изменениях общество на любой ступени своей истории нуждается в воспроизводстве населения, поэтому оно всегда заинтересовано в семье как форме организации этого воспроизводства», отмечает все тот же А. Харчев [341, с. 74]. «Как социальный институт, семья реализует жизненно необходимую функцию самосохранения общества, воспроизводства новых поколений. Как малая группа, в рамках которой индивиды вступают в первичные межличностные отношения, семья удовлетворяет их фундаментальные социально-психологические потребности». В семье «социетальные функции (общественные потребности) реализуются (удовлетворяются) через личную мотивированность индивидов», семью образующих, продолжают В. Борисов и В. Медков [307, с. 331]. Нарушение этого процесса быстро ведет к гибели любого социального сообщества через разрушение системы социализации и вымирание населения и потому в процессе исторического соревнования «несемейное бытие» *«естественно»* отвергалось субъектами этого соревнования – обществами и цивилизациями.

Поскольку никакое другое социальное образование, кроме семьи, не способно к самосохранению и воспроизводству социального, искомым *рабочим* определением семьи представляется следующее: *семья есть уникальная общность, воспроизводящая общество через удовлетворение основных потребностей субъектов социального действия*. Больше никакое другое социальное образование не может быть определено таким образом. Именно эксклюзивная функция воспроизводства социального и составляет сущность семьи. Поэтому А. Харчев совершенно прав, когда он в дискуссии о субординации функций семьи, приходит к выводу, что «главная функция — это и есть семья, рассматриваемая в динамике ее жизнедеятельности, ее взаимодействия с обществом» [342, с. 28].

Поскольку такая семья соответствует интересам всех социальных субъектов, мы можем предположить, что она и есть искомый предмет исследования: семья, представляющая семейное благополучие как процесс оптимального удовлетворения конкретно-исторических потребностей семьи — малой группы, общества и индивида, то есть социально благополучная семья (СБС).

Понятая *таким* образом семья есть феномен, дающий «конкретное представление о первичной групповой природе, отпрыском которой является все социальное» (Ч. Кули) [180, с. 335]. А это означает, что именно она (а не «семья вообще») представляет собой элементарную социальную общность, предельное социальное образование, дальнейшее «разложение» которого на составляющие его элементы есть прекращение существования самого социального [251, с. 113–123]. Данное понятие методологически точнее бесформенного «штампа» «первичная социальная ячейка». Последний представляет собой не более, чем образ, созданный обыденным сознанием, малопонятный и аморфный набор из выражений сталинско-вульгарного материализма («первично» и «вторично») и «социализирован-

ного биологизма» («сотовая ячейка» в пчелином или осином гнезде — «партийная (профсоюзная) ячейка» на заводе и т.д.), тогда как предлагаемое определение содержит «социально-научно» определенные понятия «элементарного» [44, т. 30, с. 128] и «социальной общности» [122, с. 111].

Понятие социально благополучной семьи (СБС) как элементарной социальной общности позволяет преодолеть «институционально-групповой» и «макро-микросоциологический» дуализм в определениях семьи и понять ее как *точно определенный* предмет социологической науки. А это означает возможность теоретического развертывания семейной «темы» в единстве макро- и микросоциологического подходов, поскольку с этой позиции и семья — институт, и семья — малая группа, и семья — организация, и семья — социальная общность (вообще), и изменения в процессах воспроизводства народонаселения представляют собой феномены, отражающие различные аспекты и формы проявления процессов самодвижения СБС: структурно-функциональный, феноменологический, конфликтологический, диалектический, системный, гендерный и т.д.. Набор этих феноменов и отношений может бесконечно дополняться и систематизироваться, но социально благополучная семья остается *основным* объяснительным принципом, *основанием*.

Соответственно, наряду с социально благополучной («действительной» по Гегелю) семьей мы обнаруживаем и существование семьи «недействительной», то есть, не удовлетворяющей вышеуказанные потребности ни одного из субъектов, и значит — социально неблагополучной.

Такое теоретическое решение позволяет произвести логическое развертывание сферы семейного благополучия-неблагополучия через определение и формирование его точно обозначенных структуры и уровней. Эта структура представляет собой некоторую четырехуровневую конструкцию из различных сочетаний и значений трех ее основных параметров. Нижний уровень составляют социально неблагополучные, «кризисные» семьи, не имеющие благополучия ни в общественном, ни в семейном, ни в индивидуальном. Это такие семьи, в которых одновременно: а) не обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения (рождаемость); б) не обеспечивается полнота семьи (лишь один супруг с детьми или даже ни одного, а дети растут с другими родственниками); в) отношения между членами семьи преимущественно напряженные и конфликтные (нет «лада» в семье).

Следующий («второй») уровень составляют «проблемные» семьи, благополучные по одной из трех составляющих, но неблагополучные по двум другим: а) рождается (усыновляется) общественно необходимое число детей, но семья не имеет (необходимое число) супругов и в ней плохие отношения (нет «лада» в семье); б) есть необходимое число супругов — но в семье неудовлетворительное по общественным меркам число детей и нет «лада» в семье; в) в семье «лад» — но нет необходимого числа супругов и

неудовлетворительное число детей. Три их разновидности в соответствии с представленными в них отношениями благополучия — неблагополучия и сложившимися социальными образами мы определим как: а) «детная»; б) «парная»; в) «тихая».

Третий уровень представляют «переходные» или «перспективные» семьи, в которых наличествует благополучие по двум составляющим и неблагополучие по одной составляющей: а) есть «детность» и «полнота» — но нет «лада»; б) есть «полнота» и «лад» — но нет «детности»; в) есть «детность» и «лад» — нет «полноты». По группам мы определим их как: а) «полная»; б) «западная»; в) «детская».

И самый высокий, четвертый уровень, представляют семьи с полным набором основных элементов благополучия, то есть социально благополучные. Соответственно, уровень семейного благополучия в обществе (или общества) тогда представляет собой некоторое соотношение факторов благополучия с факторами неблагополучия. Наиболее же простым, понятным и объективным показателем здесь является доля населения, проживающего в социально благополучных семьях, или доля таких семей в общем их числе; или их некоторое среднее значение.

Понятно также, что семейное благополучие и неблагополучие являются следствиями множества частных факторов состояния общества и семьи: экономических, политических, духовных, культурных, социально-психологических, нравственно-этических, национально-этнических. Так же и внутри каждого уровня будут свои подразделения этих параметров и особенности этих связей. Например, теоретически как в составе «кризисных», так и среди «действительных» (СБС) семей будут семьи разного уровня жизни (от самого низкого до самого высокого), образования, религиозной принадлежности, продолжительности брака, разницы в возрасте супругов и т.д.; но, возможно, в разных пропорциях. Эта ситуация прямо выводит логику исследования на необходимость анализа влияния различных социальных параметров состояния семьи и общества друг на друга и на семейное благополучие.

И еще один момент. В «официальной» социологии семьи сегодня отсутствует понятие, комплексно отражающее («схватывающее») совокупность положительных социальных, бытовых, трудовых, психологических, экономических, эмоциональных и других отношений между членами семьи как малой группы. Чаще всего для этого используются заимствованные, не очень удобные и не всегда корректные выражения.

Наиболее частым в применении является выражение «хороший («положительный», «удовлетворительный») социально(или «морально»)-психологический климат в семье»; популярная певица добавила еще и «погоду в доме». Кроме того, что понятия «климат» и «погода» вообще из сферы природно-географических, выражение «социально психологический» говорит о принадлежности отраженной им предметной сферы к

социальной психологии, а морально-психологический — к этико-нормативной сфере, которые хоть и близки к социологии семьи по своей предметной основе, представляют, тем не менее, отдельные и специальные отрасли общественнознания. При этом само используемое выражение является громоздким, «научообразным», очень неудобным в использовании и крайне «расплывчатым» по содержанию.

Не более удобным и научным является и понятие «хорошие внутрисемейные межличностные отношения». Безусловно, оно соответствует критериям отнесения его к сфере социологии семьи, но «несет» аспект «формальности», «поверхностности», «искусственности» («мы поддерживаем между собой хорошие отношения»), что для такого явления, как семья, далеко не всегда имеет положительное значение: распад духовного единства, маскируемый «поддерживаемыми хорошими межличностными отношениями», часто оборачивается более глубоким кризисом и негативными последствиями, чем ссоры, которые могут, в итоге, снять имеющиеся противоречия и восстановить мир в семье.

Используется в социологии семьи также и такое понятие, как «положительная оценка брака». Но оно также категориально неполно, поскольку представляет собой положительное восприятие ситуации лишь одним из супругов. Дети как члены семьи здесь представлены лишь опосредованно и совершенно необязательно: положительно оцененный брак может быть и бездетным, как часто сегодня и происходит.

Выражения типа «согласие в семье», «мир в семье» отражают лишь отдельные аспекты комплекса вышеуказанных отношений, и потому менее предпочтительны.

Вообще в науке немало примеров, когда распространенное «бытовое» и «разговорное» становится научным и категориальным. Тот же глагол «быть» («есть») чаще всех других глаголов используется в разговорных выражениях и на первый взгляд не несет вообще почти никакой гуманитарной теоретической или научной весомости. Однако Гегель определил понятие «бытие» исходным пунктом, началом философской системы категорий, доказав необходимость и правомерность такого вывода. Подобным образом поступаем и мы, предлагая в качестве понятия, «схватывающего» весь комплекс положительных отношений в семье, понятие **«семейный лад»**.

Выработка понятия социально благополучной («действительной») семьи как элементарной социальной общности и дифференциация семьи по типам и соотношению в ней параметров «благополучия-неблагополучия» позволяет найти подходы к решению проблемы юридического определения семьи и тем самым созданию ее «юридического лица», субъекта правовых отношений со всеми вытекающими последствиями: собственной законодательной базой и акцентированной семейной политикой.

Главной проблемой здесь было, как известно, крайне неопределенное (институт, группа, союз индивидов, кровнородственные отношения) положение понятия семьи в наборе гуманитарных категорий. Понимание же сущности семьи как семьи «действительной» (то есть, как минимум, имеющей детей) позволяет теоретически и методически развести «брачные» и собственно «семейные» правовые отношения. Тогда юридическое определение семьи для применения его в законодательстве РФ предлагается следующим: *«Семьей (субъектом правовых семейных отношений) является брачная пара или гражданин (гражданка), имеющие детей. Дети являются членами семьи по факту их рождения или усыновления»*. Таким образом, браки без детей (даже зарегистрированные ЗАГС) выводятся из правового поля семейных отношений в сферу общегражданских правовых отношений, что значительно увеличивает возможности уточнения и однозначного определения правовых семейных норм.

Соответственно, теоретическое решение проблемы теперь позволяет выйти и на ее *методическое* решение: определить принципиальные положения социологического инструментария для сбора и анализа эмпирической информации. Итак, основными составляющими СБС являются «полнота семьи», «семейный лад» и «детность». Это значит, что на практике такая семья удовлетворяет одновременно трем условиям:

1) «бесконфликтное разрешение противоречий между семьей и обществом», в результате чего в обществе и у индивидов поддерживается положительный настрой на семейный образ жизни, в семье имеются оба супруга и дети;

2) «бесконфликтное разрешение противоречий между членами семьи», следствием чего в семье является отсутствие или несущественное воздействие «центробежных сил» в форме различного рода «серьезных неполадок»;

3) количество детей в семье является «социально оптимальным».

Если методически при подготовке инструментария эмпирического исследования удовлетворение условий «1» и «2» не вызывает особых трудностей, то относительно условия «3» такие трудности безусловно есть. Они связаны как с определением «социально оптимального» количества детей в семье, так и со сбором социологической информации об этой оптимальности. Для прекращения депопуляционных тенденций необходимо 2,5 ребенка на семью (к концу ее репродуктивного периода), но для решения задач экономического и социального развития страны необходим ежегодный прирост рождаемости в несколько процентов, что ставит задачу наличия в российской семье к концу ее репродуктивного срока не менее трех детей. Поэтому трое (и более) детей в семье в исследовании были приняты «социально оптимальным» значением.

Поскольку же в медицине и демографии существует устойчивое представление оптимального фертильного срока для женщины, продолжи-

Глава 3. ГЕНЕЗИС СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

§ 7. Показатели семейного благополучия

Соответственно вышеизложенному, уровень семейного благополучия общества (социальной общности, группы, категории) определяется «присутствием» в обществе вышеуказанных «явлений» семейного благополучия, т.е., «полноты семьи», «семейного лада» и «оптимального воспроизводства». Однако для непосредственного расчета этого уровня имеются некоторые трудности. Дело в том, что эмпирические данные анкетирования родителей и супругов дают нам информацию только о той части населения, которая ведет семейный образ жизни; информации же о количестве и доле населения, ведущего «несемейный» (не равно «одиночный» — об этом чуть ниже) образ жизни, мы не имеем.

Не сможет нам помочь и наша официальная статистика домохозяйств. Согласно ее данным, в Челябинской области доля домохозяйств с одним «домохозяином» составляет около 19 процентов от общего количества домохозяйств, а средний размер домохозяйства 2,8 человек (по РФ показатели практически те же). Следовательно, доля населения, ведущего «одиночный образ жизни», получается в УрФО на уровне $(19/2,8=)$ 6,8%.

Однако мы не можем принять для использования в наших расчетах данную цифру по следующему ряду причин:

1. Брачная пара, не имеющая детей, не относится к категории населения, ведущего семейный образ жизни: следовательно, эта категория относится к населению, ведущему несемейный образ жизни (хотя и не одиночный), — даже если она и ведет отдельное домохозяйство.

2. Домохозяйства, в которых нет детей (то есть, состоящие только из взрослых), независимо от численности и состава, также (согласно определению семьи) относятся к ведущим «несемейный» образ жизни: разумеется, среди них есть те, кто уже вырастил детей, — но если их взрослые дети не имеют своих детей и живут с родителями или другими взрослыми родственниками, те и другие не относятся к категории ведущих семейный образ жизни.

3. Дети-сироты и (в действительности) беспризорные дети тоже не относятся к данной категории.

4. Одинокие, проживающие в общежитиях (такие еще остались).

Тем не менее, ситуация не безвыходная. Так получилось, что у нас есть данные, которые позволяют «выйти из положения». В 2005 и 2010 годах нами было проведено исследование потребления продовольственных товаров по городу Челябинску. По данным этого исследования картина по составу домохозяйств выглядит следующим образом:

тельность которого составляет 15 лет с возраста 18–20 лет до возраста 33–35 лет [307, с. 240–241], постольку при разработке методики эмпирического исследования было принято, что для достижения сегодняшнего российского идеала (трехдетной семьи) дети в семье должны рождаться минимум через каждые 5 лет супружеской жизни и эти периоды были заложены в методику. И тогда условие «3» на практике будет считаться выполненным, если в семье рождено (живет) трое (и более) детей; или не менее двух детей при стаже совместной жизни до 10 лет; или не менее одного ребенка при стаже совместной жизни до 5 лет.

Реализация этого подхода на эмпирическом материале позволила выделить логический образ-конструкт «социально благополучная семья» в отдельную выборочную совокупность. В результате применения данного методического приема СБС обретает собственное объективное бытие, предметность, может быть описана количественно, то есть становится «социальным фактом». Такая семья, в которой происходит успешное «исполнение» данных функций и достижение необходимых показателей по пунктам «1»(полнота), «2»(семейный лад) и «3»(оптимальное воспроизводство) и предлагается в исследовании в качестве современной российской модели «действительной» семьи, предложенной почти 200 лет назад Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем; или в качестве «оптимистической версии нуклеарной семьи», предложенной в начале 19-го века школой Фредерика Ле Пле.

Таблица

ВОПРОС АНКЕТЫ И ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ: ВАС В КВАРТИРЕ (ДОМЕ) ПРОЖИВАЕТ ФАКТИЧЕСКИ	2005 г.	2010 г.
Всего опрошено человек	396	958
%%	100%	100%
— Вы один (одна)	14,4	14,5
— Один взрослый и один ребенок	3,0	4,7
— Двое взрослых	28,8	27,3
— Трое: ребенок и двое взрослых	11,9	13,9
— Трое взрослых	12,4	9,7
— Трое: двое детей и взрослый	2,3	0,6
— Четверо взрослых	6,1	6,4
— Четверо: двое детей и двое взрослых	8,8	10,2
— Четверо: один взрослый и трое детей	0,5	0,4
— Четверо: трое взрослых и один ребенок	4,8	5,3
— Вас проживает вместе больше, чем четверо	7,1	7,1

Как видим, за пять лет в составе домохозяйства практически ничего не изменилось, а встречающаяся небольшая разница укладывается в рамки статистической погрешности. После соответствующего обобщения и группировки данных получаем следующее:

Таблица

Средний размер городского домохозяйства (чел.)	2,8
В т.ч. взрослых (чел.)	2,2
В т.ч. детей (чел.)	0,6
Доля взрослых в составе домохозяйства,%%	78,6
Доля детей в составе домохозяйства,%%	21,4
Доля домохозяйств с детьми,%%	38,4
Доля домохозяйств без детей,%%	61,6

Приведем отдельно данные по домохозяйствам без детей (они-то и ведут несемейный образ жизни):

Таблица

— Вы один (одна)	14%
— Двое взрослых	29%
— Трое взрослых	12%
— Четверо взрослых	6%

И тогда доля населения, ведущего несемейный образ жизни, составляет: $(14 + 29 \cdot 2 + 12 \cdot 3 + 6 \cdot 4) / (2,8 \cdot 100) = 47\%$, где:

- 14 (%) — доля домохозяйств, состоящих из одного взрослого;
- 29 (%) — доля домохозяйств, состоящих из двух взрослых;
- 12 (%) — доля домохозяйств, состоящих из троих взрослых;
- 6 (%) — доля домохозяйств, состоящих из четверых взрослых;
- 2,8 — средний размер домохозяйства (чел.);
- 100 (%) — 100%;
- 47% — доля населения, ведущего несемейный образ жизни.

Тогда, соответственно, доля населения, ведущего семейный образ жизни, получается на уровне $(100\% - 47\% =) 53\%$.

И вот теперь мы можем произвести соответствующий расчет семейного благополучия населения УрФО в 2006 году.

В рамках темы ГБ–83 «Исследование процессов и показателей семейного благополучия в Уральском Федеральном округе (коды по ГРНТИ: 04.51.67) в апреле–июне 2006 года проведен опрос взрослых (18 лет и старше; выборка случайная) жителей Уральского Федерального округа, ведущих семейный или брачный образ жизни, на территориях Курганской (1569 респ.), Свердловской (2049 респ.), Тюменской (ЯНАО 498 респ.) и Челябинской (933 респ.) областей: всего 5049 человек.

По авторской методике четыре уровня и восемь типов благополучия рассчитаны для семьи УрФО по результатам анкетирования. Самый нижний уровень представляют социально неблагополучные, «кризисные» семьи, не имеющие благополучия ни в общественном, ни в семейном, ни в индивидуальном сегментах своего бытия. Это такие семьи, в которых одновременно: а) не обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения (рождаемость ниже, чем один ребенок каждые пять лет совместной жизни); б) не обеспечивается полнота семьи (в семье лишь один супруг с детьми или даже ни одного, а дети растут с другими родственниками); в) в отношениях между членами семьи нет «лада». Доля кризисных семей в составе опрошенных 7,1%.

Следующий уровень составляют «проблемные» семьи (три типа), благополучные по одной из трех составляющих, но неблагополучные по двум другим. Это семьи:

1) «детные», в которых а) обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения (трое и более детей); б) не обеспечивается полнота семьи (в семье лишь один супруг с детьми или даже ни одного, а дети растут с другими родственниками); в) отношения между членами семьи преимущественно напряженные и конфликтные (нет «лада» в семье);

2) «парные», в которых а) не обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения (рождаемость ниже, чем один ребенок каждые пять лет совместной жизни); б) обеспечивается полнота семьи (имеются оба супруга); в) в отношениях между членами семьи нет «лада»;

3) «тихие», в которых а) не обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения; б) не обеспечивается полнота

семьи (лишь один супруг с детьми или даже ни одного, а дети растут с другими родственниками); в) «лад» в отношениях между членами семьи.

«Детные» семьи в выборочной совокупности составили 0,7%.

«Парные» семьи в выборочной совокупности составили 23,0%.

«Тихие» семьи в выборочной совокупности составили 2,4%.

Третий уровень представляют «переходные» («перспективные») семьи, в которых наличествует благополучие по двум составляющим и неблагополучие по одной составляющей (три типа). Это семьи:

1) «детские», в которых а) обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения (трое и более детей); б) не обеспечивается полнота семьи (лишь один супруг с детьми или даже ни одного, а дети растут с другими родственниками); в) «лад» в отношениях между членами семьи;

2) «западные», в которых а) не обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения (рождаемость ниже, чем один ребенок каждые пять лет совместной жизни); б) обеспечивается полнота семьи (имеются оба супруга); в) «лад» в отношениях между членами семьи;

3) «полные», в которых а) обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения (рождаемость); б) обеспечивается полнота семьи (есть оба супруга и дети); в) нет «лада» в отношениях между членами семьи.

«Детские» семьи в выборочной совокупности составили 0,2%

«Западные» семьи в выборочной совокупности составили 30,9%

«Полные» семьи в выборочной совокупности составили 11,4%

И самый высокий, четвертый уровень, представляют семьи с полным набором основных элементов благополучия, то есть: а) обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения (рождаемость не ниже, чем один ребенок каждые пять лет совместной жизни); б) обеспечивается полнота семьи (есть оба супруга и дети); в) «лад» в отношениях между членами семьи. Это социально благополучные («действительные») семьи (СБС). Их доля в выборочной совокупности составила 13,7%.

Предварительное замечание N «1». Исследование по аналогичной методике на Урале уже третье с 1994 года. Первое исследование проведено нами в 1994–96 годах с выборкой 6553 респондента; доля «действительных» семей тогда составила 10,7%. Второе исследование проведено в 1999 году с выборкой 6229 респондентов; доля СБС составила 6,9%. То есть, получается, что с 1996 по 1999 годы мы теряли СБС «один пункт» ежегодно (с 10,7% до 6,9%: четыре «пункта» за четыре года). С 1999 по 2006 годы ежегодно на тот же «один пункт» доля СБС повышается (с 6,9% до 13,7%: семь «пунктов» за семь лет).

Предварительное замечание N «2». Поскольку анкетирование проводилось добровольно и анонимно, некоторые респонденты не ответили

на некоторые вопросы. В результате образовалась группа «неопределенные» семьи - это те, где не получены ответы либо на вопрос о семейных «неполадках», либо на вопрос о количестве детей, либо на вопрос о продолжительности брака, и потому эти семьи не могут быть отнесены к той или иной категории семейного благополучия. Судя по некоторым другим показателям, однако, мы можем сказать, что абсолютное большинство из них принадлежит к категории «проблемных» семей.

В целом, распределение семей по категориям семейного благополучия-неблагополучия в УрФО 2006 года выглядит следующим образом:

Таблица

	Все опрошенные	Категории семей по типам (уровням) благополучия — неблагополучия								
		СБС	Переходные (относительно благополучные)			Неблагополучные			Кризис- ные	Не- опреде- ленные
						Проблемные				
			Пол ные	За- пад- ные	Дет- ские	Пар- ные	Дет- ные	Ти- хие		
Всего опроше- но (N=)	5049	691	578	1559	10	11159	33	122	357	540
% %	100	13,7	11,4	30,9	0,2	23,0	0,7	2,4	7,1	10,7
Детей в семье, чел.	1,7	2,3	2,4	1,4	4,0	1,4	4,0	1,4	1,4	1,3
Размер семьи, чел.	3,5	4,3	4,4	3,4	5,0	3,4	5,0	2,4	2,4	2,5

Итак, доля СБС («действительных» семей) в общем количестве семей в УрФО составила в 2006 году 13,7%; средний размер СБС составил 4,3 человек; размер средней семьи по опросу при этом составил 3,5 человек. Полученные данные позволяют произвести расчет уровня семейного благополучия (УСБ) в Уральском Федеральном округе. Логика подхода следующая.

Наличие у семьи одновременно всех трех качеств («полноты семьи», «семейного лада» и «оптимального воспроизводства») означает, что ее уровень благополучия составляет 100,0 %; присутствие у нее двух качеств и отсутствие одного означает, что этот уровень составляет 66,7 %; присутствие одного из качеств и отсутствие двух означает, что этот уровень составляет 33,3 %; одновременное отсутствие у семьи всех трех качеств («кризисная») означает уровень семейного благополучия 0,0%.

Тогда, например, индекс УСБ на Урале в 2006 году получит следующее значение.

У **СБС** доля в индексе УСБ = $(100,0\% * 13,7\%) / 100\% = 13,7\%$, где:
100,0% — доля качеств семейного благополучия, наличествующих у СБС;

13,7% — доля СБС в составе семей и браков в опросе 2006 года.

Доли в УСБ по остальным группам выглядят следующими:

— **«полные»**: доля в индексе УСБ = $(66,7\% * 11,4\%) / 100\% = 7,6\%$;

— **«западные»**: доля в индексе УСБ = $(66,7\% * 30,9\%) / 100\% = 20,6\%$;

— **«детские»**: доля в индексе УСБ = $(66,7\% * 0,2\%) / 100\% = 0,1\%$;

— **«парные»**: доля в индексе УСБ = $(33,3\% * 23,0\%) / 100\% = 7,7\%$;

— **«детные»**: доля в индексе УСБ = $(33,3\% * 0,7\%) / 100\% = 0,2\%$;

— **«тихие»**: доля в индексе УСБ = $(33,3\% * 2,4\%) / 100\% = 0,8\%$.

Доля в индексе УСБ **кризисных** семей и браков = 0,0%.

Для учета в расчетах УСБ семей «неопределенных» мы будем исходить из того, что они относятся к категории «проблемных» (ранее мы указывали на то, что ряд показателей позволяют сделать такое допущение). И тогда их «вклад» в УСБ составит: $(33,3\% * 10,7\%) / 100\% = 3,6\%$.

Тогда Уровень Семейного Благополучия (индекс УСБ) семей и браков в опросе 2006 года составляет сумма долей в индексе УСБ по группам; эта сумма равна:

$$13,7\% + 7,6\% + 20,6\% + 0,1\% + 7,7\% + 0,2\% + 0,8\% + 0,0\% + 3,6\% = 54,3\%.$$

То есть, Уровень Семейного Благополучия (УСБ) в сфере семей и браков в опросе 2006 года составляет **54,3%** при максимально возможных **100%**. Но это только по «семейно-брачной» сфере. Как ранее было показано, сегодня «семейный» образ жизни ведет только половина населения УрФО, следовательно, действительный уровень семейного благополучия (УСБ) всего населения составляет $54,3\% / 2 = 27,2\%$.

§ 8. Послевоенная история семейного благополучия на Урале

Проведенное исследование позволяет нам «социологически» заглянуть достаточно далеко в эпоху «застоя» и даже за «железный занавес», когда никакими социологическими исследованиями в СССР «даже и не пахло», поскольку в анкетировании 2006 года задавались вопросы не только о собственной семье респондента, но и те же вопросы о семье, в которой рос респондент; о *родительской* семье. Анализируя полученные данные от разных возрастных групп респондентов, мы сможем «проникнуть» в разную отдаленности периоды истории «советских» семейных отношений и оценить степень их благополучия.

Дальше всего «вглубь времен» мы заглянем, изучив ответы об их родительской семье респондентов возрастной группы «старше 50 лет». Значит, эти наши респонденты родились ранее 1956 года. Если учесть, что

большинство детей рожают женщины до 30-летнего возраста, а в войну семьи практически не создавались и не рожали, мы получаем информацию о семьях, создавшихся и рожающих в первое послевоенное десятилетие (1946–1956 годы): это голод, разруха, беспризорность, преступность, продолжение репрессий. Правда, период основной социализации родившихся в это время респондентов приходится уже на следующее десятилетие: 1956–1966 годы (хрущевская «оттепель» и некоторая эйфория от происходящих и ожидаемых перемен). На этот же период приходится и *понимаемые* респондентами отношения в родительской семье; но *помнят* эти респонденты и отношения в их семье в конце 40-х — начале 50-х годов (конец «сталинизма»).

Соответственно, респонденты возрастной группы 41–50 лет дадут нам информацию о *родительских* семьях, создавшихся и рожающих в 1956–1966 годы (хрущевская «оттепель», массовое строительство «хрущёб» и переселение в них из коммуналок и бараков, целина и «комсомольские стройки», 20-летняя Программа построения коммунизма 1961 года). *Понимаемые* респондентами отношения в родительской семье приходится на следующее десятилетие: 1966–1976 годы, но *помнят* эти респонденты и отношения в их семье в конце 50-х — начале 60-х годов.

Респонденты возрастной группы 31–40 лет дадут нам информацию о *родительских* семьях, создавшихся и рожающих в 1966–1976 годы (критика хрущевских реформ и попытки возврата к «старому (сталинскому) «порядку», комсомольские стройки и БАМ).

А вот уже респонденты возрастной группы 18–30 лет дадут нам информацию о *родительских* семьях, создавшихся и рожающих в 1976–1985 годы (пик «застоя»), куда попадает и 1981 год, когда впервые в советской истории началась реализация *внятных* мер государства в его семейной политике. Вот и посмотрим на реальные достигнутые результаты этих мер.

Понятно также, что чем «старее фотография», тем меньше «четкость изображения». Кроме того, на «старинном фотопортрете» обычно представлена, скажем, «несколько приукрашенная» действительность. Да и по ряду других объективных причин данные о том времени будут несколько менее точными, чем данные о семье 2006 года. Такими причинами являются:

1. Меньшие размеры выборочной совокупности каждого периода по сравнению с общей выборочной совокупностью.

2. Каждый рассматриваемый временной период частично накладывается как на предыдущее десятилетие, так и на последующее. Так, респондент может оказаться последним ребенком в семье и помнить только последний период ее бытия. Для возрастной группы старше 50-ти лет это значит, что такая родительская семья была создана до войны, отец вернулся с фронта; или не вернулся, и мать родила для себя... Или респондент —

первый ребенок в этой семье, и тогда помнит преимущественно свое детство и отношения в родительской семье в начале 60-х годов...

3. Не будем также забывать, что Урал послевоенный — это в очень и очень большой части население, эвакуированное в начале войны с европейской территории СССР. Поэтому «старая фотография», которую мы сейчас будем рассматривать, возможно, больше «семейный портрет» всей европейской части Советского Союза, чем только Урала.

И примечание относительно «приукрашенной» действительности. Результаты данного исследования позволят нам определить «степень приукрашивания» респондентами семейных отношений в родительской семье. Дело в том, что категория респондентов «старше 50 лет» одновременно сама представляет собой *родительскую семью* для выборочной совокупности возрастной категории «18–30 лет». Сравнив семейное благополучие выборочной совокупности «старше 50 лет» с оценкой семейного благополучия *родительской семьи* у группы «18–30 лет», мы сможем определить примерную «степень приукрашивания» и рассчитать поправки для определения действительного уровня семейного благополучия как послевоенной семьи, так и последующих временных периодов.

Рассмотрение результатов ответов на вопрос о «семейных неполадках» показывает нам, что «розовый налет» на очках нашего старшего поколения действительно имеет место. Вариант «не было серьезных неполадок» в родительской семье отмечают 60,2 респондентов старше 50 лет. Об отсутствии «серьезных неполадок» в их собственной семье говорят 50,8% респондентов старше 50 лет. А вот их младшие дети (группа 18–30 лет) и их старшие дети (группа 31–40 лет) полагают, что в их родительской семье (т.е., у респондентов старше 50-ти лет) «не было серьезных неполадок» 61,2% и 61,0% соответственно. Размер «приукрашивания» составляет в среднем $(61\% - 51\% =)$ 10 процентных «пунктов». Если же еще учесть, что возраст 31–40 лет есть наиболее адекватный социально и психологически, с хорошей памятью, — и то дает такую погрешность, — то размер и степень «приукрашивания» их «светлого прошлого» у возраста старше 50-ти лет должны быть учтены минимум настолько же.

А это значит, что полученная из анкетирования доля в 27,9% социально благополучных семей в составе родительских семей респондентов старше 50 лет (см. ниже) на самом деле несколько меньше. Мы не будем сейчас отстаивать как несомненный тот или иной размер поправки: мы просто договоримся, что, оперируя данными результатов опроса, мы для себя будем иметь это ввиду.

Таблица

Категории респондентов по возрастным группам	Всего опрошено человек, 100%	Категории семей по типам (уровням) благополучия — неблагополучия								
		СБС	Переходные (относительно благополучные)			Неблагополучные			Кризисные	Неопределенные
						Проблемные				
			Полные	Западные	Детские	Парные	Детские	Тихие		
ОЦЕНКА СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ, %%										
Старшие 50 лет	620	27,9	17,1	20,2	5,3	10,5	6,0	5,8	4,8	2,4
41–50 лет	1361	25,1	15,8	25,6	2,6	14,3	4,3	5,1	5,4	1,9
31–40 лет	1662	19,9	10,6	30,3	2,9	17,7	3,9	7,2	5,6	1,7
18–30 лет	1356	13,6	7,6	38,0	1,5	20,1	3,3	7,7	7,0	1,2
ОЦЕНКА СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СОБСТВЕННОЙ СЕМЬИ, %%										
Старшие 50 лет	620	8,7	6,9	33,5	0,2	24,4	0,3	2,6	7,1	16,3
41–50 лет	1361	8,2	8,7	32,5	0,3	28,7	1,6	2,6	8,2	9,3
31–40 лет	1662	11,1	9,7	36,9	0,2	24,5	0,4	2,6	7,5	7,0
18–30 лет	1356	25,0	18,2	21,4	0,1	14,3	0,1	2,1	5,7	13,1

Данные таблицы означают, что, например, 27,9% респондентов возрастной группы «старше 50 лет» представляют семью, в которой они росли, социально благополучной (СБС); а 4,8% респондентов этой возрастной группы представляют семью, в которой они росли, «кризисной». И т.д.

Соответственно, свою собственную семью лишь 8,7% респондентов возрастной группы «старше 50 лет» представляют социально благополучной (СБС); а 7,1% респондентов этой возрастной группы представляют свою собственную семью «кризисной». И т.д.

Посмотрим соответствующие УСБ.

Таблица

Категории респондентов по возрастным группам	УСБ Уровень семейного благополучия	Категории семей по типам (уровням) благополучия — неблагополучия								
		СБС	Переходные (относительно благополучные)			Неблагополучные			Кризисные	Неопределенные
						Проблемные				
			Полные	Западные	Детские	Парные	Детные	Тихие		
ОЦЕНКА СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ <i>РОДИТЕЛЬСКОЙ</i> СЕМЬИ, %%										
Старшие 50 лет	64,5	27,9	17,1	20,2	5,3	10,5	6,0	5,8	4,8	2,4
41–50 лет	63,0	25,1	15,8	25,6	2,6	14,3	4,3	5,1	5,4	1,9
31–40 лет	59,3	19,9	10,6	30,3	2,9	17,7	3,9	7,2	5,6	1,7
18–30 лет	55,8	13,6	7,6	38,0	1,5	20,1	3,3	7,7	7,0	1,2
ОЦЕНКА СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ <i>СОБСТВЕННОЙ</i> СЕМЬИ, %%										
Старшие 50 лет	50,3	8,7	6,9	33,5	0,2	24,4	0,3	2,6	7,1	16,3
41–50 лет	49,9	8,2	8,7	32,5	0,3	28,7	1,6	2,6	8,2	9,3
31 лет	53,8	11,1	9,7	36,9	0,2	24,5	0,4	2,6	7,5	7,0
18–30 лет	61,3	25,0	18,2	21,4	0,1	14,3	0,1	2,1	5,7	13,1

Если «взять» обоснованную выше поправку на «розовые очки» (особенно по старшим возрастам родительской семьи, где «розовизна» объективно наиболее явна), то по результатам исследования получается, что уровень семейного благополучия на Урале в брачно-семейной сфере (т.е. среди населения, ведущего семейный образ жизни) весь послевоенный период есть величина постоянная и находится в пределах 50–55%. Некоторое выпадание из этой логики возрастной категории 18–30 лет собственной семьи респондента вполне укладывается в эйфорию влюбленности начальной стадии брака.

Правда, этот постоянный УСБ имеет заметные тенденции изменения структуры внутри самого семейного благополучия. Из таблицы очень хорошо видно, как всю послевоенную советскую историю снижается доля СБС и растет доля «западных» семей (ровно вдвое там и там за период с 1946 по 1985 годы): СБС в 1946–55 гг. было 27,9%; в 1976–85 гг. стало 13,6%. И наоборот, «западных» в 1946–55 гг. было 20,2%; в 1976–85 гг. стало 38,0%.

Аналогично тоже очень хорошо заметно, как весьма равномерно снижается доля «полных» семей и растет доля «парных». То есть, при яв-

ном падении рождаемости постоянный уровень семейного благополучия поддерживается за счет улучшения внутрисемейных отношений. Но с учетом того, что доля населения, ведущего «несемейный» образ жизни объективно возрастает — и, соответственно, снижается доля населения «семейного» образа жизни, — УСБ населения УрФО, безусловно, снижается. Насколько и какими темпами — изучение в принципе возможно из скрупулезного анализа советской демографической статистики, но в цели данного исследования решение этой задачи не входило.

Итак, из полученных данных видно, как в послевоенный период нашей истории сокращается доля многодетных семей и растет доля малодетных. Посмотрим следующую таблицу.

Таблица

КАТЕГОРИИ РЕСПОНДЕНТОВ ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ	Всего детей в семье, человек	Категории семей по типам (уровням) благополучия — неблагополучия								
		СБС	Переходные (от- носительно бла- гополучные)			Неблагополучные			Кри- зис- ные	Неопре- деле- нные
						Проблемные				
			Пол- ные	Запад- пад- ные	Дет- ские	Пар- ные	Дет- ные	Тихие		
КОЛИЧЕСТВО ДЕТЕЙ В РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ, ЧЕЛОВЕК										
1946–1955	3,2	4,3	4,3	1,8	4,2	1,8	4,2	1,5	1,6	3,8
1956–1965	2,8	3,9	4,0	1,8	4,3	1,8	4,0	1,5	1,7	3,3
1966–1975	2,6	4,0	3,9	1,9	4,1	1,8	3,9	1,6	1,7	2,9
1976–1985	2,3	3,6	3,7	1,9	3,5	1,8	3,9	1,7	1,7	1,7
КОЛИЧЕСТВО ДЕТЕЙ В СОБСТВЕННОЙ СЕМЬЕ РЕСПОНДЕНТА, ЧЕЛОВЕК										
Старше 50 лет	2,0	3,8	3,7	1,6	4,0	1,5	4,0	1,6	1,6	1,8
41–50 лет	2,0	3,5	3,5	1,6	4,0	1,7	4,0	1,5	1,5	1,7
31–40 лет	1,7	2,5	2,5	1,5	4,0	1,5	4,0	1,4	1,4	1,5
18–30 лет	1,1	1,5	1,5	0,7	4,0	0,7	4,0	1,1	1,2	0,5

В течение всего социологически реконструированного исторического периода равномерно и неуклонно падает рождаемость в уральской семье: средний темп сокращения рождаемости 0,3 ребенка в среднем на семью в каждое послевоенное десятилетие. *За исключением одного промежутка:* хорошо видно, как меры по поддержке семьи 1981 года (тем, кому в 2006 году 41–50 лет, в 1981-м было в среднем 20 лет: возраст «самый тот») стабилизировали ситуацию на уровне двух детей на семью (!!!). Но не более чем стабилизировали; и только на несколько лет; и уже с опозданием, поскольку даже 2,3 детей в семье (1976–1985) — это уже депопуляция в условиях, когда почти половина населения ведет «несемейный» образ жизни.

Рождаемость продолжала падать: те, кому сегодня 31–40 лет (а большинство наших респондентов — женщины) уже не будут больше рожать (в тех редких случаях, когда это сегодня происходит, это исключения, а не правило): они остановились на цифре 1,7 ребенка на семью. Тенденция на начало 2006 года такова, что сегодняшние «18–30 лет» остановятся к концу репродуктивного срока на цифре «1,3» ребенка на семью. При этом есть все основания полагать, что одновременно растет доля граждан, ведущих «несемейный» образ жизни, от которых в смысле «воспроизводства населения» ждать тоже особенно нечего.

Правда, некоторые современные данные говорят о некотором «оживлении» в направлении повышения рождаемости и, возможно, вышеуказанный прогноз не подтвердится. Хорошо бы...

Но есть три категории семей, в которых количество детей в исследуемый период не просто не уменьшалось, но даже росло, хотя и очень незначительно. Это «западные», «тихие» и «кризисные». Напомним, что «западная» — это где оба родителя, «семейный лад» и мало детей; «тихая» — мама с 1–2-мя детьми «в ладу», но без мужа; кризисная — мама с 1–2-мя детьми «в разладе» и без мужа.

Таблица

<i>Период образования семьи</i>	Тип семьи и количество в ней детей		
	«западная»	«тихая»	кризисная
<i>1946–1955 годы</i>	1,8	1,5	1,6
<i>1956–1965</i>	1,8	1,5	1,7
<i>1966–1975</i>	1,9	1,6	1,7
<i>1976–1985 годы</i>	1,9	1,7	1,7

Как тут не вспомнить опять нашего уже цитированного американского коллегу 25-летней давности А. Карлсона с его «родившие детей вне брака наслаждались субсидиями, в то время как «нормальные» семьи изнывали под налоговым гнетом»?

К разводу, как известно, ведут «семейные неполадки». Следующим образом выглядят основные причины неполадок в родительской семье.

Таблица

<i>Причины неполадок в родительской семье</i>	Все опрошенные	Период образования родительской семьи			
		1946–55	1956–65	1966–75	1976–85
Всего опрошено	5049	620	1361	1662	1356
% %	100	12,3	27,0	32,9	26,9
Пьянство	12,6	8,5	13,1	13,8	12,8
Низкий уровень жизни	10,7	15,5	11,7	9,0	9,5
Конфликты родителей с Вами	4,0	1,1	2,9	3,7	6,8

Неверность отца	3,7	3,9	3,9	2,9	4,5
Ревность отца	2,6	2,7	3,2	2,5	2,2
Конфликты с родственниками	2,4	1,3	1,4	2,4	4,1
Насилие (физическое или психическое)	2,0	1,8	2,2	2,2	1,6
Низкий уровень культуры	1,8	2,6	1,8	2,0	1,1
Неверность матери	0,5	0,5	0,7	0,4	0,4
Ревность матери	0,4	0,5	0,6	0,4	0,4
Другие причины	4,1	4,4	4,0	4,3	3,9
Серьезных «неполадок» не было	60,1	60,2	59,1	61,0	61,2
Не ответили	7,1	8,5	7,6	6,6	5,3

Примечание: 50 человек не ответили на вопрос.

Пьянство мужа в советской семье всегда считалось главной причиной семейных проблем. И показатель этот остается стабильно высоким и практически на одном уровне весь период. С пьяницами всегда у нас пытались бороться, но, как видим, всегда безуспешно: «гидра» пьянства и сегодня остается непобежденной.

Хотя и на втором месте, но практически на том же уровне негативного влияния — низкий уровень жизни. Довольно быстрыми темпами нарастает конфликтность между поколениями (третье место): сразу после войны родителей еще «немного слушались», но потом «совсем распустились»...

Неверность отца остается стабильной причиной проблем в каждый временной период в одинаковой степени. «Сколько мужа ни корми — он в ресторан смотрит» — эта «женская народная советская поговорка»: советский ресторан, как известно, являлся основным местом для быстрого зазывания и реализации такого рода отношений.

Из других показателей интересными являются «конфликты с родственниками» тем, что они также нарастают по мере «строительства социализма»; и «насилие (физическое или психическое)» — тем, что ему сегодня уделяется очень много внимания в разных дискуссиях.

Аналогичная картина по собственной семье респондента выглядит следующим образом.

Таблица

Причины неполадок в собственной семье респондента	Все опро- шенные	Возраст респондента			
		Более 50	41–50	31–40	18–30
Всего опрошено	5049	620	1361	1662	1356
% %	100	12,3	27,0	32,9	26,9
Низкий уровень жизни	19,6	14,4	23,9	20,2	17,0
Пьянство супруга(ги)	9,5	12,1	12,1	9,1	6,6
Ревность супруга(ги)	3,9	2,1	3,9	3,4	5,5
Вмешательство родителей	3,8	1,0	1,2	3,4	8,1
Неверность супруга(ги)	2,7	1,9	2,9	2,8	2,6

Нет взаимопонимания с детьми	2,6	3,1	4,1	2,6	0,7
Низкий уровень развития супруга(ги)	2,2	2,4	2,6	1,9	1,8
Сексуальная неудовлетворенность	2,0	1,9	2,2	2,0	1,9
Насилие (физическое или психическое)	1,5	0,5	1,3	2,0	1,5
Наркотическая зависимость	0,2	0,0	0,1	0,2	0,4
Другие причины	7,7	6,5	7,0	7,8	9,1
У нас нет серьезных «неполадок»	51,7	50,8	46,3	53,5	56,4
Не ответили	7,3	10,2	6,7	7,2	5,6

На момент исследования главной проблемой современных семейных отношений называется низкий уровень жизни. Но вот на семейную жизнь старшего поколения эта проблема оказывает меньшее негативное влияние, чем по остальным трем возрастным группам. А среди них «вес» данного фактора понижается по мере уменьшения возраста респондента, что является весьма и весьма позитивным моментом.

Похожая ситуация и с пьянством. Если в советский период уровень пьянства держался стабильно несколько десятилетий и сохранился таким же в собственных семьях респондентов старше 50-ти лет и 41–50 лет, то далее он снижается и весьма существенно: с 12,1% до 6,6%. Неужели мы начинаем выздоравливать? Или уровень пьянства растет по мере роста продолжительности семейной жизни? Или уровень пьянства просто растет с возрастом по мере накопления жизненных проблем и нереализованных ожиданий? Или в современной семье перестали считать пьянство таким уж пороком? Или наши девушки и женщины, обретая материальную независимость, просто перестали «водиться» с пьяницами, и те пьянствуют «не-семейными»? Или все вышеизложенное в разной (какой?) мере?

Весьма неожиданно на третьем месте оказывается ревность. Она увеличивается в возрасте 18–30 лет и 41–50 лет и снижается в возрасте старше 50 лет и 31–40 лет.

На четвертом месте — «вмешательство родителей». Этот фактор остается на том же уровне, что и в родительской семье, и активно наращивает свое негативное влияние по мере уменьшения возраста респондента.

Из других показателей особенно интересными являются «насилие (физическое или психическое)» — тем, что ему сегодня уделяется очень много внимания, а его уровень остается тем же, что и был в родительской семье; и «наркотическая зависимость» — тем, что позволяет уточнить уровень наркотизации населения на Урале.

Наркотическая зависимость отмечается в 0,2% семей; это значит, в двух на каждую тысячу семей. Средний размер семьи в УрФО — 3,5 человека. Если в такой семье один наркотически зависимый член семьи, то мы получаем двух наркоманов на каждые три с половиной тысячи жителей. Раз это называется причиной неполадок, значит, продолжительными

усилиями семьи наркотическую зависимость ее члена преодолеть не удастся: и значит, речь идет о наркоманах уже «со стажем».

Численность населения УрФО составляет около 12 млн. чел.; тогда количество наркотически зависимых граждан «со стажем» в округе составляет *минимум* ($12000000 / 3500 * 2 =$) 6857 человек. А «минимум» потому, что далеко не каждый респондент в анкете будет признаваться, что в семье наркоман.

И это при условии, если все население округа считать ведущим семейный образ жизни. Между тем, такой образ жизни ведет (по данным других наших исследований) только половина населения. А известно, что среди ведущих «несемейный» образ жизни пьянство и наркомания заметно выше... Кроме того, здесь нет тех, кто еще не обнаружен семьей как наркотически зависимый. И, опять же, здесь нет «маргиналов», где, как известно, тоже доля наркоманов заметно выше. Поэтому заметим специально еще раз: 6857 «наркоманов со стажем» в УрФО в 2006 году — это, скажем так, «железно гарантированный» минимум!

Итак, в уральской семье независимо от социальных и экономических условий в течение всего послевоенного периода складываются весьма устойчивые пропорции внутрисемейных отношений: а) 45–50 процентов — супруги, живущие «в ладу»; б) 30–35 процентов — супруги, живущие в «разладе», но, тем не менее, не разводящиеся; в) 15–20 процентов — матери разведенные или с детьми вне брака; г) 1–2 процента — отцы с детьми без матерей, дети без родителей с другими родственниками. Поэтому попытки что-либо значительно исправить в уже сложившихся пропорциях, вероятнее всего, обречены на неудачу. Кроме того, стабильность пропорций однозначно указывает на очень большую вероятность действительного существования механизма социального наследования «атмосферы внутрисемейных отношений».

Количество детей в семье тоже имеет свои устойчивые показатели и тенденции: уменьшение на 0,3 человека каждое послевоенное десятилетие — за исключением периода 1981–85 годов, когда это снижение временно прекратилось. Пока получается так, что на советском и современном этапах развития уральской семьи в диалектике материальных, моральных и духовных оснований принятия семьей решений о количестве детей верх одерживают установки личного материального благополучия и личного карьерного успеха, которым дети на современном этапе развития нашего общества препятствуют.

§ 9. Социальное наследование семейного благополучия

Тезис «социального наследования семейных отношений» является известным и бесспорным положением фамилистики. Но если бы он был верен «на все сто», мы не имели бы сегодня столь бедственного положения «цивилизованной семьи». То есть, социальное наследование имеет свои

ограничения, налагаемые на условия семейного бытия множественными изменениями-порождениями «социального прогресса» и «развития цивилизации».

Что и в какой мере «социально наследуется» в отношениях современной уральской семьи, и является предметом анализа в представленном материале.

Данные таблицы «С кем Вы росли?» позволяют рассмотреть влияние состава родительской семьи респондента на состав его собственной семьи.

Таблица

С КЕМ ВЫ РОСЛИ?	Все опрошенные	Категории семей по типам (уровням) благополучия — неблагополучия								
		СБС	Переходные (относительно благополучные)			Неблагополучные			Кри- зис- ные	Не- опре- делен- ные
						Проблемные				
			Пол- ные	За- пад- ные	Дет- ские	Пар- ные	Дет- ные	Ти- хие		
Всего опрошено	5049	691	578	1559	10	1159	33	122	357	540
% %	100	13,7	11,4	30,9	0,2	23,0	0,7	2,4	7,1	10,7
— С отцом и матерью	79,4	82,8	73,0	83,2	80,0	79,5	63,6	79,5	75,4	74,1
— С матерью	15,7	14,2	19,4	12,6	20,0	15,7	33,3	15,6	18,5	19,3
— Другое	4,1	3,0	6,6	3,8	0,0	3,5	6,1	4,9	5,9	3,5
— Не ответили	1,2	0,3	1,2	0,6	0,0	1,4	0,0	1,6	1,4	3,5

(Примечание: Превышение 100% в некоторых столбцах означает ситуацию, когда респондент дает два ответа на вопрос: например, сначала он рос с отцом и матерью, а затем — с одной матерью.)

Из данных таблицы видно, в какой мере подтверждается социальное наследование сохранности супружества: из семей, имеющих сегодня обоих супругов, наиболее благополучные СБС и «западные» имеют в своем составе выше долю респондентов, выросших в семье с отцом и матерью. В составе неблагополучных полных, детных и кризисных семей заметно выше доля тех, кто рос с одной матерью или в других условиях (с другими родственниками или сироты), и ниже доля тех, кто рос в семье с обоими родителями.

Данные таблицы «Отношения в семье, в которой Вы росли?» позволяют рассмотреть влияние психологических параметров отношений родительской семьи респондента на отношения в его собственной семье.

Таблица

КАКИМИ БЫЛИ ОТНОШЕНИ Я В СЕМЬЕ, ГДЕ ВЫ РОСЛИ?	Все опрошенные	Категории семей по типам (уровням) благополучия — неблагополучия								
		СБС	Переходные (относи- тельно благополуч- ные)			Неблагополучные			Кри- зис- ные	Не- опре- де- ленны е
						Проблемные				
			Пол- ные	Запад- ные	Дет- ские	Парные	Детные	Тихие		
Всего опрошено	5049	691	578	1559	10	1159	33	122	357	540
%%	100	13,7	11,4	30,9	0,2	23,0	0,7	2,4	7,1	10,7
— «Теплые»	68,7	75,0	58,1	77,0	60,0	63,4	51,5	73,0	59,4	65,7
— «Прохлад- ные»	6,8	4,1	11,2	4,2	10,0	8,5	12,1	7,4	9,8	7,0
— Конфликт- ные	7,8	5,8	11,4	5,7	10,0	9,7	9,1	6,6	11,8	5,9
— Затрудняюсь ответить	15,1	14,3	18,3	12,3	20,0	16,2	24,2	12,3	17,9	16,1
— Не ответили	2,0	1,0	1,2	1,1	0,0	2,6	3,0	1,6	1,7	5,4

По параметру «семейного лада» социальное наследование семейного благополучия подтверждается уже в большей мере: СБС, «западные» и «тихие» семьи, где заметно выше доля тех, кто имели в родительской семье «теплые» отношения, и сегодня в своих семьях имеют такие отношения. Неблагополучные полные, парные и «кризисные» семьи заметно чаще имели в родительской семье «прохладные» и «конфликтные» отношения, и реже — отношения «теплые».

Данные таблицы «СКОЛЬКО ВАС БЫЛО В СЕМЬЕ РОДНЫХ БРАТЬЕВ И СЕСТЕР?» позволяют рассмотреть, насколько наличие и количество родных братьев и сестер респондента повлияло на количество детей в его собственной семье.

Таблица

СКОЛЬКО ВАС БЫЛО В СЕМЬЕ РОДНЫХ БРАТЬЕВ И СЕСТЕР?	Все опрошенные	Категории семей по типам (уровням) благополучия — неблагополучия								
		СБС	Переходные (от- носительно благо- получные)			Неблагополучные			Кри- зис- ные	Неопре- деле- нен- ные
						Проблемные				
			Пол- ные	Запад- пад- ные	Дет- ские	Пар- ные	Дет- ные	Тихие		
Всего опрошено	5049	691	578	1559	10	1159	33	122	357	540
% %	100	13,7	11,4	30,9	0,2	23,0	0,7	2,4	7,1	10,7
— Вы один	12,2	11,0	11,8	11,7	10,0	11,0	9,1	14,8	18,5	13,7
— Двое	46,9	49,9	45,0	48,7	30,0	45,6	36,4	45,9	46,5	44,1

СКОЛЬКО ВАС БЫЛО В СЕМЬЕ РОДНЫХ БРАТЬЕВ И СЕСТЕР?	Все опрошенные	Категории семей по типам (уровням) благополучия — неблагополучия								
		СБС	Переходные (от- носительно благо- получные)			Неблагополучные			Кри- зис- ные	Неопре- делен- ные
						Проблемные				
			Пол- ные	Запад- пад- ные	Дет- ские	Пар- ные	Дет- ные	Тихие		
— Трое	20,8	20,1	22,7	20,9	20,0	21,2	12,1	23,0	19,0	19,6
— Четверо и больше	19,2	19,0	19,9	18,2	40,0	21,1	42,4	14,8	15,1	19,6
– Не ответили	1,0	0,1	1,2	0,6	0,0	1,1	0,0	1,6	0,8	3,0
Детей было, человек	2,7	2,7	2,7	2,6	3,3	2,7	3,3	2,5	2,5	2,7
Детей сейчас, чел.	1,7	2,3	2,4	1,4	3,2	1,4	3,2	1,4	1,4	1,3
Планируют рождение %	5,2	8,5	1,7	7,1	0,0	2,8	3,0	2,5	0,3	8,5

Довольно неоднозначны данные таблицы. Они, во-первых, говорят о том, что в целом количество детей, которое было в родительской семье, на сегодняшний уровень рождаемости в семьях этих детей в среднем не влияет. Одно и то же число детей (2,6–2,7 человек) было в родительской семье 99-ти процентов респондентов со всеми типами их (респондентов) семейного благополучия (с очень небольшим исключением — 1%, о нем особо). Мало того, по всем типам семей доли родительских семей с разным количеством детей также практически одинаковы: 10–12% — один ребенок; 46–48% — двое детей; 20–21% — трое; 18–20% — четверо и больше. Получается, что по параметру «количество детей в родительской семье» социальное наследование семейного благополучия (тезис: «кто вырос в многодетной семье, тот и в своей семье имеет больше детей») в среднем по опросу не подтверждается.

С другой стороны, «детские» и «детные» (одна мать с тремя и более детьми; при этом первые ладят между собой, а вторые — нет: вместе они составляют, правда, всего один процент выборочной совокупности) гораздо чаще — выходцы из семьи, где была одна многодетная мать! То есть, здесь хорошо видно, как женщины, которые росли с одинокой многодетной мамой, становятся такими же одинокими многодетными мамами: вот здесь, как раз, социальное наследование явно подтверждается.

Убедительное косвенное подтверждение данного положения состоит также и в том, что в группе «неопределенных» семей (а это каждая десятая) мамы без мужа составляют 65%, и собираются рожать в этой группе те же 8,5%, как и в СБС.

Есть тут, однако, одна «маленькая» немудрящая «закавыка». Дело в том, что родительская семья (семья, в которой вырос респондент) уже точно рожать больше не будет, и поэтому полученные данные о количестве в ней детей абсолютны. Семья же респондента (большинство) рожать еще может и даже (как видно из таблицы) иногда будет; и неизвестно еще, кто сколько родит; и потому делать окончательные выводы о «наследовании-ненаследовании» рождаемости было бы некорректно.

Но мы имеем возможность посредством специального анализа получить-таки достаточно точную информацию о «наследовании-ненаследовании» размеров рождаемости. Ведь в составе респондентов есть те, кто рожать уже не будет, скажем, по возрасту. Поэтому рассмотрение количества детей, например, в возрастной группе «41–50 лет» в сравнении с количеством детей в семье, в которой они росли (их родительской семье) покажет нам действительную картину социального наследования по данному пункту.

Таблица

КОЛИЧЕСТВО ДЕТЕЙ В СОБСТВЕННОЙ СЕМЬЕ РЕСПОНДЕНТА ВОЗРАСТНАЯ ГРУППА 41–50 ЛЕТ	Все опрошенные	Категории родительской семьи по типам (уровням) благополучия — неблагополучия								
		СБС	Переходные (отно- сительно благопо- лучные)			Неблагополучные			Кри- зис- ные	Не- опре- де- лен- ные
						Проблемные				
			Пол- ные	Запад- пад- ные	Дет- ские	Пар- ные	Дет- ные	Тихие		
Всего опрошено	1361	342	215	348	35	195	58	69	73	26
% %	100	25,1	15,8	25,6	2,6	14,3	4,3	5,1	5,4	1,9
— Один	25,1	21,6	22,8	27,9	17,1	30,8	22,4	26,1	26,0	23,1
— Двое	53,7	52,6	50,7	57,5	51,4	53,8	44,8	58,0	53,4	53,8
— Трое и больше	16,5	20,8	23,3	8,9	28,6	10,8	29,3	10,1	15,1	23,1
— Нет детей	3,7	4,4	2,8	4,0	0,0	3,6	3,4	4,3	4,1	0,0
— Не ответили	1,0	0,6	0,5	1,7	2,9	1,0	0,0	1,4	1,4	0,0
В среднем детей	2,0	2,1	2,2	1,8	2,4	1,8	2,3	1,9	2,0	2,2

В «шапке» данной таблицы — семейное благополучие *родительской* семьи. То есть, это распределение по категориям благополучия-неблагополучия родительской семьи на основе информации о ней от респондентов возраста 41–50 лет, в ней выросших.

Данные таблицы говорят о том, что социальное наследование рождаемости имеет-таки место. У респондентов возраста 41–50 лет, «произшедших» из многодетных (трое и более детей) родительских семей (напомним, что это семьи СБС, «полные», «детские» и «детные»), детей заметно больше, чем у респондентов из малодетных (один или двое детей) родительских семей.

Данные таблицы «ОТЧЕГО БЫЛИ «НЕЛАДЫ» В СЕМЬЕ, В КОТОРОЙ ВЫ РОСЛИ?» позволяют рассмотреть, насколько наличие тех или иных неполадок в родительской семье повлияло на отношения в его собственной семье.

Таблица

ОТЧЕГО БЫЛИ «НЕЛАДЫ» В СЕМЬЕ, В КОТОРОЙ ВЫ РОСЛИ?	Все опрошенные	Категории семей по типам (уровням) благополучия- неблагополучия								
		СБС	Переходные (отно- сительно благопо- лучные)			Неблагополучные			Не- опре- делен- ные	
						Проблемные				
			Пол- ные	Запад- пад- ные	Дет- ские	Пар- ные	Дет- ные	Тихие		Кри- зис- ные
Всего опрошено	5049	691	578	1559	10	1159	33	122	357	540
% %	100	13,7	11,4	30,9	0,2	23,0	0,7	2,4	7,1	10,7
– Низкий уровень жизни	10,7	5,4	18,7	6,0	10,0	16,0	18,2	4,1	13,4	10,6
– Пьянство	12,6	10,6	19,7	8,7	10,0	15,4	21,2	10,7	14,8	11,9
– Серьезных «неполадок» не было	60,1	71,9	42,6	76,1	60,0	45,0	33,3	73,0	48,5	55,9
КАКОВЫ ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ «НЕПОЛАДОК» В ВАШЕЙ СЕМЬЕ?										
– Низкий уровень жизни	19,6	1,7	45,0	1,5	0,0	41,2	42,4	2,5	29,1	17,6
– Пьянство супруга(ги)	9,5	0,4	14,7	0,3	0,0	22,0	18,2	0,0	19,0	11,3
– У нас нет серьезных «неполадок»	51,7	100,0	0,0	100,0	100,0	0,0	0,0	100,0	0,0	42,4

В составе СБС и близких к ним «западных» (а также «тихих») семьях наиболее высока доля родительских семей, в которых не было серьезных «неполадок». И наоборот: где были «нелады» в родительской семье, там они и воспроизводятся в детях.

В итоге получается, что сегодня в уральской семье из трех основных составляющих семейного благополучия: в несколько большей мере «социально наследуются» уровень рождаемости и качество внутрисемейных межличностных отношений; в несколько меньшей мере, но тоже «социально наследуется», — сохранность супружества.

Сегодня семейная политика ориентирована на «семью вообще». Приведенные результаты показывают, что в этом случае ее (семейной политики) меры работают как в «плюс», так и в «минус» (например, когда в погоне за социальными пособиями наращивают рождаемость «проблемные» группы семей). Поэтому гораздо более социально эффективной будет инновационная семейная политика, направленная на прямое стимулирование рождаемости в социально благополучной семье (СБС)

Глава 4. ФАКТОРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

§ 10. Иерархия факторов семейного благополучия

Теперь для разработки и обоснования мероприятий управления процессами семейного благополучия есть возможность сформировать данные о том, какие факторы и параметры семейного бытия с наибольшим эффектом «работают» на семейное благополучие. Известным методическим приемом для решения такого рода задач является сравнение значений основных параметров определенного и выявленного реально существующего «идеального объекта» (структуры и отношений между его основными элементами, которые необходимо сформировать) с аналогичными параметрами «координируемого объекта» (структурой и отношениями, которые необходимо изменить в нужной мере и в нужном направлении). Чем больше разница значений какого-либо из таких параметров у «идеального» и «координируемого» объектов, тем большим является влияние данного фактора (положительное или отрицательное) на соответствующий «процесс координации».

В нашем случае «идеальным объектом» и желаемым отношением является «действительная» («социально благополучная») семья (ДС), структура и отношения которой имеют одновременно (повторимся) следующие необходимые и достаточные параметры: наличие обоих супругов, семейный лад и социально необходимое количество детей. Поэтому за «1,0» будут приниматься значения показателей, отражающие характеристики ДС: таких семей, как мы помним, в нашей выборке N=691, или 13,7%.

В качестве «координируемого» объекта представляется «парная» семья (ПС) как представительная совокупность (N=1159, или 23,0%) весьма неблагополучных семей (вспомним ее параметры: супруги живут вместе, но не ладят и детей не рожают — или рожают мало); ведь именно с отсутствия семейного лада начинаются или углубляются все остальные семейные проблемы: пьянство, измены, насилие, разводы и все остальные их негативные социальные и демографические последствия.

Разница в показателях «условий бытия» ДС и ПС показывает степень и направление (положительное или отрицательное) влияния того или иного фактора на семейное благополучие. Чем больше значение показателя у ДС по сравнению с соответствующим значением показателя ПС, тем, значит, выше степень («интенсивность») положительного влияния соответствующего фактора на семейное благополучие. И наоборот: чем меньше те или иные параметры бытия ДС («действительной» семьи) в сравнении с аналогичными параметрами у ПС («парной» семьи), тем более интенсивно негативное влияние данного условия (фактора) на семейное благополучие.

Однако результат «прямого» расчета был бы здесь не совсем корректен: например, разница в 10% получается как при значениях показателя 5,0% и 15,0%, так и при значениях 45,0% и 55,0%; между тем понятно, что в первом случае (5,0% и 15,0%) степень влияния фактора намного выше, чем во втором.

Поэтому «интенсивность влияния» (ИВ) фактора определяется следующим образом. Например, показатель «питаются досыта и вкусно» у ПС составил 24,9%; у ДС — 45,6%. Первым действием находится соотношение данных ПС и ДС.

$$24,9 / 45,6 = 0,544$$

Вторым действием рассчитывается собственно «ИВ», которая представляет собой разницу (разность) между «идеалом» и «реальностью».

$$1,0 - 0,544 = 0,456$$

Умноженное на 100% полученное положительное значение 45,6% ИВ говорит о том, что отношение (параметр) «питание досыта и вкусно» является фактором, положительно влияющим на рост семейного благополучия; а «интенсивность» указанного положительного влияния составляет 45,6%. Рассчитывая подобным образом все остальные показатели, мы получаем рейтинг интенсивности влияния различных условий бытия на семейное благополучие.

Однако, как известно, в практике опросов достаточно часто бывает, что какой-либо из вариантов ответов в какой-то выборочной совокупности оказывается не отмеченным ни разу: это, соответственно, дает значение показателя 0,0%. В этом случае исчисление по вышеуказанной методике становится либо а) невозможным (на «0» делить нельзя); либо б) необъективным: даже при небольших значениях данного показателя в оппозиционной категории интенсивность влияния показателя приближается к 100% без достаточных на то оснований.

Для исключения подобных ситуаций в процессе (формуле) расчета к каждому из исходных значений показателя автоматически прибавляется по 1,0%, что позволяет, не влияя практически на результаты, основанные на представительных объемах, «смягчить» результаты, основанные на нулевых и близких к ним исходных данных значений показателя.

И тогда, например, ИВ показателя «п=итание досыта и вкусно» составит

$$100,0\% * [1,0 - (24,9 + 1,0) / (45,6 + 1,0)] = 44,4\%.$$

Всего (из числа заложенных в методику исследования) факторов влияния по результатам соответствующего расчета получилось 200; в том числе факторов положительного влияния — 89; негативного влияния — 108; нейтральных (ИВ = 0,0%) — 3 фактора. Рейтинг по интенсивности влияния (ИВ) наиболее влиятельных положительных составляющих семейного благополучия выглядит следующим образом.

Таблица

Наиболее «интенсивные» положительные факторы семейного благополучия в диспозиции «семья действительная — семья парная»

Рейтинг	Параметры и показатели	ДС %%	ПС %%	ИВ % %
	Выборочная совокупность, человек	691	1159	
	Доля в составе всех опрошенных (N=5049), %%	13,7	23,0	
1.	— 1–5 лет ПРОЖИЛИ ВМЕСТЕ	49,2	6,4	85,3
2.	— 18–30 лет ВОЗРАСТ	49,1	16,7	64,7
3.	— Ведет домашнее хозяйство Жена	10,6	3,5	61,2
4.	— Здоров(а) ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ	43,6	19,7	53,6
5.	— Особо не опасаюсь о «ЗАВТРАШНЕМ» ДНЕ	43,3	19,7	53,3
6.	— Студент(ка) Жена	2,9	0,9	51,3
7.	— Руководитель, бизнесмен Муж	8,2	3,5	51,1
8.	— С родителями мужа ВЫ ЖИВЕТЕ	5,1	2,3	45,9
9.	— Досыта и вкусно ПИТАНИЕ	45,6	24,9	44,4
10.	— Доволен сделанным за день В КОНЦЕ ДНЯ	37,5	20,4	44,4
11.	— Служащий предприятия, фирмы Муж	15,2	8,0	44,4
12.	— Безработный Жена	4,3	2,0	43,4
13.	— Второй РАЗ В БРАКЕ	20,7	11,6	41,9
14.	— Более 15000 руб. МЕСЯЧНЫЙ ДОХОД НА ЧЛЕНА СЕМЬИ	2,3	1,0	39,4
15.	— 5% и меньше БЮДЖЕТА ИДЕТ НА Жилье	16,2	9,8	37,2
16.	— Серьезных «неполадок» не было В СЕМЬЕ, ГДЕ РОСЛИ	71,9	45,0	36,9
17.	— Третий и более РАЗ В БРАКЕ	2,6	1,3	36,1
18.	— Муж ИСТОЧНИК ДОХОДОВ СЕМЕЙНОГО БЮДЖЕТА	59,2	37,9	35,4
19.	— Вместе РАСПРЕДЕЛЯЮТ СЕМЕЙНЫЙ БЮДЖЕТ	58,0	38,0	33,9
20.	— 10000–15000 МЕСЯЧНЫЙ ДОХОД НА ЧЛЕНА СЕМЬИ	3,8	2,2	33,3

Первое, что сразу «бросается в глаза» — это тот факт, что высокая материальная обеспеченность — совсем не самый важный фактор семей-

ного благополучия. *Прямой* факт такой высокой материальной обеспеченности (более 15000 руб. **МЕСЯЧНЫЙ ДОХОД НА ЧЛЕНА СЕМЬИ**) оказывается лишь на 14-ом месте. Наиболее же «интенсивными» факторами семейного благополучия предстали факторы «интимной физиологии», отраженные в начальном периоде совместной жизни, молодом возрасте и «свежем брачном партнере», которые формируют то, что называется «влюбленность».

Весомую группу составили отношения, которые мы определим как «традиционная семейственность»: это, во-первых, самостоятельный муж-«кормилец», обеспечивающей семье «достойный» семейный бюджет; во-вторых, неработающая жена, обеспечивающая поддержание «семейного очага»; в третьих, социальное наследование семейного благополучия.

Свой заметный вклад в дело укрепления семьи вносят и хорошее здоровье, и социальные гарантии и (что есть, то есть) своевременная замена неудачного брачного партнера на удачного.

Обратим внимание также и на тот факт, что **высокий** уровень «метража жилплощади» (в анкете, в частности, «заложены» варианты как не-большого «метража», так и 15–17 м/кв., 18–20, 21–23, 24–26 и более 26 м/кв. на члена семьи) **вообще отсутствует** в составе положительно влияющих факторов. Зато здесь присутствуют показатели «метража» «до 6 м/кв.» (27-ое место, ИВ 27,3 %); «9–11 м/кв.» (44-ое место, ИВ 20,3 %)... «С милым рай и в шалаше»?

Основные факторы негативного влияния на семейное благополучие выглядят так.

Таблица

Наиболее «интенсивные» факторы семейного неблагополучия в диспозиции «семья действительная — семья парная»

Рейтинг	Параметры и показатели	ДС %%	ПС %%	ИВ %%
	Выборочная совокупность, человек	691	1159	
	Доля в составе всех опрошенных (N=5049), %%	13,7	23,0	
1.	— пьянство супруга(ги)	0,4	22,0	93,9
2.	— низкий уровень жизни	1,7	41,2	93,6
3.	— сексуальная неудовлетворенность	0,0	4,3	81,1
4.	— неверность супруга(ги)	0,0	4,1	80,4
5.	— нет взаимопонимания с детьми	0,3	5,5	80,0
6.	— низкий уровень развития супруга(ги)	0,1	4,3	79,2
7.	— ревность супруга(ги)	1,4	8,5	74,7
8.	— 11–15 лет прожили вместе	5,8	22,3	70,8

9.	— вмешательство родителей	1,0	5,6	69,7
10.	— насилие (физическое или психическое)	0,0	2,3	69,7
11.	— 16–25- лет прожили вместе	12,0	35,4	64,3
12.	— низкий уровень жизни был в семье, где росли	5,4	16,0	62,4
13.	— жена источник доходов семейного бюджета	9,3	25,9	61,7
14.	— безработный муж	2,0	6,5	60,0
15.	— не досыта питание	5,8	15,8	59,5
16.	— откровенно боюсь о «завтрашнем» дне	6,4	17,2	59,3
17.	— «половина имеет внебрачные приключения»	4,6	12,6	58,8
18.	— наконец-то этот кошмар закончился! в конце дня	3,5	9,7	57,9
19.	— 41–50 лет возраст	16,1	33,6	50,6
20.	— насилие (физическое или психическое) было в семье, где росли	0,7	2,4	50,0

А вот здесь как раз никаких неожиданностей: все ясно.

Но дальше они все-таки встречаются. В частности, к их числу мы отнесем пресловутый «метраж»: интенсивность негативного влияния в 35,2% имеет обеспеченность «21–23 м/кв.» на члена семьи; а интенсивность негативного влияния в 26,9% имеет обеспеченность «более 26 м/кв.» на члена семьи. К сожалению, не способствует семейному благополучию и сохранность первого брака, и многодетность в родительской семье.

Плохо, когда плохое питание и здоровье; когда в родительской семье были плохие отношения и низкий уровень жизни; когда росли с одной матерью.

Выводы из вышеприведенных результатов следующие.

1. Основными факторами семейного благополучия являются «традиционное семейное устройство» («муж — кормилец»; жена — «хранитель семейного очага»), приемлемый уровень жизни, социальные гарантии и социальное наследование («происхождение» из семьи, в которой главенствовали «человеческие» отношения).

2. Основными факторами семейного неблагополучия являются «традиционные» семейные неурядицы (в первую очередь пьянство и низкий уровень жизни), плохие социальные гарантии и социальное наследование («происхождение» из семьи, в которой главенствовали плохие отношения).

§ 11. Факторы семейного благополучия мужей

Размер выборочной совокупности составил 956 респондентов.

Всего (из числа исследованных) факторов положительного влияния на семейное благополучие мужей получается 80. Рейтинг по индексу интенсивности влияния (ИВ) 20-ти наиболее влиятельных из них выглядит следующим образом.

Таблица

*Первые десять наиболее «интенсивных» факторов
семейного благополучия мужей*

Рейтинг	Параметры и показатели	Общий %	% ДС	ИВ %
1.	— 1–5 лет прожили вместе	25,6	55,9	53,3
2.	— 18–30 лет возраст	27,7	47,6	40,9
3.	— с родителями мужа вы живете	4,3	7,1	34,6
4.	— ведет домашнее хозяйство жена	9,3	14,7	34,4
5.	— до 6 м/кв. жилплощади на члена семьи	9,1	13,5	30,3
6.	— половина семейного бюджета идет на одежду и обувь	6,7	10,0	30,0
7.	— 24–26 м/кв. жилплощади на члена семьи	3,9	5,9	29,0
8.	— 9–11 м/кв. жилплощади на члена семьи	16,8	23,5	27,3
9.	— да, жена имела добрачные «связи»	27,7	36,5	23,5
10.	— свой дом в плохом состоянии условия проживания	6,1	8,2	22,8
11.	— здоров сам респондент	40,6	52,9	22,8
12.	— 10% семейного бюджета расходуется на питание	4,8	6,5	22,7
13.	— здоровы дети	53,4	69,4	22,7
14.	— 10% семейного бюджета расходуется на лечение и лекарства	16,0	20,6	21,3
15.	— индивидуальный предприниматель, фермер муж	3,5	4,7	21,1
16.	— доволен респондент сделанным за день	37,3	47,1	20,4
17.	— с родителями жены вы живете	5,5	7,1	19,8
18.	— второй раз в браке респондент	15,7	19,4	18,1
19.	— серьезных «неполадок» не было в родительской семье	64,4	78,8	18,0
20.	— руководитель, бизнесмен жена	2,2	2,9	17,9

Безусловно лидирующие позиции в первой десятке имеют факторы «интимной физиологии» (1 и 2 места); представлены авторитетно и «традиционная семейственность» (3, 4, 17 и 19-е место); и хорошее здоровье

членов семьи (11 и 13 места). Заметно (отметим, однако, что не на самых первых местах) представлен высокий уровень жизни (6, 7 и 12 места); но тут же присутствует и средний (8-е место), и достаточно низкий (5-е место).

Интересно также, что сюда же вошло наличие добрачного сексуального опыта у жены (9 место) и второй брак респондента (18 место). Но вот что еще показательно, так это присутствие здесь фактора проживания с родителями (3 место — с родителями мужа, и 17 место — с родителями жены) и отсутствия фактора проживания отдельно от родителей.

Основные факторы негативного влияния на семейное благополучие по мужьям выглядят так.

Таблица

Факторы семейного неблагополучия мужей

Рей- тинг	Параметры и показатели	Общий %	% % ДС	ИВ % %
1.	— низкий уровень жизни	15,2	0,6	90,1
2.	— пьянство супруги	2,7	0,0	73,0
3.	— 16–25 лет прожили вместе	24,5	7,1	68,2
4.	— нет взаимопонимания с детьми	2,1	0,0	67,7
5.	— сексуальная неудовлетворенность	2,0	0,0	66,7
6.	— «прохладные» были отношения в родительской семье	7,5	2,4	60,0
7.	— в семье ребенок-инвалид здоровье детей	2,6	0,6	55,6
8.	— вмешательство родителей	3,9	1,2	55,1
9.	— 41–50 лет возраст респондента	26,2	11,2	55,1
10.	— жена основной источник доходов семейного бюджета	7,4	2,9	53,6
11.	— пенсионер жена	3,7	1,2	53,2
12.	— низкий уровень жизни был причиной «неполадок» в родительской семье	11,0	4,7	52,5
13.	— 21–23 м/кв. жилплощади	3,6	1,2	52,2
14.	— 11–15 лет прожили вместе	15,3	7,1	50,3
15.	— низкий уровень культуры был причиной «неполадок» в родительской семье	2,2	0,6	50,0
16.	— безработный муж	3,3	1,2	48,8
17.	— почти весь семейный бюджет уходит на жилье	2,1	0,6	48,4
18.	— индивидуальный предприниматель, фермер жена	1,9	0,6	44,8
19.	— пенсионер муж	4,0	1,8	44,0
20.	— не досыта питание	8,1	4,1	44,0

Что тут еще скажешь...

В итоге по группе мужей «высвечиваются» следующие моменты.

1. Разница в возрасте супругов не влияет на семейное благополучие мужей.
2. Для семейного благополучия мужа гораздо более значимы сегодняшние отношения с женой, чем ее прошлое или уровень жизни.
3. Мужу очень плохо, когда не он «кормилец».
4. «Неполадки» и «лад» в родительской семье воспроизводятся в семье респондента-мужа.

§ 12. Факторы семейного благополучия жен

Для оценки факторов семейного благополучия жен составлена выборочная совокупность из респондентов женского пола, находящихся в браке (зарегистрированном или «гражданском»), поскольку находящиеся в разводе, вдовы, родившие и воспитывающие детей без мужа по определению не могут быть отнесены к категориям, имеющим семейное благополучие. Размер выборочной совокупности составил 3255 респондентов.

Всего (из числа исследованных) факторов положительного влияния на семейное благополучие жен получается 80. Рейтинг по индексу интенсивности влияния (ИВ) 20-ти наиболее влиятельных из них выглядит следующим образом.

Таблица

Наиболее «интенсивные» факторы семейного благополучия жен

Рей- тинг	Параметры и показатели	Об- щий %	% % ДС	ИВ % %
1	— 1–5 лет прожили вместе	19,4	47,0	57,5
2	— 18–30 лет возраст	27,9	49,5	42,8
3	— ведет домашнее хозяйство жена	5,0	9,2	41,2
4	— здоров(а)	26,3	40,5	34,2
5	— второй брак	13,7	21,1	33,5
6	— руководитель, бизнесмен муж	5,8	8,6	29,2
7	— третий и более брак	1,4	2,3	27,3
8	— моложе мужа на 6–10 лет	10,6	14,6	25,6
9	— особо не опасаюсь завтрашнего дня	30,9	41,7	25,3
10	— безработный жена	2,9	4,2	25,0
11	— общежитие условия проживания	4,2	5,8	23,5
12	— да, имела респондент «добрачные связи»	23,2	30,3	22,7
13	— 6–10 лет прожили вместе	19,0	24,8	22,5
14	— конфликты родителей с вами были «нелады»	3,5	4,8	22,4

15	— 5% и меньше семейного бюджета идет на жилье	12,3	16,1	22,2
16	— «коммуналка» условия проживания	1,3	1,9	20,7
17	— почти весь семейный бюджет идет на «другие расходы»	2,1	2,9	20,5
18	— студент(ка) жена	2,1	2,9	20,5
19	— мусульманка	6,0	7,7	19,5
20	— 6–8 м/кв. жилплощади на члена семьи	12,6	15,9	19,5

Кроме и здесь (как и у мужей) ярко выраженной «интимной физиологии» для семейного благополучия жены очень важно, чтобы она могла позволить себе не работать (3 и 10 места); но при этом семейный бюджет предоставлял ей надежные социальные гарантии (9 место) и позволял достаточно вольготное материальное существование (17 место). Это ей может предоставить только «Руководитель, бизнесмен муж» (6 место), — если ей удастся такового занять после замены на него мужей-«неудачников» (5 и 7 места).

Но что здесь делает проживание в общежитии (11 место) или коммунальной квартире (16 место) на 6 метрах на члена семьи (20 место)? Можно предположить, что это молодые и влюбленные, но не очень пока обеспеченные, которым «рай и в шалаше»... Но не значит, что это действительно так: надо проверять...

Все-таки женщины — существа непредсказуемые даже в статистическом смысле. Она в «детско-юношеском» возрасте «не ладит» с родителями — и у нее семейное благополучие (14 место)! Получается, действительно «оторве» чаще удастся удачно для себя и для семейного благополучия в целом выйти замуж, поменяв несколько брачных и внебрачных партнеров (5, 7 и 12 место)!?

Очень интересно и то, что с точки зрения жены для семейного благополучия мужу лучше быть старше жены на 6–10 лет (8 место). Напомним, что у мужей никакая разница в возрасте с женой никак не влияет на семейное благополучие. Мусульманская семья немного благополучнее других конфессий и атеистов (19 место).

Основные факторы *негативного* влияния на семейное благополучие у жен выглядят так.

Таблица

Наиболее «интенсивные» факторы семейного неблагополучия жен

Рей- тинг	Параметры и показатели	Общий %	% % ДС	ИВ %%
1	— пьянство супруга	10,2	0,6	85,7
2	— низкий уровень жизни	20,2	2,1	85,4
3	— неверность супруга	2,0	0,0	66,7

4	— 11–15 лет прожили вместе	17,6	5,4	65,6
5	— сексуальная неудовлетворенность	1,9	0,0	65,5
6	— низкий уровень развития супруга	2,2	0,2	62,5
7	— ревность супруга	4,1	1,0	60,8
8	— вмешательство родителей	4,0	1,0	60,0
9	— наконец-то этот кошмар закончился!	7,6	2,7	57,0
10	— насилие (физическое или психическое)	1,3	0,0	56,5
11	— нет взаимопонимания с детьми	2,1	0,4	54,8
12	— 16–25 лет прожили вместе	27,3	13,6	48,4
13	— безработный муж	4,9	2,3	44,1
14	— впроголодь питание	1,1	0,2	42,9
15	— низкий уровень жизни был причиной проблем в родительской семье	10,1	5,6	40,5
16	— пенсионер муж	4,4	2,3	38,9
17	— да, имеет муж внебрачные «приключения»	9,3	5,4	37,9
18	— жена основной источник доходов семейного бюджета	18,6	11,3	37,2
19	— более 25 лет прожили вместе	14,9	9,2	35,8
20	— насилие (физическое или психическое) было причиной проблем в родительской семье	1,8	0,8	35,7

Итак, основные причины: пьянство мужа (1 место); бедность (2, 14 и 15 место); измены мужа (3 и 17 место); устала от мужа и семейных проблем (4, 12, 16 и 19 места). 5, 6 и 7 места — межличностные проблемы. И семейное насилие воспроизводится из родительской семьи (20 место) в семье респондента (10 место).

Глава 5. СЕМЕЙНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И УРБАНИЗАЦИЯ

§ 13. Семейное благополучие в «большом городе»

Распределение семей по категориям семейного благополучия-неблагополучия в зависимости от степени урбанизации территории, на которой проживает семья, выглядит следующими образом.

Таблица

Семейное благополучие в УрФО в зависимости от степени урбанизации

ГДЕ ВЫ РОСЛИ?	Все опрошенные		Категории семей по типам (уровням) благополучия — неблагополучия								
			ДС (СБС)	Переходные (относительно благополучные)			Неблагополучные			Неопределенные ⁴	
				Проблемные			Кризисные				
Полные	Западные	Детские	Парные	Детные	Тихие						
УрФО	(N=)	5049	691	578	1559	10	1159	33	122	357	540
	% %	100	13,7	11,4	30,9	0,2	23,0	0,7	2,4	7,1	10,7
Большой город	(N=)	1020	138	103	347	4	182	6	31	87	122
	% %	100	13,5	10,1	34,0	0,4	17,8	0,6	3,0	8,5	12,0
Малый город	(N=)	2405	318	267	711	4	551	13	59	197	285
	% %	100	13,2	11,1	29,6	0,2	22,9	0,5	2,5	8,2	11,9
Село	(N=)	1469	209	185	461	2	392	14	29	64	113
	% %	100	14,2	12,6	31,4	0,1	26,7	1,0	2,0	4,4	7,7

Посмотрим УСБ

⁴ «Неопределенные» семьи — респонденты, не ответившие в анкете на один из тех вопросов, на основе которых происходит дифференциация по категориям благополучия-неблагополучия. Большинство из них «неблагополучные» ...

ГДЕ ВЫ РОСЛИ?	УСБ	Категории семей по типам (уровням) благополучия-неблагополучия								
		СБС	Переходные (относительно благополучные)			Неблагополучные			Кризисные	Неопределенные
			Полные	Западные	Детские	Парные	Детные	Тихие		
Всего опрошено	54,3	691	578	1559	10	1159	33	122	357	540
% %		13,7	11,4	30,9	0,2	23,0	0,7	2,4	7,1	10,7
— В большом городе	54,3	13,5	10,1	34,0	0,4	17,8	0,6	3,0	8,5	12,0
— В небольшом городе	53,1	13,2	11,1	29,6	0,2	22,9	0,5	2,5	8,2	11,9
— На селе	56,1	14,2	12,6	31,4	0,1	26,7	1,0	2,0	4,4	7,7

Итак, уровень семейного благополучия населения территории от степени ее урбанизации практически не зависит. Правда, наблюдается тенденция роста доли «парных» семей⁵ по мере снижения степени урбанизации: 17,8% — в «большом городе»; 22,7% — в «малом городе, ПГТ»; 26,7% — «на селе». Данная тенденция отражает общий процесс ослабления позиций «традиционного семейного образа жизни» по мере повышения степени урбанизации: при ухудшении внутрисемейных отношений в малых городах разводятся реже, чем в больших, а на селе реже, чем в городе. Это, соответственно, ведет к уменьшению на селе и доли «кризисных»⁶ семей. Заметно ниже в сельской местности и доля многодетных матерей без мужа («детские» и «детные»).

С позиций представленных данных эффективность той составляющей семейной политики, которая ратует за «возвращение к культурным и духовным народным корням», выглядит весьма сомнительной: *значимого* влияния на семейное благополучие ни городское, ни сельское происхождение респондента не оказывает.

Всего (из числа исследованных) факторов положительного влияния на семейное благополучие в «большом городе» получается 78. Рейтинг по индексу интенсивности влияния (ИВ) наиболее влиятельных из них выглядит следующим образом.

⁵ Вспомним еще раз, что «парная» семья характеризуется наличием обоих супругов, но без семейного лада и с числом детей ниже социальной нормы.

⁶ «Кризисная семья характеризуется наличием только одного из супругов, отсутствием семейного лада и числом детей ниже социальной нормы.

Таблица

**Наиболее «интенсивные» факторы семейного благополучия
проживающих «в большом городе»**

Рей- тинг	Параметры и показатели	Общий %	ДС % %	ИВ % %
1	— 1–5 лет прожили вместе	32,5	73,2	54,9
2	— ведет домашнее хозяйство жена	9,0	19,6	51,5
3	— 18–30 лет возраст	39,3	68,8	42,3
4	— 5% и меньше доля затрат семейного бюджета на жилье	8,9	15,9	41,4
5	— неблагоустроенная квартира условия проживания	4,5	8,0	38,9
6	— индивидуальный предприниматель, фермер муж	3,6	6,5	38,7
7	— студент(ка) жена	4,2	7,2	36,6
8	— здоров(а)	35,7	55,1	34,6
9	— конфликты с родственниками были в родительской семье	3,6	5,8	32,4
10	— муж основной источник доходов семейного бюджета	46,4	66,7	30,0
11	— до 6 м/кв. жилплощади на члена семьи	7,9	11,6	29,4
12	— доволен сделанным за день в конце дня	32,8	46,4	28,7
13	— безработный жена	2,8	4,3	28,3
14	— особо не опасаюсь о «завтрашнем» дне	36,3	50,7	27,9
15	— свой бизнес имеет семья	6,1	8,7	26,8
16	— служащий предприятия, фирмы муж	20,0	27,5	26,3
17	— здоровы здоровье детей	43,0	58,0	25,4
18	— не имеют внебрачных «приключений»	41,9	56,5	25,4
19	— 6–8 м/кв. жилплощади на члена семьи	13,3	18,1	25,1
20	— руководитель, бизнесмен жена	3,0	4,3	24,5

Уже привычно «передовые» позиции занимают факторы «интимной физиологии» (1, 3 и 7 места); и «с милым рай и в шалаше» (5, 11 и 19); и «традиционная семейственность» (2, 10, 13 и 18). Важно хорошее здоровье (8 и 17) и уровень жизни с социальными гарантиями (4 и 14). Однако, для семейного благополучия в большом городе хорошо еще бы иметь и собственный бизнес (6, 15 и 20). Как-то, правда, в этой же «компании» оказались и конфликты родителей с родственниками в пору детства и юности респондента (9).

Основные факторы *негативного* влияния на семейное благополучие в «большом городе» выглядят так.

Таблица

Наиболее «интенсивные» факторы семейного неблагополучия в «большом городе»

Рей- тинг	Параметры и показатели	Общий %	ДС % %	ИВ % %
1	— пьянство супруга(ги)	8,0	0,0	88,9
2	— 16–25 лет прожили вместе	18,2	2,9	79,7
3	— 11–15 лет прожили вместе	13,5	2,2	77,9
4	— неверность супруга(ги)	3,5	0,0	77,8
5	— низкий уровень жизни	15,4	2,9	76,2
6	— 41–50 лет возраст	22,7	5,1	74,3
7	— более 25 лет прожили вместе	10,6	2,2	72,4
8	— сексуальная неудовлетворенность	2,6	0,0	72,2
9	— насилие (физическое или психическое)	2,6	0,0	72,2
10	— нет взаимопонимания с детьми	2,5	0,0	71,4
11	— представитель интеллигенции муж	2,5	0,0	71,4
12	— да половина имеет внебрачные «приключения»	11,4	2,9	68,5
13	— почти весь семейный бюджет расходуется на жилье	2,1	0,0	67,7
14	— не досыта питание	11,9	3,6	64,3
15	— безработный муж	1,7	0,0	63,0
16	— четверо и больше было в семье детей	10,5	3,6	60,0
17	— более 50 лет возраст	11,5	4,3	57,6
18	— другой источник доходов семейного бюджета	6,3	2,2	56,2
19	— другое управляет семейным бюджетом	4,4	1,4	55,6
20	— конфликтные были отношения в семье родителей	9,2	3,6	54,9

В «большом городе» наиболее ярко выражен пресловутый «кризис среднего возраста» (2, 3, 6 и 7 место), который оказывается даже более негативным фактором, чем низкий уровень жизни (5, 13, 14, 15, 18 и 19 место). В составе серьезных негативных факторов оказывается и многодетная советская семья, в которой рос респондент (16 место): условия «бытия» *действительно многодетной* советской семьи и их последствия в «большом городе» напрочь отбили у ее детей всякое желание иметь в своей соб-

ственной семье много детей. И плохие отношения в родительской семье транслируются в семью респондента «по наследству» (20 место).

§ 14. Семейное благополучие в «небольшом городе, поселке городского типа (ПГТ)»

Всего (из числа исследованных) факторов положительного влияния на семейное благополучие в «небольшом городе, ПГТ» получается 85. Рейтинг по индексу интенсивности влияния (ИВ) наиболее влиятельных из них выглядит следующим образом.

Таблица

«Интенсивные» факторы семейного благополучия в «небольшом городе»

Рей- тинг	Параметры и показатели	Общий %	ДС % %	ИВ % %
1	— 1–5 лет прожили вместе	22,7	53,8	56,8
2	— ведет домашнее хозяйство жена	4,3	9,1	47,5
3	— 18–30 лет возраст	27,9	50,6	44,0
4	— более 15000 руб. доход на члена семьи (м-ц)	1,8	3,5	37,8
5	— мы не зарегистрированы, но живем вместе	9,5	15,4	36,0
6	— второй	15,4	24,5	35,7
7	— здоров(а)	28,7	44,0	34,0
8	— 9–11 м/кв. жилплощади на члена семьи	16,3	24,8	32,9
9	— третий и более	1,8	3,1	31,7
10	— вместе управляет семейным бюджетом	42,5	62,3	31,3
11	— да имели вы «добрачные связи»	31,1	45,0	30,2
12	— военный, органы правопорядка муж	7,0	10,4	29,8
13	— мусульманин	6,1	9,1	29,7
14	— муж основной источник доходов семейного бюджета	45,6	64,8	29,2
15	— досыта и вкусно питание	35,5	50,0	28,4
16	— военный, органы правопорядка жена	1,1	1,9	27,6
17	— безработный жена	2,5	3,8	27,1
18	— особо не опасаясь о «завтрашнем» дне	31,6	43,4	26,6
19	— не имеет половина внебрачные «приключения»	38,2	51,6	25,5
20	— половина доля затрат в семейном бюджете на другие расходы, кроме питания, жилья, лечения и одежды	8,2	11,3	25,2

Как видим, семейное благополучие в малом уральском городе имеет в своей основе некоторые заметные отличия от большого уральского города. Нет, основные факторы, конечно, те же: «интимной физиологии» (1 и 3 места); «традиционная семейственность» (2, 10 и 14 места). Важным остается хорошее здоровье (7 место) и уровень жизни с социальными гарантиями (4, 15, 18 и 20).

Но вот «с милым рай и в шалаше» здесь явно отсутствует; а вместо него — «свобода выбора» (5, 11 и 19 места), которая гораздо более естественно смотрелась бы как раз в большом городе...; в общем, тут есть научная интрига... А вместо собственного бизнеса, который был в большом городе заметным фактором, в малом городе мы имеем в качестве такового супругов-«силовиков» (12 и 16 места): в «уральской провинции», где сегодня очень серьезные проблемы с работой и зарплатой, служба в силовых структурах с их (по местным меркам) приличным «денежным содержанием и вещевым довольствием» и социальным пакетом весьма престижна и способствует семейному благополучию.

Основные факторы *негативного* влияния на семейное благополучие в «небольшом городе, ПГТ» выглядят так.

Таблица

***Наиболее «интенсивные» факторы семейного неблагополучия
в «небольшом городе, ПГТ»***

Рей- тинг	Параметры и показатели	Общий %	ДС % %	ИБ % %
1	— низкий уровень жизни	18,9	0,6	92,0
2	— пьянство супруга(ги)	9,4	0,3	87,5
3	— нет взаимопонимания с детьми	3,4	0,0	77,3
4	— вмешательство родителей	4,4	0,3	75,9
5	— другое управляет семейным бюджетом	3,1	0,0	75,6
6	— ревность супруга(ги)	3,8	0,3	72,9
7	— неверность супруга(ги)	2,5	0,0	71,4
8	— другой основной источник доходов семейного бюджета	4,4	0,6	70,4
9	— жена основной источник доходов се- мейного бюджета	20,2	5,3	70,3
10	— низкий уровень развития супруга(ги)	2,3	0,0	69,7
11	— 11–15 лет прожили вместе	15,1	4,4	66,5
12	— сексуальная неудовлетворенность	1,9	0,0	65,5
13	— 16–25 лет прожили вместе	22,8	7,9	62,6
14	— безработный муж	2,9	0,6	59,0
15	— насилие (физическое или психическое)	1,4	0,0	58,3

16	— половина доля затрат в семейном бюджете на лечение и лекарства	2,1	0,3	58,1
17	— наконец-то этот кошмар закончился! мысли в конце дня	8,4	3,1	56,4
18	— откровенно боюсь мысли о «завтрашнем» дне	10,7	4,4	53,8
19	— более 50 лет возраст	13,2	5,7	52,8
20	— впроголодь питание	1,7	0,3	51,9

Здесь особенных отличий от большого города нет: те же низкий уровень жизни, пьянство и межличностные проблемы... Достаточно ярко выражен и «кризис среднего возраста» (11 и 13 место)... Но зато здесь отсутствует в составе серьезных негативных факторов многодетная семья, в которой рос респондент.

В итоге по «небольшому городу, ПГТ» представляются обоснованными следующие выводы.

1. В условиях глобального кризиса в социуме (не секрет, что социумы небольших городов на Урале сегодня в наихудшем положении) семейное благополучие становится весьма желанным «пристанищем», еще удерживающим человека в этом мире: об этом говорит тот факт, что «гражданский», второй и третий браки оказываются здесь настолько важными факторами семейного благополучия.

2. Социальная стабильность и социальные гарантии для семейного благополучия не менее важны, чем уровень жизни.

§ 15. Семейное благополучие «на селе»

Всего (из числа исследованных) факторов положительного влияния на семейное благополучие по селу получается 84. Рейтинг по индексу интенсивности влияния (ИВ) наиболее влиятельных из них выглядит следующим образом.

Таблица

Наиболее «интенсивные» факторы семейного благополучия «на селе»

Рей- тинг	Параметры и показатели	Общий %	ДС % %	ИВ % %
1	— 1–5 лет прожили вместе	11,4	25,4	53,0
2	— 18–30 лет возраст	16,1	32,1	48,3
3	— руководитель, бизнесмен муж	3,3	6,2	40,3
4	— 7000–10000 доход на члена семьи (м-ц)	1,4	2,9	38,5
5	— ведет домашнее хозяйство жена	3,9	6,7	36,4
6	— второй раз в браке	10,1	16,3	35,8
7	— здоров(а)	22,1	34,4	34,7

8	— с родителями мужа живет	3,5	5,7	32,8
9	— муж основной источник доходов семейного бюджета	29,4	43,1	31,1
10	— почти весь идет семейном бюджете на одежду и обувь	2,7	4,3	30,2
11	— представитель интеллигенции муж	3,1	4,8	29,3
12	— служащий предприятия, фирмы муж	5,2	7,7	28,7
13	— 10% доля затрат в семейном бюджете на питание	2,8	4,3	28,3
14	— 6–10 лет прожили вместе	15,2	21,5	28,0
15	— особо не опасаясь о «завтрашнем» дне	28,1	38,3	26,0
16	— мусульманин	6,5	9,1	25,7
17	— 6–8 м/кв. жилплощади на члена семьи	10,8	14,8	25,3
18	— военный, органы правопорядка жена	0,5	1,0	25,0
19	— неполное среднее, среднее образование	17,8	23,4	23,0
20	— верю в добро и справедливость	22,4	28,7	21,2

Вот так! Если в городе (как большом, так и малом; особенно в большом) муж — представитель интеллигенции является негативным фактором семейного благополучия, то на селе это позитивный фактор, даже попавший в первую двадцатку (11 место).

И в уральском селе, как и в малом городе, сегодня очень серьезные проблемы с работой и зарплатой, и поэтому служба в силовых структурах с их (по местным меркам) приличным «денежным содержанием и вещевым довольствием» и социальным пакетом весьма престижна и способствует семейному благополучию (18 место).

При среднем душевом доходе на селе по всему опросу 2303 рубля благоприятно влияет на семейное благополучие уровень душевых доходов начиная от семи до десяти тысяч рублей (4 место).

В лидерах, однако, по-прежнему остаются и «интимная физиология» (1 и 2 места), и «традиционная семейственность» (5, 8 и 9 места), и высокий уровень жизни (3, 10, 13 и 15 места).

Интересно также, что второй брак и на селе успешнее первого (6 место), что для семейного благополучия на селе низкий уровень образования (видимо, жены, поскольку выше муж-«интеллигент») лучше, чем высокий (19 место).

И вот еще одна сельская особенность. Если в городе (и большом, и малом; но в большом особенно!) наличие четырех и более детей в родительской семье (то есть, респондент рос в действительно многодетной семье) является фактором семейного неблагополучия, то на селе это фактор семейного благополучия (27 место)!

Благополучнее других выглядит мусульманская семья (16 место).

Что касается других интересных особенностей в сельском семейном благополучии, то если в городе состояние человека «верю в добро и справедливость» является фактором семейного благополучия, то на селе очень даже наоборот (20 место).

Основные факторы *негативного* влияния на семейное благополучие в уральском селе выглядят так.

Таблица

Наиболее «интенсивные» факторы семейного неблагополучия «на селе»

Рей- тинг	Параметры и показатели	Общий % %	ДС % %	ИВ % %
1	— низкий уровень жизни	24,1	2,9	84,5
2	— пьянство супруга(ги)	10,9	1,0	83,2
3	— неверность супруга(ги)	2,5	0,0	71,4
4	— сексуальная неудовлетворенность	1,9	0,0	65,5
5	— 21–23 м/кв. жилплощади на члена семьи	5,9	1,4	65,2
6	— низкий уровень развития супруга(ги)	1,8	0,0	64,3
7	— насилие (физическое или психическое) было в родительской семье	1,8	0,0	64,3
8	— да половина имеет внебрачные приключения»	9,3	2,9	62,1
9	— другое управляет семейным бюджетом	1,4	0,0	58,3
10	— наконец-то этот кошмар закончился! в конце дня	7,4	2,9	53,6
11	— не досыта питание	10,4	4,3	53,5
12	— вмешательство родителей	2,2	0,5	53,1
13	— индивидуальный предприниматель, фермер жена	1,1	0,0	52,4
14	— 11–15 лет прожили вместе	21,1	9,6	52,0
15	— ревность супруга(ги)	3,0	1,0	50,0
16	— насилие (физическое или психическое)	1,0	0,0	50,0
17	— низкий уровень жизни были «нелады»	11,6	5,3	50,0
18	— верю в себя	11,4	5,3	49,2
19	— жена основной источник доходов семейного бюджета	32,3	16,7	46,8
20	— не верю ни во что	6,1	2,9	45,1

Очень плохо для сельского семейного благополучия, когда муж не может прокормить семью, и эту функцию приходится исполнять жене (13 и 19 место) или кому-то другому (9 место).

Как и везде, в «лидерах» факторов семейного неблагополучия низкий уровень жизни и пьянство. Присутствует, однако, и «кризис среднего возраста» (14 место). И когда жилплощади *много*, оказывается, тоже плохо (5 место).

Но почему плохо «вера в себя» (18 место). Получается так, что «на селе» большинство из тех, кто «верит в себя», не действуют в направлении организации благополучия семьи, а «смотрят в противоположную сторону». *Это насколько же должно быть плохо в сельской семье, чтобы вера человека в себя не способствовала, а препятствовала семейному благополучию!?*

В итоге по селу представляются обоснованными следующие выводы.

1. В уральском селе (в отличие от города) пока еще сохранился «механизм» социального наследования многодетности в условиях семейного лада. Нельзя нам упустить этот шанс, особенно сегодня ...

2. В сельской семье еще сохранилось уважение к образованию и культуре. Вкупе с первым выводом это значит очень много...

Глава 6. ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССАМИ СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

§ 16. Демографический и социальный потенциал уральской семьи

Резюме по всему вышеизложенному напрашивается следующим. Да, лидерство в сфере семейного неблагополучия прочно удерживают низкий уровень жизни и пьянство (первое и второе место). Но потом почти друг за другом идут факторы «кризиса среднего возраста». А это однозначно говорит об отсутствии в обществе и в основании уральской семьи *культуры семейного благополучия*, которая одна только и позволяет семье (в тех редких случаях, когда такая культура есть) выйти из ограниченности примитивизма сексуально-эротических и «материалистических» приоритетов и не позволить семье превратиться в банальность полуживотного бытия.

Имеющиеся попытки общественного *внесемейного* (образовательные программы, курсы, семинары) воспитания такой культуры почти всегда терпят неудачу (в литературе, во всяком случае, мы не встретили аргументированных ссылок на какой-либо успешный опыт). Например, у юношества начинается такое воспитание, как правило, в период полового созревания или непосредственно предшествующие или последующие промежутки времени, когда «вздыбленное» состояние юношеского организма естественно отторгает все попытки морали и логики добиться победы над миллионнолетними законами природы. Курсы же для семейных взрослых (если) посещают те, у кого уже серьезные проблемы, и что-либо делать здесь почти всегда уже поздно.

Действительное и прочное становление культуры семейного благополучия происходит лучше всего в условиях семейного же благополучия. Основным фактором развития и укрепления семейного благополучия является социальное наследование супругами благополучия родительской семьи и подкрепление его социальными гарантиями и перспективами. Отсюда следует и основное направление управления процессами семейного благополучия: *стимулирование количественного роста семейного благополучия через стимулирование роста количества членов отдельно взятой благополучной семьи (рождаемость и усыновление) и стимулирование роста количества социально благополучных семей через развитие социальных гарантий и перспектив (всесторонняя пропаганда и поддержка социально благополучного семейного образа жизни).*

Прежде чем разворачивать серьезную кампанию по повышению семейного благополучия на основе стимулирования рождаемости (или семейной социализации) в социально благополучной семье, необходимо рассмотреть реальные возможности, настроения и намерения самой семьи относительно данных тем. Понятно, что наибольший практический интерес представляет здесь возрастная группа «18–30 лет». С них и начнем.

Таблица

ФОРМУЛИРОВКА ВОПРОСА	Все опрошенные	Категории семей по типам (уровням) благополучия — неблагополучия								
		ДС (СБС)	Переходные (относительно благополучные)			Неблагополучные			Неопределенные	
						Проблемные				
			Полные	Западные	Дети	Парные	Дети	Тихие		Кризисные
Всего опрошено	1356	339	247	290	1	194	2	28	77	178
% %	100	25,0	18,2	21,4	0,1	14,3	0,1	2,1	5,7	13,1
ЧТО ВАМ МЕШАЕТ «ЗАВЕСТИ» (СЛЕДУЮЩЕГО) РЕБЕНКА?										
— Низкий уровень жизни	21,8	13,9	33,6	14,1	0,0	34,0	0,0	21,4	31,2	16,3
— Слабые соц-е гарантии	19,3	15,3	20,2	20,7	0,0	22,7	0,0	28,6	28,6	14,6
— Достаточно тех, что есть	18,4	27,7	17,8	13,8	100,0	12,4	50,0	25,0	29,9	9,0
— Недавно родили	17,6	31,9	32,0	7,9	0,0	5,2	0,0	14,3	9,1	3,9
— Хочется пожить для себя	11,5	4,4	4,5	19,7	0,0	18,6	50,0	0,0	6,5	17,4
— Неладья в семье	3,5	0,9	7,3	0,3	0,0	7,2	0,0	0,0	5,2	3,9
— Плохое здоровье	2,7	1,5	1,2	2,1	0,0	5,2	0,0	0,0	6,5	3,9
— Возраст уже не тот	0,7	0,9	0,0	1,0	0,0	1,0	0,0	0,0	0,0	1,1
— Думаем, скоро будет!	13,1	13,9	2,0	23,4	0,0	10,3	0,0	3,6	0,0	20,8
— Не ответили	4,6	0,6	2,0	2,4	0,0	4,1	0,0	3,6	5,2	19,7
— Количество детей, чел.	1,1	1,5	1,5	0,7	3,0	0,7	3,0	1,1	1,2	0,5

Среднее количество детей в семье у респондентов возраста 18–30 лет — 1,1 ребенка на семью. Недавно родили — 17,6%. Собираются скоро родить — 13,1%. Остальные 69,3% рожать детей пока больше не собираются.

Причины указываются следующие: 18,4% говорят, что им достаточно тех детей, что уже есть, поэтому пока рассчитывать на них не прихо-

дится. Еще 11,5% хотели бы «пожить для себя» и, значит, тоже пока не могут приниматься в расчет. И еще 7% не хотят рожать из-за проблем с «половиной» (3,5%), плохого здоровья (2,7%) и по возрасту (0,7%). Следовательно, реально можно обсуждать участие в решении демографической проблемы лишь с третьей частью респондентов «самого фертильного» возраста.

Поскольку опрошено более 5 тысяч респондентов по случайной выборке, мы имеем право полагать ошибку ничтожной и в расчетах исходить из сложившихся пропорций. Семейный образ жизни в округе ведет, согласно нашим расчетам, только половина населения, следовательно, при обсуждении темы рождаемости мы должны иметь ввиду в качестве потенциального не все население УрФО (12 миллионов человек), а только половину, то есть, 6 миллионов человек.

Поскольку, как уже было показано ранее, в составе уральской семьи сегодня в среднем 3,5 человек, из которых 1,7 человек (то есть половину) составляют несовершеннолетние дети, контингент «супругов и родителей» в округе сокращается с 6-ти до 3-х миллионов человек.

Согласно полученным данным, супруги и родители в возрасте 18–30 лет составляют 27% от всех супругов и родителей. От 3-х миллионов человек 27% составят 810 тысяч человек. Поскольку, как уже было показано, потенциально готовы к разговору о рождаемости лишь треть из них, у нас остается $(810 / 3 =)$ 270 тысяч человек. И понятно, что собственно-то рожать будет (если будет) только половина из них (*естественно*, женская), что составляет **всего 135 тысяч человек**.

Это выглядит очень «неуютно»: выходит так, что реально из 12-ти миллионов населения УрФО мы можем обсуждать возможности рождения (следующего) ребенка лишь практически только с одним процентом от этих 12-ти миллионов?

К счастью, у нас есть возможность проверить данный вывод. — и достаточно убедительно. Согласно статистическим данным, в УрФО в 2006 году рождено 138937 детей, — то есть, попадание социологической информации «в цель» практически 100%!

Для страховки произведем еще одну проверочную процедуру. Как показано выше, по данным нашего анкетирования ответ «недавно родили» дали 17,6% респондентов возрастной группы «18–30 лет», в которой общую численность супругов и родителей мы рассчитали в количестве 810 тысяч человек. От этого числа полученные в результате опроса 17,6% составляют 143 тысячи «недавно рожденных». Доверяем теперь социологической информации?

По тем же данным, умерло в 2006 году в УрФО 168166 человек. Следовательно, депопуляция составила 29229 человек.

Но если бы удалось договориться еще с теми 135-ю тысячами, кто объективно вполне может родить, но просто не хочет (по разным причи-

В итоге, соответственно представленным данным опроса, для повышения рождаемости необходимо, в первую очередь, заметное повышение уровня жизни.

А вот тут мы позволим себе не поверить нашим уважаемым респондентам в том смысле, что если мы повысим всем, кто на него указал, уровень жизни, то они все начнут рожать: Европа материально живет намного лучше, а рождает заметно меньше, чем мы. Это первое. И второе: насколько надо повысить уровень жизни, чтобы начали рожать? Выше, чем в Европе? Но в Европе чем он выше, тем рожают меньше... Или как?

А тогда зачем мы задавали этот вопрос? А затем, что ответы на него позволят-таки нам обосновать конкретные управленческие действия по стимулированию рождаемости, но более качественно, *в условиях семейного благополучия*.

Одни только социально благополучные семьи составляют четверть от группы «18–30 лет», не считая «западных», которых еще 21,4%. Не хотят больше детей каждая пятая из СБС и каждая четвертая из «западных»: следовательно, с остальными «благополучными» семьями можно договариваться. Эти остальные составляют вместе третью часть от группы «18–30 лет» или около 8-ми процентов от всех семей. Семейный образ жизни ведет половина населения, значит, уменьшим еще в два раза; и «фертильные» жены составляют половину (другую — мужа), значит, уменьшим еще в два раза и получим 2 процента от всего населения округа потенциальных рожениц в условиях семейного благополучия.

А сколько составляют 2 процента от 12-ти миллионов? Правильно, 240 тысяч. А сколько умирает в год в УрФО? 170–180 тысяч. И тогда получается, что одной только рождаемости в условиях семейного благополучия (гипотетически) с лихвой хватит для того, чтобы обеспечить весьма расширенное воспроизводство (плюс 60–70 тысяч ежегодно) населения в округе.

И учтем, что при этом мы получаем «продукцию высшего качества»: детей, социализируемых в условиях семейного благополучия, которые, как ранее уже было доказано, сами начнут создавать благополучные семьи. Стоит это того, чтобы взяться за дело с максимальным усердием? Или кто-то будет против?

Не будем забывать, что у нас есть еще и «небольшой» резерв в группе «31–40 лет» (смотрим ниже таблицы).

нам) этого делать, мы бы получили годовую рождаемость в 270 тысяч! А это уже был бы переход к весьма и весьма расширенному воспроизводству населения.

То есть, 250–270 тысяч новорожденных ежегодно — вот тот вполне реальный воспроизводственный потенциал, которым обладает УрФО на сегодняшний день и который вполне позволяет начать «подъем из демографической ямы».

Посмотрим теперь, какие условия «переговоров» выдвигают нам наши «потенциальные партнеры».

Таблица

МОГЛО БЫ СПОСОБСТВОВА ТЬ РЕШЕНИЮ О РОЖДЕНИИ (СЛЕДУЮЩЕГО) РЕБЕНКА	Все опрошенные	Категории семей по типам (уровням) благополучия — неблагоприятия								
		СБС	Переходные (относительно благополучные)			Неблагополучные			Кри- зис- ные	Не- опре- де- лен- ные
			Пол- ные	За- пад- ные	Дет- ские	Пар- ные	Дет- ные	Ти- хие		
Всего опрошено	1356	339	247	290	1	194	2	28	77	178
% %	100	25,0	18,2	21,4	0,1	14,3	0,1	2,1	5,7	13,1
— Достойная ... зарплата	60,5	55,2	66,8	59,0	100,0	68,0	0,0	60,7	57,1	58,4
— Улучш-е жил-х условий	43,5	43,1	46,6	42,8	100,0	44,3	50,0	42,9	42,9	40,4
— Стабильность в обществе	24,5	22,4	26,3	31,0	100,0	23,2	0,0	14,3	13,0	23,0
— Бесплатное в/обр. детей	23,6	25,7	20,6	30,0	100,0	23,7	50,0	28,6	18,2	14,0
— Выше пособия на детей	17,3	20,4	21,1	16,2	0,0	13,9	50,0	14,3	19,5	11,2
— Новый брак	6,3	0,3	6,5	0,3	0,0	6,2	0,0	32,1	40,3	8,4
— Бесплатное в/обр. респ.	4,7	4,1	4,0	4,8	100,0	5,7	0,0	3,6	5,2	5,1
— Отмена воинской об-сти	4,5	4,4	5,3	5,2	0,0	3,6	0,0	0,0	3,9	4,5
— Что еще	2,6	1,5	3,2	2,1	0,0	3,1	0,0	0,0	3,9	3,9
— Больше детей не нужно	10,8	18,6	11,7	5,9	0,0	6,2	50,0	7,1	14,3	6,2
— Не ответили	4,9	2,7	2,8	5,2	0,0	6,7	0,0	3,6	2,6	11,2

Таблица

ЧТО ВАМ МЕШАЕТ «ЗАВЕСТИ» (СЛЕДУЮЩЕГ О) РЕБЕНКА? «31–40 лет»	Все опрошенные	Категории семей по типам (уровням) благополучия — неблагополучия								
		ДС (СБС)	Переходные (относительно благополуч- ные)			Неблагополучные			Кри- зис- ные	Не- опре- деленны е
						Проблемные				
			Пол- ные	За- пад- ные	Дет- ские	Пар- ные	Дет- ные	Ти- хие		
Всего опрошено	1662	185	162	613	4	407	7	43	124	117
% %	100	11,1	9,7	36,9	0,2	24,5	0,4	2,6	7,5	7,0
— Достаточно тех, что есть	35,4	38,9	34,6	40,6	50,0	28,7	85,7	32,6	30,6	29,1
— Возраст уже не тот	20,2	14,1	14,2	22,5	0,0	23,1	14,3	16,3	21,0	17,1
— Слабые соц-е гарантии	18,7	19,5	21,0	17,1	0,0	22,1	28,6	14,0	20,2	11,1
— Низкий уровень жизни	18,6	11,9	24,7	10,1	25,0	29,0	42,9	14,0	24,2	23,1
— Недавно родили	7,1	17,8	15,4	5,5	25,0	2,9	0,0	7,0	0,8	7,7
— Плохое здоровье	7,0	3,2	4,9	7,7	0,0	9,8	0,0	7,0	2,4	8,5
— Хочется пожить для себя	3,3	2,2	2,5	4,2	0,0	3,4	14,3	0,0	1,6	3,4
— Нелады в семье	3,0	0,0	5,6	0,0	0,0	6,1	14,3	2,3	2,4	9,4
— Думаем, скоро будет!	4,6	6,5	3,1	6,4	0,0	2,9	0,0	4,7	0,0	6,0
— Не ответили	2,8	0,5	2,5	1,5	0,0	2,5	0,0	2,3	9,7	7,7
— Количество детей, чел.	1,7	2,5	2,5	1,5	4,0	1,5	4,0	1,4	1,4	1,5

Среднее количество детей в семье у респондентов возраста 31–40 лет — 1,7 ребенка на семью. И это, можно считать, все. Больше уже рожать не будут (за очень редким исключением), если не произойдет чего-то уж очень стимулирующего. Перспективы очевидны и не требуют комментариев.

Таблица

МОГЛО БЫ СПОСОБСТВОВАТЬ РЕШЕНИЮ О РОЖДЕНИИ (СЛЕДУЮЩЕГО) РЕБЕНКА	Все опрошенные	Категории семей по типам (уровням) благополучия — неблагополучия								
		СБС	Переходные (относительно благополуч- ные)			Неблагополучные			Кри- зис- ные	Не- опре- де- лен- ные
						Проблемные				
			Пол- ные	За- пад- ные	Дет- ски е	Пар- ные	Дет- ные	Ти- хие		
Всего опрошено	1662	185	162	613	4	407	7	43	124	117
% %	100	11,1	9,7	36,9	0,2	24,5	0,4	2,6	7,5	7,0
— Достойная ... зарплата	47,5	55,1	48,1	42,7	50,0	54,5	28,6	32,6	39,5	50,4
— Бесплатное в/обр. детей	25,3	31,4	22,2	26,4	0,0	26,5	14,3	16,3	17,7	23,1
— Стабильность в обществе	23,8	17,8	24,7	30,7	0,0	22,1	14,3	9,3	12,9	19,7
— Улучш-е жил-х условий	22,1	29,2	26,5	17,9	0,0	24,8	14,3	20,9	16,1	24,8
— Выше пособия на детей	13,9	15,1	13,0	12,6	0,0	15,7	14,3	9,3	16,9	12,8
— Новый брак	6,1	0,5	4,9	1,0	0,0	2,9	14,3	41,9	33,9	11,1
— Отмена воин- ской об-сти	4,3	4,9	6,2	4,1	0,0	3,9	0,0	4,7	2,4	5,1
— Бесплатное в/обр. респ.	2,6	2,2	3,7	2,0	0,0	3,9	0,0	0,0	2,4	1,7
— Что еще	1,5	0,5	0,6	1,0	0,0	2,5	0,0	2,3	1,6	3,4
— Больше детей не нужно	28,4	32,4	27,2	33,0	50,0	21,6	42,9	27,9	28,2	22,2
— Не ответили	6,9	1,6	4,9	5,7	0,0	9,1	14,3	9,3	8,1	14,5

Респонденты постарше, и для них уже бесплатное высшее образова-
ние для детей выходит на второе место, опережая даже улучшение жи-
лищных условий. Интересно, что в принципе не отказываются от мысли
иметь еще детей при определенных условиях..... Учесть, правда, следует,
что у большой группы 31–40-летних мужей имеются 18–30-летние жены,
которые еще вполне могут...

То есть, шансы на демографическое и социальное возрождение
вполне даже реальные и обоснованные, успеть бы ими воспользоваться: с
каждым годом они все больше и больше уменьшаются....

§ 17. Социальная технология управления процессами семейного благополучия

Основные выводы по итогам всего вышеизложенного выглядят следующим образом:

1. Культура семейной социализации формируется в родительской семье и наследуется в ее основных составляющих.

2. В УрФО пока еще имеется демографический и социальный потенциал, позволяющий обеспечить расширенное воспроизводство населения в условиях благополучной семейной социализации.

3. «Депрессивные» территории (село и малый город) являются наиболее благоприятной средой для начала практических действий по реализации данного потенциала.

Отсюда следует «простая» задача: создать эффективный социальный механизм прямого стимулирования рождаемости (усыновления) в социально благополучных семьях. Для начала здесь требуется конкретный, точный и обоснованный ответ на вопрос: какова цена результата? Или, говоря прямо, сколько стоит стимулирование рождения одного ребенка в социально благополучной семье?

Возьмем на себя смелость предложить уважаемому читателю некоторые рассуждения на этот счет.

Таблица

Исходные данные исследования для составления расчета-прогноза размера стимулирования рождения ребенка в СБС

	Все опрошенные	Категории семей по типам (уровням) благополучия-неблагополучия								Неопределенные
		ДС (СБС)	Переходные (относительно благополучные)			Неблагополучные				
						Проблемные			Кризисные	
			Полные	Западные	Детские	Парные	Детские	Тихие		
Всего опрошено	5049	691	578	1559	10	1159	33	122	357	540
% %	100	13,7	11,4	30,9	0,2	23,0	0,7	2,4	7,1	10,7
Среднее количество детей	1,7	2,3	2,4	1,4	3,3	1,4	3,3	1,4	1,4	1,3
Число членов семьи	3,4	4,3	4,4	3,4	4,3	3,4	4,3	2,4	2,4	3,0
Душевой доход, рублей	3930	4114	3051	4853	2033	3507	2732	3666	2925	3706
Кв./м жилья на чл. семьи	14,7	13,1	12,1	15,6	12,9	14,7	11,1	17,0	14,9	16,1

По данным исследования, 47% респондентов СБС указали на то, что способствовать рождению следующего ребенка в их семье могли бы достойная работа и зарплата. На этом основании мы и построим первый вариант расчета затрат на стимулирование рождения ребенка в условиях семейного благополучия.

По достойной работе — вопрос отдельный, и о нем несколько далее. Что же касается достойной зарплаты, то мы будем полагать, что это такой минимальный уровень доходов, который позволяет обеспечивать качество питания семьи в промежутке (на соответствующей шкале данных нашего исследования) от «досыта» до «досыта и вкусно». В УрФО на момент опроса это душевой доход в «вилке» от 3457 рублей в месяц (указавших, что они едят «досыта») до 5250 рублей в месяц (у питающихся «досыта и вкусно»). Средний доход составляет по этим двум группам $((3457 + 5250) / 2)$ около 4350 рублей. *Напомним, что все расчеты ведутся на момент анкетирования — а это первая половина 2006 года.*

Численность средней уральской семьи по опросу — 3,4 человека (1,7 родителей плюс 1,7 детей). Это значит, что «достойный» семейный бюджет должен составлять **в среднем на уральскую семью на момент опроса** $(4350 * 3,4 =)$ **14790 рублей.**

Средний душевой доход по опросу составил 3930 рублей; разница с «достойным» (4350) составляет 420 рублей. Тогда размер необходимой месячной компенсации для семьи до «достойного» уровня составляет $(420 * 3,4 =)$ **1428 рублей.** Рождение ребенка (увеличение числа членов семьи с 3,4 до 4,4) требует еще **4350 рублей** для поддержания «приемлемого» уровня жизни (питания в диапазоне от «досыта» до «досыта и вкусно»); итого расчетный размер месячной компенсации составляет $(4350 + 1428 =)$ **5778 рублей**; в год около **70 тысяч рублей.** Поскольку ребенка нужно растить, то выплаты должны идти несколько лет: если **три года**, то общая проектно-расчетная сумма компенсации укладывается в **210 тысяч рублей**, что меньше известных 250.000 рублей «материнского капитала» в 2006 году; если **3,5 года**, то почти как раз эта сумма.

Второй вариант расчета составлен на основе данных по имущественной обеспеченности респондентов. Стоимость имущества средней уральской семьи составляет (на 2006 год) примерно **два миллиона рублей**: она складывается из стоимости 50 кв./метров жилья по 20 тыс. рублей за метр (итого один миллион) и примерно столько же стоит «начинка» (мебель, бытовая техника, одежда, драгоценности, сбережения и т.д.).

Соответственно, стоимость имущества одного члена семьи в средней семье составит $(2000000 / 3,4 =)$ 600.000 рублей. Рождение следующего ребенка *теоретически* требует материальной компенсации на эту сумму. Это в два с лишним раза больше «материнских» 250 тысяч; с другой стороны, ребенок ведь еще маленький, зачем ему столько... В общем, есть вопрос.

Третий вариант расчета составлен на основе данных по обеспеченности жильем СБС. Расчетная стоимость стимулирования рождения ребенка тогда составит стоимость 13 м/кв. по 20 т. р. за метр; это составит 260 тысяч рублей.

Четвертый вариант расчета составлен на основании того, что 24% респондентов СБС готовы обсуждать возможность рождения-усыновления в обмен на гарантии бесплатного обучения ребенка в вузе. На момент опроса *средняя* годовая стоимость обучения в вузах УрФО — 30–45 тыс. руб.; соответственно, пятилетнее обучение (с 10–20-ю процентами накладных расходов) укладывается в 250 тысяч.

Итак, расчет-прогноз, выполненный в нескольких независимых вариантах, показывает возможность реализации стимулирования рождения ребенка в условиях семейного благополучия в пределах планируемых затрат в 250 тысяч рублей на одного ребенка.

И тут мы полагаем остро необходимым одно небольшое «лирическое отступление». У думающего читателя сразу возникает вопрос: почему Вы считаете, что эти 250 тысяч у Вас будут работать, если сегодня они по России практически не работают (об этом говорят как независимые эксперты, так и сами демографические результаты)? Попытаемся ответить на этот вопрос. Сначала — почему эти деньги не работают (в ситуации 2006 года)?

Во-первых, эти 250 тысяч выдаются без учета реальной «стоимости жизни» на территории. Между тем, стоимость жизни в крупном городе на порядок выше стоимости жизни на селе; и один и тот же социальный эффект, который в «центре» стоит миллион, «в глубинке» стоит в десять раз меньше.

Во-вторых, эти деньги выдаются «потом», через три года, а рожаящим они нужны сейчас.

В-третьих, деньги выдаются «огульно», без учета особенностей потребности рожаящих; статьи же их использования крайне ограничены.

В-четвертых, деньги выдаются рожаящей женщине, а не в семью: в итоге, они провоцируют рост числа «матерей-одиночек» (так это называлось еще совсем недавно): о социальных последствиях такой рождаемости специалисты осведомлены очень хорошо.

В-пятых, деньги выдаются фактически вне зависимости от результатов социализации; в результате для семейного благополучия в России проку от них.....

А теперь почему мы считаем, что эти деньги могут-таки начать эффективно работать и как это возможно. А это становится возможным, если *перейти от огульного и абстрактного обеспечения «материнским капиталом» всех подряд женщин и «потом» к конкретному и персональному стимулированию социально благополучной семьи и сейчас.*

Это совсем не означает, что надо отменять закон о «материнском капитале»: пусть он себе работает. Его просто надо дополнить нормами, позволяющими использование данных средств для *прямого стимулирования* рождаемости.

И тогда при обеспечении вышеуказанного размера финансирования появляется реальная возможность обеспечить в течение трех-четырех лет переход от депопуляции к расширенному воспроизводству населения в условиях семейного благополучия. Назовем это «Программа ДС (СБС)».

Прикладная социальная технология управления процессами семейного благополучия в этом случае выглядит следующей.

1. Местом аккумулирования средств и источником финансирования Программы СБС является Фонд развития семейного благополучия (далее Фонд; название условное). Без создания такого Фонда эффективная реализация Программы представляется весьма проблематичной.

2. Стартовый капитал Фонда формируется преимущественно из *небюджетных* средств на основе принятого Управляющим Советом Фонда решения о размерах годовой Программы по стимулированию рождаемости-усыновления плюс затраты на подготовительные мероприятия (разработка Устава, Типового договора о сотрудничестве «Фонд — СБС», юридическое сопровождение, социологический мониторинг и т.д.).

3. Федеральный, региональный и местный бюджеты могут принять долевое участие в финансировании деятельности Фонда с соответствующим соучастием в его управлении.

4. Представляется целесообразным разработка и принятие пакета местных нормативных (законодательных) актов правового обеспечения Программы СБС; их набор зависит от выбранного организаторами Программы направления.

5. Для участия в Программе СБС подготовленными специалистами (педагогами дошкольного и начального школьного образования, психологами, социальными работниками) производится отбор семей-партнеров Фонда, непосредственно осуществляющих воспроизводство населения в условиях семейного благополучия.

6. Фонд от своего имени с каждой семьей отдельно проводит переговоры и расчет материально-ресурсного обеспечения стимулирования рождаемости и усыновления (на основе предварительно проведенных результатов расчета средних условий на территории и определенных соответствующей комиссией Фонда особенностей потребностей данной семьи); они завершаются заключением (или не заключением) соответствующего Договора. Условия Договора представляют коммерческую тайну.

То есть, Фонд *напрямую договаривается с каждой социально благополучной семьей об условиях стимулирования рождения (усыновления) в ней следующего ребенка.* Эти условия будут обсуждаться с каждой семьей в зависимости от *ее потребностей и расчетной стоимости*

стимулирования. Отсюда понятно, что в разных случаях и для разных территорий сумма договора будет разной — но в заранее установленных Фондом пределах. То есть, в принципе, на 250 тысяч рублей возможно стимулирование не одного, а двух и более рождений в СБС. Как шутят свердловчане: «На Урале три дыры: Шали, Гари, Таборы». И вполне реально, что, например, в Шалинском МО Свердловской области на 250 тысяч рублей мы договоримся на двух — трех детей в условиях семейного благополучия.

В итоговом варианте просматривается следующее содержание Программы СБС по основным разделам:

1. «Возрождение»: стимулирование рождаемости в семьях, сформировавших у себя модель благополучного семейного поведения.

2. «Любовь и защита»: организация и поддержка опекунов или усыновления детей, оставшихся без попечения родителей, в благополучных семьях, не могущих больше иметь своих детей по медицинским показаниям или иным уважительным причинам.

3. «Опора нации»: разносторонняя поддержка семей, несущих полную демографическую нагрузку и при этом растящих детей в условиях «семейного лада».

4. «Антология семейного благополучия»: глубокий научный анализ оснований семейного благополучия и пропаганда и распространение «передового опыта».

5. «Порядочность и ответственность»: развитие, поддержка и пропаганда практики приема на престижную работу супругов и детей из социально благополучных семей.

6. «Золотой семейный фонд»: формирование базы данных о СБ-семьях с последующим их социальным сопровождением.

7. «Семья — фундамент общества»: отработка механизмов формирования положительного общественного мнения вокруг программ и мероприятий социального семейного благополучия, формирование престижа социально благополучной семьи.

В содержательном плане «опорными» мероприятиями по данным подпрограммам просматриваются следующие.

1. «Возрождение»

1.1. Отбор СБ — семей для участия в программе.

1.2. Совершенствование нормативно-правовой базы.

1.3. Мониторинг по подпрограмме.

2. «Любовь и защита»

2.1. Отбор семей для участия в программе.

2.2. Совершенствование нормативно-правовой базы.

2.3. Мониторинг по подпрограмме.

3. «Опора нации»

3.1. Социальное сопровождение СБС через социальное патронирование (анализ потребностей данных семей и возможностей их удовлетворения).

3.2. Совершенствование нормативно-правовой базы.

3.3. Мониторинг по подпрограмме.

4. «Антология семейного благополучия»

4.1. Организация и проведение глубоких исследований оснований «семейного лада» в СБ — семьях.

4.2. Разработка форм и методов пропаганды и распространения «передового опыта» СБС.

5. «Поряdochность и ответственность».

5.1. Формирование базы данных о потребностях родителей СБС по улучшению условий и содержания их труда и их профессиональной квалификации.

5.2. Пропаганда подпрограммы среди (и сбор заявок от) работодателей.

5.3. Анализ возможностей и создание соответствующих рабочих мест.

5.4. Организация (при необходимости) бесплатной профессиональной переподготовки родителей-супругов СБС.

6. «Золотой семейный фонд».

6.1. Создание базы данных о физически здоровых роженицах и здоровых новорожденных в СБ-семьях с адресами и телефонами.

6.2. Создание базы данных о педагогически благополучных семьях.

6.3. Создание базы данных о СБ-работниках-родителях.

6.4. Анализ собираемой информации и использование ее в различных подпрограммах и мероприятиях ПСБО.

7. «Семья — фундамент общества».

7.1. Конкурс на лучшее освещение в СМИ и других мероприятиях культурной и духовной сферы (театральные постановки, документальное кино и т.д.) жизнедеятельности СБС и ее окружения («жизненного мира»).

7.2. Разработка сценариев и проведение соответствующих шоу-программ.

7.3. Создание условий эффективного использования свободного времени и совместного времяпрепровождения СБС.

7.4. Мониторинг общественного мнения по проблемам СБС.

Заключение

Еще раз и особо хочется отметить, что реализация данной программы с наибольшей социальной и экономической эффективностью ожидается *в сельской местности и на депрессивных территориях*: во всяком случае, на начальной стадии. Она заметно повысит экономическую и хозяйственную активность на данных территориях, поскольку домохозяйства с большим количеством детей и позитивным жизненным настроем всегда отличаются повышенной эффективностью функционирования.

Если мы в России в предстоящий краткий временной период не запустим программу СБС, нас в обозримом будущем ожидают очень серьезные проблемы с национальной безопасностью, территориальной целостностью и культурной самобытностью, поскольку субъект данных отношений, каковым является население РФ, в течение ближайших двух-трех десятков лет «скукожится» до такого предела, за которым уже будет не состоянии поддерживать свою самодостаточность. Достигнутые на сегодня показатели повышения рождаемости и снижения смертности являются настолько «мизерными» на фоне уже произошедших и еще предстоящих потерь населения России, что говорить о них как о «достигнутых значительных результатах» и «реальных положительных тенденциях», по меньшей мере неприлично, а уж по большейпросто неприлично печатно воспроизвести то слово, которое это обозначает.

Очень хотелось бы увидеть, как мы становимся великой нацией. У нас для этого сегодня есть всё — за одним «маленьким» исключением: скоро не останется эффективного населения.

Проведенное исследование показало, что сегодняшнее «качественное репродуктивноспособное» население готово откликнуться на *внятные* предложения со стороны общества и государства. Вот только кто из «высоких фигурантов» возьмет на себя смелость их произнести и «раскрутить» на соответствующем уровне...

Поживем — увидим...

P.S. Чем меньше шума, пиара и политической трескотни будет вокруг деятельности Фонда СБС, тем эффективнее он будет работать (если он вообще когда-нибудь возникнет).

Библиографический список

1. Азарков С. Т. Дисгармоничный брак // Социол.исслед. 1987. № 4.
2. Азаров Ю. П. Семейная педагогика. М., 1982.
3. Айвазян С. А. Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения. // Социол.исслед. 2001. № 4.
4. Алексеева В. Г. Семья как фактор стабилизации кадров // Социол.исслед. 1983. № 2.
5. Андреенкова А. В. Представительство женщин в парламентах России и Украины: опыт социологического анализа // Социол.исслед. 2000. № 11.
6. Антонов А. И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М., 1998.
7. Антонов А. И. Семейная дезорганизация. М., 1990.
8. Антонов А. И. Семейная политика как объект исследования // Вестник РАН. 1995. № 3.
9. Антонов А. И. Социология рождаемости. М., 1980.
10. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М., 1996.
11. Антонов А. И., Медков В. М., Архангельский В. Н. Демографические процессы в России XXI века. М., 2002.
12. Антонов А. И., Сорокин С. А. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М., 2000.
13. Аргайл М. Психология счастья. М., 1991.
14. Артюхов А. В. Государственная семейная политика и ее особенности в России // Социол. исслед. 2002. № 7.
15. Архангельский В. Н., Кучмаева О. В. Личность, семья, общество: взаимодействие в современных условиях//Семья в России. 1996. № 2.
16. Архипова Л. В. Актуальность и социальное значение службы семьи / Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования семейно-брачных отношений в условиях развитого социализма (тезисы докладов и выступлений участников областной научно-практической конференции). Челябинск, 1985.
17. Асосков Е. А. Укрепление семьи как направление деятельности партийного комитета // Социол. исслед. 1985. № 2.
18. Афонина Н. А. Некоторые медико-биологические аспекты семейно-брачных отношений / Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования семейно-брачных отношений в условиях развитого социализма (тезисы докладов и выступлений участников областной научно-практической конференции). Челябинск, 1985.
19. Афсахов И. А. Отношение человека к здоровью // Социол. исслед. 1992. № 5.

20. Ачильдиева Е. Ф. Городская многодетная семья // Социол. исслед. 1990. № 9.
21. Баранова Д. В. Семья в свете синергетической теории. Возрождение России: общество — образование — культура — молодежь. Вып. 2. Екатеринбург, 2000.
22. Барсуков С. Ю. Модели успеха женщин советского и постсоветского периодов: идеологическое мифотворчество // Социол. исслед. 2001. № 2.
23. Батыгин Г. С. Социальные показатели и системные описания // Социол.исслед. 1985. № 4.
24. Батыгин Г. С., Иллнер М., Форет М. Социальные показатели. Методология, источники, использование // Социол. исслед. 1982. № 3.
25. Батыгин Г. С., Щелкин А. Г. «Движение за социальные показатели»: проблемы и противоречия // Социол. исслед. 1980. № 1.
26. Белоусова И. С., Костин А. А. Трудовой коллектив и семья: проблемы стабилизации / в кн. Предприятие и семья: проблемы сотрудничества / Тезисы докладов областной научно-практической конференции. Челябинск, 1989.
27. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М., 1989.
28. Берто Д., Бето-Вьям И. Семейное владение и семья // Социол. исслед. 1992. № 12.
29. Бестужев-Лада И. В. О методологии анализа и прогноза образа жизни // Социол. исслед. 1975. № 1.
30. Бестужев-Лада И. В. Ступени к семейному счастью. М., 1988.
31. Бестужев-Лада И. В. Опыт типологии социальных показателей образа жизни общества // Социол. исслед. 1980. № 2.
32. Бестужев-Лада И. В. Основные этапы разработки прогнозов // Социол. исслед. 1982. № 1.
33. Бестужев-Лада И. В. Прогнозирование образа жизни // Социол. исслед. 1974. № 2.
34. Бестужев-Лада И. В. Социальные показатели здоровья населения // Социол. исслед. 1984. № 4.
35. Бестужев-Лада И. В. Социальный прогноз и социальное нововведение // Социол. исслед. 1990. № 8.
36. Бигулов В. Х., Крыштановский А. О., Мичурин А. С. Материальное благосостояние и социальное благополучие: опыт построения индексов и анализ взаимосвязи // Социол. исслед. 1984. № 4.
37. Бляхман Л. А. Свободное время и культурно-досуговая деятельность семьи / В кн.: Трудовой коллектив и семья: реализация активной социальной политики: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Б. С. Павлов, Т. А. Ишутина. Екатеринбург: УрО РАН, 1992.
38. Бобков В., Мстиславский П. Качество жизни: сущность и показатели // Человек и труд, 1996. № 6.

39. Богданова Л. Л., Щукина А. С. Гражданский брак в современной демографической ситуации // Социол. исслед. 2003. № 7.
40. Бодрова В. В. Репродуктивное поведение как фактор депопуляции в России // Социол. исслед. 2002. № 6.
41. Божков О. Б., Голофаст В. Б. Разделение труда в городской семье // Социол. исслед. 1986. № 4.
42. Бокль Г. Т. История цивилизаций. Т.1. История цивилизации в Англии. М., 2000.
43. Болгов В. И. О показателях развития культуры // Социол. исслед. 1983. № 1.
44. Большая Советская энциклопедия. М., 1969–1988 в.
45. Большой толковый словарь русского языка. СПб, 1998.
46. Борисов А. В. и др. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М., 1995
47. Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М., 1976.
48. Брова С. В., Закамалдина В. А. Студенческая семья в системе социальной политики КПСС / Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования семейно-брачных отношений в условиях развитого социализма (тезисы докладов и выступлений участников областной научно-практической конференции). Челябинск, 1985.
49. Бургучева Н. А. Опыт партийного руководства деятельностью общественных организаций и государственных учреждений по дальнейшему развитию семейно-брачных отношений / Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования семейно-брачных отношений в условиях развитого социализма (тезисы докладов и выступлений участников областной научно-практической конференции). Челябинск, 1985.
50. Буянов М. И. Ребенок из неблагополучной семьи. М., 1992.
51. Васильева Э. К. Семья в социалистическом обществе. М., 1985.
52. Васильева Э. К. Семья и ее функции. М., 1975.
53. Васильченко Г. С., Решетняк Ю. А. Брачный клиринг // Вопросы кибернетики, 1978. Вып.28.
54. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. Сост. Ю. Н. Давыдов. М., 1990.
55. Вийес А. Р., Рутгайзер В. М., Сыроеждин И. М. Динамический норматив — обобщающая оценка развития социальной инфраструктуры. // Социол. исслед. 1982. № 4.
56. Витек К. Проблемы супружеского благополучия / Пер. с чеш. М., 1987.
57. Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976.
58. Вишневский А. Г. Страсть и супружество // Социол. исслед. 1986. № 2.

59. Волжина О. И. Научно-исследовательская подпрограмма «Семья»: перспективы развития // Семья в России, 1995. № 3–4.
60. Волжина О. И. Статус семьи: социальная и индивидуальная оценка // Семья в России, 2002. № 3.
61. Волков А. Г. Семья — объект демографии. М., 1986.
62. Волков К. Н. О времени, детях и о семье. М., 1971.
63. Вольфсон С. Я. Семья и брак в их историческом развитии. М., 1987.
64. Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М., 1972.
65. Воронина О. А. Женщина в «мужском» обществе // Социол. исслед. 1988. № 2.
66. Гаврилов Н. А. Любовь, семья, долг. М., 1988.
67. Гайдис В. А., Рапопорт С. С., Турейките Д. П. Объект анализа — письма участников эксперимента в редакцию журнала «Шейма» // Социол.исслед. 1986. № 1.
68. Гаспарян Ю. А. Семья на пороге XXI века (социологические проблемы). СПб, 1999.
69. Гвоздева Е. С., Герчиков В. И. Штрихи к портрету женщин-менеджеров // Социол.исслед. 2000. № 11.
70. Гегель Г. В. Ф. Сочинения, т. V. М., 1937.
71. Гегель Г. В. Ф. Философия духа / Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977.
72. Гиллер Ю. И. Социальный престиж брака и проблемы создания семьи / Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования семейно-брачных отношений в условиях развитого социализма (тезисы докладов и выступлений участников областной научно-практической конференции). Челябинск, 1985.
73. Говако Б. И. Студенческая семья. М., 1988.
74. Голенкова З. Т., Покровская М. В. Социальное развитие социалистического общества // Социол.исслед. 1983. № 3.
75. Голод С. И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб, 1996.
76. Голод С. И. Моногамная семья: кризис или эволюция // Социально-политический журнал. 1995. № 6.
77. Голод С. И. Стабильность семьи: социологические и демографические аспекты. Л., 1984.
78. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб, 1998.
79. Голод С. И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3–4.
80. Городская и сельская семья. М., 1987.

81. Гребениченко Д. Х., Гребениченко С. Ф. Потребительские настроения: долгая дорога в Россию // Социол. исслед. 1998. № 2.
82. Гребенников И. В. Основы семейной жизни. М., 1991.
83. Груздева Е. Б., Черпекина Э. С. Профессиональная занятость женщин в СССР и оплата их труда // Рабочий класс и современный мир. 1986. № 3.
84. Грузденко Ф. Е. Статистика семьи со времен Сталина // Отечественные архивы. 1996. № 2.
85. Гумницкий Г. Н. Смысл жизни, счастье, мораль. М., 1981.
86. Гундаров И. А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М., 2001.
87. Гурко Т. А. Трансформация института современной семьи // Социол. исслед. 1995. № 10.
88. Гурко Т. А. Вариативность представлений в сфере родительства // Социол. исслед. 2000. № 11.
89. Гурко Т. А. Удовлетворенность браком как показатель супружеских отношений // Семья и социальная структура. М.: ИС АН СССР, 1987.
90. Гурьев В., Зайцева А. Стоимость жизни, прожиточный минимум, инфляция (методология и анализ). // Вестник статистики, 1990. № 6.
91. Гэлбрэйт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969.
92. Давиташвили Л. Ш. Теория полового отбора. М., 1961.
93. Давыдов Ю. Н. Семья и страсть // Социол. исслед. 1985. № 3.
94. Дармодехин С. В. Государственная семейная политика: принципы формирования и реализации // Семья в России. 1995. № 3–4.
95. Дармодехин С. В. О состоянии и перспективах развития государственной семейной политики // Семья в России. 2003. № 3.
96. Дарский Л. Е. Формирование семьи. М., 1972.
97. Дементьева И. Ф. Первые годы брака. М., 1991.
98. Дементьева И. Ф. Российская семья: проблемы воспитания. М., 2000.
99. Демидов А. М. Неполная семья: опыт исследования финских социологов // Социол. исслед., 1985, № 3.
100. Демографический потенциал России // Аналитические обозрения, ЦКСИиМ, серия «социология». 1996. Вып. 5–6.
101. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
102. Добровольская Н. А., Шабалина Н. Б. Как живет семья с нетрудоспособным? // Социол. исслед. 1994. № 8–9.
103. Доклад о состоянии и тенденциях демографического развития Российской Федерации: региональный аспект. М., 2002.
104. Докторов Б. З. Повышение возврата анкет при почтовом опросе // Социол. исслед. 1981. № 3.
105. Докторские диссертации по социологии, утвержденные в 2003 г. // Социол. исслед. 2004. № 7.

106. Долгова Т. П. Симонова Е. В. Проблемы комплексного изучения семьи // Социол. исслед. 2000. № 4.
107. Дубинин Н. П. Социальное и биологическое в современной проблеме человека // Вопр. философии. 1972. № 3.
108. Дюркгейм Э. Самоубийство: социальный этюд / Пер. с фр., под ред. В. А. Базарова. М., 1994.
109. Елизаров В. В. Демографическая ситуация и проблемы семейной политики // Социол. исслед. 1998. № 2.
110. Елизаров В. В. Перспективы исследования семьи: анализ, моделирование, управление. М., 1987.
111. Жвинклене А. Семейная интеграция как объект исследования // Социол. исслед. 1987. № 1.
112. Железко С. Н., Чирикова А. Е. Опыт построения системы показателей социального развития отрасли // Социол. исслед. 1982. № 3.
113. Женщины в СССР: цифры и факты. М., 1985.
114. Жилина Л. Н., Соколов В. М. Проблемы формирования разумных потребностей в материальных благах(социологический аспект) // Социол.исслед. 1980. № 1.
115. Жуков В. И. Потенциал человека: индекс социального развития // Семья в России. 1996. № 1.
116. Зайченко А. С. США-СССР: личное потребление (некоторые сопоставления) // США: экономика, политика, идеология. 1988. № 12.
117. Заостровцев А. П. Социология семьи // Социально-политический журнал. 1993. № 9–10.
118. Захаров С. В., Иванова Е. И. Рождаемость и брачность в России // Социол. исслед. 1997. № 7.
119. Захарова Е. Р. Демографический кризис в России: уроки истории, проблемы и перспективы. М., 1997.
120. Зацепин В. И. Молодая семья. Киев, 1991.
121. Зборовский Г. Е. Образ жизни при социализме: противоречия и пути разрешения. / В сб. 27 съезд КПСС и проблемы развития советской социологии /Шестые уральские социологические чтения / Тезисы докладов. Челябинск, 1986.
122. Зборовский Г. Е. Общая социология. Курс лекций. 2-е изд. Екатеринбург, 1999.
123. Зверева Н. В. Влияние дохода и размера семьи на ее потребление в современной России // Семья в России. 1996. № 1.
124. Звидриньш П. П., Эзера Л. Р. Социально-демографический состав неполных семей // Социол.исслед. 1987. № 3.
125. Здравомыслова О. М., Арутюнян М. Ю. Российская семья на европейском фоне. М., 1998.
126. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социол. исслед. 2000. № 11.

127. Зоркова Н. А., Насырова Т. П. Возможности активизации производственной деятельности семейных работников / В кн.: Трудовой коллектив и семья: реализация активной социальной политики: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Б. С. Павлов, Т. А. Ишутина. Екатеринбург, 1992.
128. Зубкова Е. М. Совершенствование социалистического быта как фактор развития личности // Науч. коммунизм. 1988. № 1.
129. Зуйкова Е. М. Быт и бытовые отношения при социализме. М., 1986.
130. Иванов В. Н. Социальные технологии в современном мире // Славянский диалог. М., 1996.
131. Иванов В. Н., Патрушев В. И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. — 2-е изд., перераб и доп. М., 2001.
132. Иванов Е. А. Повышение уровня жизни народа в двенадцатой пятилетке: цифры и факты. Справ изд. М., 1987.
133. Иванова А. Е. Прогноз здоровья взрослого населения России // Социол. исслед. 1992. № 9.
134. Иванова В. Ф. Роль промышленного предприятия в оптимизации хозяйственно-бытовой деятельности рабочей семьи / Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования семейно-брачных отношений в условиях развитого социализма (тезисы докладов и выступлений участников областной научно-практической конференции). Челябинск, 1985.
135. Иванова В. Ф., Козлов В. Н., Павлов Б. С. Семья на среднем Урале: концепция и прогноз развития. Екатеринбург — Челябинск, 1992.
136. Иллнер М. Функциональные типы показателей в социальном управлении // Социол. исслед. 1983. № 4.
137. Исупова О. П. Социальный смысл материнства в России // Социол. исслед. 2000. № 11.
138. Ишутина Т. А. Развитие семейного подряда на селе: опыт 1987–1989 гг. / В кн.: Трудовой коллектив и семья: реализация активной социальной политики: Сб. науч. трудов/ Отв. ред. Б. С. Павлов, Т. А. Ишутина. Екатеринбург: УрО РАН, 1992.
139. Капранов В. А. Нравственный смысл жизни и деятельности человека. М., 1981.
140. Капустин Б. Г. Новые тенденции в социологии развития // Социол. исслед. 1983. № 1.
141. Карелова Г. Н. Права российских детей должны быть защищены законом // Регион-Урал. 1998. № 9.
142. Карлсон А. Сквозь десятилетия: тревожный путь семьи. 1945-1990. И дальше, дальше // Вестник МГУ, серия 18. 1997. № 3.
143. Карцева Л. В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социол. исслед. 2003. № 7.

144. Кишинец В. М. Количественные характеристики устойчивости брака // Социол. исслед. 1982. № 1.
145. Клемантович И. Современная семья: структура, специфика, воспитательные возможности // Воспитание школьников, 1998. № 4.
146. Климов Б. П. Об опыте применения «гибкого» графика работы для женщин-работниц, имеющих малолетних детей // Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования семейно-брачных отношений в условиях развитого социализма (тезисы докладов и выступлений участников областной научно-практической конференции). Челябинск. 1985.
147. Клюшин С. Ф. Развитие форм семейного отдыха // Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования семейно-брачных отношений в условиях развитого социализма (тезисы докладов и выступлений участников областной научно-практической конференции). Челябинск, 1985.
148. Ковалев В. Н. Социология социальной сферы. М., 1993.
149. Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / Пер. с фр., под ред. М. О. Косвена. М., 1939.
150. Ковалевский М. Понятие генетической социологии и ее метод. Соч. в 2-х томах. Т. 1. М., 2000.
151. Ковалевский М. Генетическая социология, или Учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности. / Социология. Т. 2. СПб, 1910.
152. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984.
153. Коган Л. Н., Вишневский Ю. Р. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск, 1972.
154. Козина И. М. Что определяет статус кормильца семьи // Социол. исслед. 2000. № 11.
155. Козлов В. И. Некоторые проблемы теории нации // Вопр. истории. 1967. № 1.
156. Козлов В. Н., Павлов Б. С. Завод и семья: грани сотрудничества. Челябинск, 1989.
157. Козлов В. Н., Павлов Б. С. Семья на Южном Урале: опыт социологического анализа ретроспективы и прогноза. АН СССР, Уральское отделение, Академэкоцентр / Екатеринбург — Челябинск, 1992.
158. Козлов В. Н., Павлов Б. С. Семья и трудовой коллектив: грани социально-экономического сотрудничества/ В кн.: Трудовой коллектив и семья: реализация активной социальной политики: Сб. науч. трудов/ Отв.ред. Б. С. Павлов, Т. А. Ишутина. Екатеринбург, 1992.
159. Козлов Н. И. Как относиться к себе и людям. М., 1996.
160. Кокарева Т. П. Семейный досуг как сфера развития духовных потребностей // Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования семейно-брачных отношений в условиях развитого социализма

- (тезисы докладов и выступлений участников областной научно-практической конференции). Челябинск, 1985.
161. Колмогорцева Н. Ф. Деятельность отдела ЗАГС горисполкома по пропаганде демографической политики КПСС, организации семейных торжеств и праздников / Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования семейно-брачных отношений в условиях развитого социализма (тезисы докладов и выступлений участников областной научно-практической конференции). Челябинск, 1985.
 162. Комаров В. К. О счастье и смысле жизни. Волгоград, 1966.
 163. Комаров Ю. М. Проблемы и тенденции здоровья населения России // Здравоохранение Российской Федерации. 1991. № 4.
 164. Кон И. С. Введение в сексологию. М., 1988.
 165. Кормициков В. М. Криминология семейного неблагополучия. Пермь, 1991.
 166. Корнева М. Г., Стремякова И. Р. О смысле жизни и счастье человека. М., 1974.
 167. Корнилов Г. Е. Рабочая семья на Урале в конце ХХI — начале ХХ в.: труд, быт, воспитание детей (историко-этнографический экскурс) / В кн.: Трудовой коллектив и семья: реализация активной социальной политики: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Б. С. Павлов, Т. А. Ишутина. Екатеринбург, 1992.
 168. Корняк В. Б. Углубление дифференциации социально-политического потенциала семей — зона политического риска // Семья в России. 1995. № 3–4.
 169. Корчагин В. П. Индикаторы экономико-демографического развития населения // Социол.исслед. 1996. № 9.
 170. Коссов В. В. Динамика качества жизни в субъектах Российской Федерации и направленность социальной политики // Мир России, 2001. № 2.
 171. Кравченко А. И. Социология: Слов. М., 1997.
 172. Краева Л. Семья в Восточной Словакии // Социол. исслед. 2003. № 7.
 173. Краснова О. В. Бабушки в семье // Социол. исслед. 2000. № 11.
 174. Краткий словарь по социологии М., 1988.
 175. Крупенко М., Кукса Л., Краснова Н., Зябрева Л. Семья как фактор национального возрождения России // Семья в России. 1996. № 2.
 176. Крупская Н. К. О воспитании в семье. М., 1962.
 177. Кузьмин А. И. Демографическая политика предприятия / В кн.: Трудовой коллектив и семья: реализация активной социальной политики: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Б. С. Павлов, Т. А. Ишутина. Екатеринбург: УрО РАН, 1992.
 178. Кузьмин А. И. Семья на Урале: демографические аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург, 1993.

179. Кузьмин А. И., Ободяников Е. З. Социальные и демографические проблемы семьи бизнесмена. Екатеринбург, 2002.
180. Кули Ч. Первичные группы / В кн.: Американская социологическая мысль (Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц.) Тексты / под ред. В. И. Добренкова. М., 1994.
181. Култыгин В. П. Классическая социология. М., 2000.
182. Кусаинов Ш. К. Из опыта работы по стабилизации брачных отношений // Социол. исслед. 1980. № 1.
183. Кусов А. Ф., Кусов Д. А. Моделирование жизнедеятельности семьи // Семья в России. 1996. № 2.
184. Кутарева Н. М. Организация бытовых служб и услуг на предприятии / В кн.: Трудовой коллектив и семья: реализация активной социальной политики: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Б. С. Павлов, Т. А. Ишутина. Екатеринбург: УрО РАН, 1992.
185. Кутелия Б. Н. Структурные изменения в уровне жизни россиян // Социол. журн. 1996. № 3–4.
186. Кутырев Б. П. Социальная «фотография» или социальное управление? // Социол. исслед. 1983. № 1.
187. Латышев И. А. Семейная жизнь японцев. М., 1985.
188. Ле Пле Ф. Основная конституция человеческого рода. М., 1897.
189. Левада Ю. От мнения к пониманию. Социологические очерки. М., 2000.
190. Левашов В. К. Динамика социально-политической ситуации в России: опыт социологического мониторинга // Социол. исслед. 1997. № 11.
191. Леденева А. В. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.
192. Лесгафт П. Ф. Семейное воспитание ребенка и его значение. М., 1991.
193. Либина А., Либин А. Уроки для семейных скандалистов: (О психологии поведения в семье) // Семья и школа. 1996. № 7.
194. Лисовский В. Т. Любовь и нравственность. Л., 1985.
195. Лисовский В. Т. «Отцы и дети»: за диалог в отношениях // Социол. исслед. 2002. № 7.
196. Логинов А. А. Интимная жизнь в браке: психогигиена и культура. М., 1988.
197. Локосов В. В. Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития // Социол. исслед. 1998. № 4.
198. Лоскутов В. А. Историческая природа марксизма. Свердловск, 1990.
199. Майер В. Ф. Уровень жизни населения СССР. М., 1977.
200. Майер В. Ф., Рутгайзер В. М., Зубова Л. Г., Веретенников В. Г., Кунельский Л. Э. К вопросу о показателях социального развития в государственных планах СССР // Социол. исслед. 1981. № 4.

201. Малярова Н. В. Особенности социологического анализа семейных конфликтов // Социол. исслед. 1984. № 1.
202. Мансуров Н. С. Касумов Т. К. Методологические проблемы изучения социалистического образа жизни. Философские науки. 1975. № 6.
203. Маркович Д. Ж. Глобальные проблемы и качество жизни // Социол. исслед. 1998. № 4.
204. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 42.
205. Материалы 26 съезда КПСС, М., 1981.
206. Материалы 27 съезда КПСС, М., 1986.
207. Мацковский М. С. Опыт разработки и использования тематического рубрикатора по социологии семьи // Социол. исслед. 1982. № 4.
208. Мацковский М. С. О систематизации понятийного аппарата социологии семьи // Социол. исслед. 1987. № 1.
209. Мацковский М. С. Российская семья в изменяющемся мире // Семья в России. 1995. № 3–4.
210. Мацковский М. С. Семья в кризисном обществе. М., 1995.
211. Мацковский М. С. Социология семьи. М., 1989.
212. Мацковский М. С. Тенденции развития брачно-семейных отношений в СССР / Молодожены. Под ред. Д. И. Валентей. М., 1985.
213. Мацковский М., Бодрова В. Ценность семьи в сознании различных слоев населения // Семья в России. 1995. № 3–4.
214. Медведев Г. П., Надъярный А. В. В семье растут дети: раздумья о воспитании. Челябинск, 1986.
215. Мекеров И. П., Кузьмин А. И. Влияние социально-экономических факторов и нестабильности брака на репродуктивное поведение семьи // Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования семейно-брачных отношений в условиях развитого социализма (тезисы докладов и выступлений участников областной научно-практической конференции). Челябинск, 1985.
216. Меньшутин В. П. В помощь молодой семье: записки психолога. М., 1987.
217. Меренков А. В., Рыбцова Л. Л., Кольцова В. А. Семейное воспитание: кризис и пути его преодоления. Екатеринбург, 1997.
218. Метелкин В. М. Опыт работы партийных организаций города по укреплению семьи и повышению ее воспитательной роли // Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования семейно-брачных отношений в условиях развитого социализма (тезисы докладов и выступлений участников областной научно-практической конференции). Челябинск, 1985.
219. Мещеряков В. Демографическая ситуация в России // Вестник аналитики. 2001. № 3.

220. Миллер Г. Индивидуум как система, перерабатывающая информацию / Концепции информации и биологические системы. М., 1966.
221. Минаева Н. С. Трудовой коллектив и семья: некоторые аспекты функционирования политической культуры / В кн.: Трудовой коллектив и семья: реализация активной социальной политики: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Б. С. Павлов, Т. А. Ишутина. Екатеринбург, 1992.
222. Мокеров И. П., Кузьмин А. И. Экономико-демографическое развитие семьи. М., 1989.
223. Моор С. М. Женщина как объект гендерных исследований (социально-экономические аспекты). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. Тюмень, 2000.
224. Моор С. М. Женщина на пороге XXI века: гендерные исследования социально-экономических проблем. Тюмень, 1999.
225. Мосоров А. М. Социальная справедливость: нравственный аспект. М., 1987.
226. Население России на рубеже XX–XXI веков: проблемы и перспективы / Под ред. В. А. Ионцева, А. А. Саградова. М., 2002.
227. Некоторые результаты социологического исследования проблем развития семьи в Челябинской области: делегату XXV областной отчетно-выборной партийной конференции / (А. А. Костин, В. Н. Козлов, Б. С. Павлов). Челябинск, 1988.
228. Немировский Д. Э. Что думают женихи и невесты о будущей семейной жизни // Социол. исслед. 1986. № 1.
229. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Издание десятое. М. 1973.
230. Очерк теории социализма (отв. ред. Смирнов Л. Г.) М., 1989.
231. Обозов Н. Н. Межличностные отношения. Л., 1979.
232. Овсяников А. А. Рационализация потребления: типологический подход // Социол. исслед. 1987. № 4.
233. Опыт социологического исследования уровня жизни: Методологический аспект. Новосибирск, 1986.
234. Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР). М., 1980.
235. Осадчая Г. И. Социальная сфера общества: теория и методология социологического анализа. М., 1996.
236. Осинов Г. В. Россия: национальная идея и социальная стратегия. Вopr. философии. 1997. № 10.
237. Осинов Г. В., Коваленко Ю. Л., Щипанов Н. И., Яновский Р. Г. Социология. М., 1990.
238. Павлов Б. С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. М., 1984.
239. Павлов Б. С. Некоторые проблемы стабилизации молодой семьи / в кн. Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования семейно-брачных отношений в условиях развитого социализма / тезисы докладов, Челябинск, 1985.

240. Павлов Б. С. Производство человека в процессе воспроизводства общественной жизни. / В кн.: Трудовой коллектив и семья: реализация активной социальной политики: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Б. С. Павлов, Т. А. Ишутина. Екатеринбург, 1992.
241. Павлов Б. С. Социология: проблема семьи. Челябинск, 1992.
242. Павлова Е. И., Сапожникова И. В., Юдина М. А. Трудовой коллектив и здоровье семьи / В кн.: Трудовой коллектив и семья: реализация активной социальной политики: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Б. С. Павлов, Т. А. Ишутина. Екатеринбург, 1992.
243. Пажес Ж.-П. Конфликты и общественное мнение // Социол. исслед. 1991. № 10.
244. Паниотто В. И., Яковенко Ю. И. Некоторые способы совершенствования почтового опроса // Социол. исслед. 1981. № 3.
245. Пантин В. Ритмы общественного развития и переход к постмодерну // Вопр. философии. 1998. № 7.
246. Патрушев В. Д. Методика изучения бюджетов времени трудящихся. // Социол. исслед. 1980. № 1.
247. Переведенцев В. И. Молодая семья сегодня. М., 1987.
248. Петраков А. А. Демографический мир семьи. Ижевск, 1988.
249. Петрушина И. Ю. «Субъективные» индикаторы качества жизни в социологии США: обзор современных интерпретаций // Социол. исслед. 1984. № 1.
250. Платон. Соч. в 4 т. Т. 3. М., 1994.
251. Плотников В. И. Социально-биологическая проблема (материалы спецкурса). Свердловск, 1975.
252. Подростки в северном городе. Проблемы реабилитации «рудных» / Под ред. Б. С. Павлова, В. Ф. Ивановой. Екатеринбург — Надым, 1997.
253. Попов Б. Н. Социалистические преобразования семейно-брачных отношений у народов Якутии. Новосибирск, 1987.
254. Попов С. И. Проблема «качества жизни» в современной идеологической борьбе. М., 1977.
255. Прокофьев В. В. Как проводят свободное время сплоченные и конфликтные семьи // Социол. исслед. 1988. № 2.
256. Прокофьева Л. М., Валетас М. Ф. Отцы и их дети после развода // Социол. исслед. 2002. № 6.
257. Протасенко Т. З. Основные характеристики материального благосостояния (опыт выборочного обследования) // Социол. исслед. 1985. № 3.
258. Пузанов А. Качество жилья в Москве и его связь с ресурсами семей // Вопр. экономики. 1993. № 7.
259. Пуляев В. Т. Размышления о семье российской // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 6.

260. Римашевская Н. М. Каков наш уровень жизни // Аргументы и факты. 1987. № 33.
261. Родзинская И. Ю. Влияние старшего поколения на стабильность молодой семьи / в кн. Взаимоотношения поколений в семье. М., 1977.
262. Родзинская И. Ю. Материальное благосостояние и стабильность семьи // Социол. исслед. 1981. № 3.
263. Росс Дж. П. Типология образа жизни // Социол. исслед. 1981. № 4.
264. Российская социологическая энциклопедия. М., 1998.
265. Рост благосостояния и духовной культуры жителей села / Отв. ред. И. А. Андерсон. Рига, 1979.
266. Рубин Я. И. Качество населения. О сущности и структуре понятия // Социол. исслед. 1998. № 9.
267. Рубинов А. Семья, одиночество, любовь... М., 1986.
268. Рубинштейн М. Кризис семьи как органа воспитания // Вестник МГУ, серия 18. 1997. № 3.
269. Рутгайзер В. М., Спивак Е. Ю., Шмаров А. И. Социально-региональная дифференциация условий жизни населения // Социол. исслед. 1987. № 5.
270. Руткевич М. Н. О демографических факторах интеграции // Социол. исслед. 1991. № 1.
271. Руткевич М. Н. Социалистический образ жизни: качественная и количественная определенность // Социол. исслед. 1984. № 3.
272. Руткевич М. Н. Социальная справедливость // Социол. исслед. 1986. № 3.
273. Рыбцова Л. Л. Общественно-политическая активность женщин // Социол. исслед. 2001. № 3.
274. Саградов А. А. Теория и методы изучения качества населения. М., 1995.
275. Салаи А. «Качество жизни» как социологическая категория // Социол. исслед. 1982. № 2.
276. Самарцева О. К., Фомина Т. А. Мужчина и женщина: менеджмент в сфере бизнеса // Социол. исслед. 2000. № 11.
277. Северина А. Ф., Заикина Г. А. Служба семьи и вопросы ее дальнейшего совершенствования // Социол. исслед. 1983. № 3.
278. Семейная политика в регионе: состояние и механизмы реализации (на примере Челябинской области) / Под ред. Б. С. Павлова. Екатеринбург-Челябинск, 1996.
279. Семейное воспитание: Слов. М., 1972.
280. Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.
281. Семья и общество: сборник / Отв. редактор А. Г. Харчев. М., 1982.
282. Семья и социальная структура: сборник / АН СССР. Ин-т социол. исслед. Сов. социол. ассоциация. М., 1987.

283. Семья как объект философского и социологического исследования. Л., 1974.
284. Семья: краткий демографический словарь / Авт.-сост. Синельников Б. А. М., 1996.
285. Семья: прошлое и настоящее // Курьер Юнеско. 1989. Сент.
286. Сидорина Т. Ю., Сергеев Н. В. Государственная социальная политика и здоровье россиян // Мир России. 2001. № 2.
287. Сидорова Т. Н. Женщина — передовик производства: профессиональная и бытовая ситуации // Социол. исслед. 1980. № 1.
288. Силласте Г. Г. Гендерная асимметрия в образовании и науке: взгляд социолога // Высшее образование в России. 2001. № 2.
289. Силласте Г. Г. Гендерная социология как частная социологическая теория // Социол. исслед. 2000. № 11.
290. Силласте Г. Г. Социальная адаптация семей с онкологически больными детьми // Социол. исслед. 1997. № 1.
291. Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. Изд-во АН СССР. М. — Л., 1950–1965.
292. Смелзер Н. Социология: Пер. с англ. Науч. ред. В. Ядов. М., 1994.
293. Смелзер Н. Штрихи к портрету Маргарет Мид // Социол. исслед. 1990. № 12.
294. Смолянский В. Г. Два образа жизни / Критика советологических концепций 1980-х гг. Л., 1985.
295. Смысл жизни: Антология / Под ред. Н. К. Гаврюшина. М., 1994.
296. Советская женщина: труд, материнство, семья. М., 1987.
297. Соколов А. П. Некоторые итоги социологических исследований и осуществление мер помощи семьям, имеющим детей / Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования семейно-брачных отношений в условиях развитого социализма (тезисы докладов и выступлений участников областной научно-практической конференции). Челябинск, 1985.
298. Солодовников В. В. Семья: социологическая и социально-психологическая парадигма // Социол. исслед. 1994. № 6.
299. Солодовников В. В. Дети развода // Социол. исслед. 1988. № 4.
300. Соннов Н. И. 26 съезд партии об усилении внимания к семье, повышении ее роли в укреплении социалистического образа жизни / Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования семейно-брачных отношений в условиях развитого социализма (тезисы докладов и выступлений участников областной научно-практической конференции). Челябинск, 1985.
301. Сорокин П. А. Система социологии. Сыктывкар, 1991.
302. Сорокин П. А. Социологический прогресс и принцип счастья // Социол. исслед. 1988. № 4.

303. Сорокин П. А. Кризис современной семьи (социологический очерк) // Вестник МГУ, серия 18. 1997. № 3.
304. Сорокин П. А. О русской общественной мысли. С-Пб, 2000.
305. Социальная инженерия и проблемы прикладной социологии / Круглый стол редакции СИ в рамках научно-практической конференции // Социол. исслед. 1997. № 2.
306. Социальная статистика: Учебник / Под ред. М. Г. Назарова. — М., 1988.
307. Социальная энциклопедия / А. Горкин, Г. Карелова, Е. Катульский и др. М., 2000.
308. Социальные показатели образа жизни советского общества. Методологические проблемы. М., 1980.
309. Социологический энциклопедический словарь. / Ред.-координатор Г. В. Осипов. М., 1998.
310. Спенсер Г. Основание социологии. С-Пб, 1898. Т. 2.
311. Становление семьянина / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Социология молодежи. Нижний Тагил, 1995.
312. Стиль жизни личности (теоретические и методологические проблемы). Киев, 1982.
313. Стоимость жизни и ее измерение / Л. Г. Зубова, Н. В. Ковалева и др.; Под ред. В. М. Рутгайзера и С. С. Шпилько. М., 1991.
314. Судоплатов А. П. Современная буржуазная демография. М., 1988.
315. Сулимов Е. Ф. О производстве и воспроизводстве общественной жизни в условиях развитого социализма // Вопр. философии. 1984. № 6.
316. Суринов А. Е. Доходы населения. Опыт количественных измерений. М., 2000.
317. Суховей В. Н. Социальная политика КПСС: проблемы и решения. Воронеж, 1989.
318. Сысенко В. А. Молодежь вступает в брак. М., 1986.
319. Сысенко В. А. Отцы и дети // Социол. исслед. 1986.
320. Сысенко В. А. Прожиточный минимум как методологический принцип в оценке экономических мер социальной поддержки семей различных типов // Семья в России. 1994. № 1.
321. Сысенко В. А. Разводы: динамика, мотивы, последствия // Социол. исслед. 1982. № 2.
322. Сысенко В. А. Служба семьи: проблемы, поиски, решения / Семья как объект социально-демографических исследований [Сб. статей] / Отв. редакторы И. П. Мокеров, Б. С. Павлов. Свердловск, 1984.
323. Сысенко В. А. Супружеские конфликты. М., 1983.
324. Сысенко В. А. Устойчивость брака. М., 1981.
325. Тараданов А. А. Семейное благополучие: от теории к практике. Челябинск, 2002.

326. Тараданов А. А. Семейный круг. Результаты социологических исследований проблем семьи в Уральском регионе в 1993–1999 годах. Челябинск, 2000.
327. Татаркин А. И., Перевалов Ю. В., Юрпалов С. Ю. Некоторые итоги и уроки пяти лет реформы и основные ее корректировки // Регион-Урал. 1997. № 3.
328. Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3–4.
329. Терюхина Е. А. Современная структура семьи: основные тенденции. М., 1998.
330. Толмачев В. П. Социальные показатели в народнохозяйственном плане // Социол. исслед. 1982. № 3.
331. Томин В. Семья под защитой государства / Семья как объект социально-демографических исследований [Сб. статей] / Отв. редакторы И. П. Мокеров, Б. С. Павлов. Свердловск, 1984.
332. Тощенко Ж. Т. Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // Социол. исслед. 1998. № 1.
333. Травин И. И. Материально-вещная среда и социалистический образ жизни. Л., 1979.
334. Трудовой коллектив и семья: реализация активной социальной политики: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Б. С. Павлов, Т. А. Ишутина. Екатеринбург, 1992.
335. Турецкая Г. В. Деловая активность женщин и семья // Социол. исслед. 2001. № 2.
336. Уровень жизни населения регионов России — № 9 // Минтруд РФ, Всероссийский центр уровня жизни. М., 1993.
337. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1991.
338. Философский энциклопедический словарь. М., 1999.
339. Фролов С. Ф., Маркова Г. Г. Использование свободного времени колхозницами // Социол. исслед. 1980. № 1.
340. Харчев А. Г. Быт и семья как категории исторического материализма. — В кн.: Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970.
341. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М.; Изд. 2-ое, 1979.
342. Харчев А. Г. Исследования семьи: на пороге нового этапа // Социол. исслед. 1986. № 3.
343. Харчев А. Г. Нравственность и семья. М., 1991.
344. Харчев А. Г., Голод С. И. Профессиональная работа женщин и семья. Л., 1971.
345. Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. М., 1978.
346. Хасбулатова О. А., Егорова Л. С. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // Социол. исслед. 2002. № 11.
347. Ходош Ю. Р. Культура потребления. М., 1984.

348. Ципко А. С. Некоторые методологические аспекты исследования социалистического образа жизни. // *Вопр. философии*. 1976. № 4.
349. Червяков В. В. Интегральная шкала обеспеченности жильем // *Социол. исслед.* 1988. № 2.
350. Чирикова А. Е., Кричевская О. Н. Женщина-руководитель: деловые стратегии и образ «Я» // *Социол. исслед.* 2000. № 11.
351. Чокич Е. Особенности брачно-семейных процессов и семейной политики государства в 40-е годы // *Вестник МГУ, серия 18*. 1997. № 3.
352. Чуйко Л. В. Браки и разводы. М., 1975.
353. Широкалова Г. С. К вопросу о показателях трудовой активности. // *Социол. исслед.* 1985. № 1.
354. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М., 1990.
355. Шпотов Б. Социально-экономические эксперименты Генри Форда // *Проблемы теории и практики управления*. 2002. № 6.
356. Щадилова К. А. Проблемы и перспективы развития австрийской семьи // *Социол. исслед.* 1981. № 3.
357. Эглите П. А. Особенности репродуктивного поведения в условиях высокой внесемейной активности населения // *Социол. исслед.* 1985. № 4.
358. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.21.
359. *Энциклопедический словарь*. В 3-х т. М., 1953–1955.
360. *Энциклопедический социологический словарь*. М., 1995.
361. Эфендиев А. Г. Формирование разумных потребностей социалистической личности (Методические рекомендации в помощь лектору). М., 1984.
362. Юркевич Н. Г. Советская семья. Минск, 1970.
363. Языкова В. С. Мир семьи: ожидания и реальность. М., 1987.
364. Яковец Ю. В. Социальная цена экономических преобразований в России // *Общество и экономика*. 1996. № 9/10.
365. Ярошенко С. С. Синдром бедности // *Социологический журнал*. 1994. № 2.
366. Ярская-Смирнова Е. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. М.: 1999. (реп. на кн.) // *Социол. исслед.* 2000. №4.
367. Adams B. N. The family: A sociological interpretation. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1986.
368. Bengtson V. L. & Allen K. R. (in press). The life-course perspective applied to families overtime. In P. Boss, W. Doherty, R. Larossa, W. Schumm, & S. Steinmetz (Eds.), *Sourcebook of family theories and methods: A contextual approach*. New York: Plenum.
369. Cherlin A. J. Marriage, divorce, remarriage. Cambridge, MA : Harvard University Press.

370. Dawson D. A. Family structure and children's health and well-being: Data from the 1988 National Health // *Journal of Marriage & Family*, 1991, 3, 573–584.
371. DeVore N. E. Parenthood postponed // *American Journal of Nursing*, 1983, 3, p1160–1163
372. Delfabbro P. H. The Plight of Disruptive Children in Out-of-Home Care // *Children's Services: Social Policy, Research & Practice*; 2002, V. 5 Issue 3, p. 201, 12 p.
373. Elliot J., Prior M., Merrigan C., Ballinger K. Evaluation of a community intervention programme for preschool behaviour problems // *Journal of Paediatrics & Child Health*; Feb2002, V. 38 Issue 1, p. 41, 10 p.
374. Elder G. H. Family history and life course // *Journal of Family History*, 1977, 2, 279–304
375. Frankel S. A., & Wise M. J. A view of delayed childbearing: Some implications of a new trend // *Psychiatry*, 1982, 45, 220–225.
376. Gartner R. Family structure, welfare spending, and child homicide in developed democracies. // *Journal of Marriage & Family*, 1991, V. 53, Issue 1, 231–240.
377. Gelles R. J., & Cornell C. P. Intimate violence in families. Beverly Hills, CA: Sage, 1985.
378. Christensen T. M., Brooks M. C. Adult Children of Divorce and Intimate Relationships: A Review of the Literature // *Family Journal*; Jul2001, V. 9 Issue 3, p. 289, 6 p.
379. Haas L. Role-sharing couples: A study of egalitarian marriages // *Family Relations*, 1980, 29, p. 289–296.
380. Hao L. Family structure, private transfers, and the economic well-being of families with children. // *Social Forces*, (1996), V. 75, 1, 269–292.
381. Heyman R. E., Smith A. M. The Hazards of Predicting Divorce Without Crossvalidation // *Journal of Marriage & the Family*; May2001, V. 63, Issue 2, p. 473, 7 p.
382. Hess S. C. The effect of employment and welfare on family structure: Explaining the time trend of female // *American Economist*, 1990, V. 34, Issue 1, 76–82.
383. Jackson R. M. The reproduction of parenting // *American Sociological Review*, 1989, 54, p. 215–232.
384. Kerckhoff R. K. Marriage and middle age // *Family Coordinator*, 1976, 25, p. 5–11.
385. Krishnan M., Orford J., Bradbury C., Copello A. Velleman, Richard Drug and alcohol problems: the users' perspective on family members' coping // *Drug & Alcohol Review*; Dec2001, V. 20 Issue 4, p. 385, 9 p.
386. Lein L. Families without victims. Lexington, MA: D. C. Heath. 1984.

387. Ma Joyce L. C., Lai K., Pun S. Han Parenting distress and parental investment of Hong Kong Chinese parents with a child having an emotional or behavioural problem: a qualitative study // *Child & Family Social Work*; May2002, V. 7 Issue 2, p. 99, 8 p.
388. Menken J. Age and fertility: How late can you wait? // *Demography*, 1985, 22, p. 469–483.
389. Mistry R. S., Vandewater, E. A., Huston, A. C., McLoyd, Vonnie C. Economic Well-Being and Children's Social Adjustment: The Role of Family Process in an Ethnically Diverse Low-Income Sample // *Child Development*; May 2002, V. 73 Issue 3, p. 935, 17 p.
390. Nock S. L. The symbolic meaning of childbearing // *Journal of Family Issues*, 1987, 8, p. 373–393.
391. Okin S. M. Justice, gender and the family. New York: Basic. 1989.
392. Olson S. L., Ceballo R., Park C. Early Problem Behavior Among Children From Low-Income, Mother-Headed Families: A Multiple Risk Perspective // *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*; Dec 2002, V. 31 Issue 4, p. 419, 12 p.
393. Petchkovsky L., San Roque, C. Tjunguwiyanitja, Attacks on Linking: Forced Separation and its Psychiatric Sequelae in Australia's 'Stolen Generations'. *Transcultural Psychiatry*; Sep2002, V. 39 Issue 3, p. 345, 22 p.
394. Pleck J. H. Working wives / Working husbands. Beverli Hills, CA: Sage. 1985.
395. Risman B. J., & Schwartz P. (Eds.). Gender in intimate relationships. Belmont, CA: Wadsworth. 1989.
396. Shanas E. The family as a social support sustem in old age. // *The Gerontologist*, 1979, 19, 169–174.
397. Sun Y. Family Environment and Adolescents' Well-Being Before and After Parents' Marital Disruption: A Longitudinal Analysis // *Journal of Marriage & the Family*; Aug 2001, V. 63 Issue 3, p. 697, 17 p.
398. Tammentie T., Tarkka M., Åstedt-Kurki P., Paavilainen E. Sociodemographic factors of families related to postnatal depressive symptoms of mothers // *International Journal of Nursing Practice*; Oct 2002, V. 8 Issue 5, p. 240, 7 p.
399. Thompson L. Family work: Womens sense of faimess // *Journal of Family Issues*, 1991, 12, 181–196.
400. Veevers J. E. Childless by choice. Toronto: Butterwort, 1980.
401. Wai-Yung Kwong E., Yui-Huen K., Alex A. Review of Private Residential Care in Hong Kong: Implications for Policy and Practice // *Journal of Aging & Social Policy*; 2001, V. 13 Issue 4, p. 73, 17 p.
402. Weston K. Families we chose: Lesbians, gays, kinship. New York: Columbia University Press, 1991.
403. Zak P. J. Genetics, family structure, and economic growth // *Journal of Evolutionary Economics*, 2002, 12, V. 3 , 343–365.

Приложение 1. ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ

УВАЖАЕМЫЕ ЗЕМЛЯКИ! Просим Вас ответить на вопросы анкеты о состоянии Вашей семьи. Для этого ничего не надо писать: просто обведите кружком цифровые шифры тех вариантов ответов, которые соответствуют Вашему мнению. На «неудобные» вопросы можно не отвечать. Если Вы имеете свое особое мнение — изложите его на любом свободном месте анкеты.

По итогам исследования предполагается использование его результатов в программе поддержки семейного благополучия. Заранее спасибо.

1. КОТОРЫЙ РАЗ ВЫ В БРАКЕ?

- 1 — Первый 2 — Второй 3 — Третий и более
4 — Мы не зарегистрированы, но живем вместе
5 — Мы зарегистрированы, но фактически семьи уже нет
6 — Одна (один) воспитываю детей (укажите ниже причину):
7 — После развода 8 — Вне брака 9 — Вдов(а)

2. СКОЛЬКО ЛЕТ ВЫ ПРОЖИЛИ ВМЕСТЕ С ВАШЕЙ «ПОЛОВИНОЙ»?

- 1 — 1–5 лет; 2 — 6–10 лет 3 — 11–15 лет 4 — 16–25 лет
5 — Более 25 лет

3. НА СКОЛЬКО ЛЕТ ВЫ СТАРШЕ ИЛИ МОЛОЖЕ ВАШЕЙ «ПОЛОВИНЫ»?:

	старше	моложе
На один — два года	1	1
На 3–5 лет	2	2
На 6–10 лет	3	3
Более, чем на 10 лет	4	4
Мы одного возраста	5	

4. КАК ВЫ СОШЛИСЬ?

- 1 — По любви 2 — По расчету 3 — По стечению обстоятельств
4 — По недоразумению

5. КАК У ВАС С ПИТАНИЕМ?

- 1 — Досыта и вкусно 2 — Досыта 3 — Не досыта 4 — Впроголодь

6. КАКОВ У ВАС МЕСЯЧНЫЙ ДОХОД НА ОДНОГО ЧЛЕНА СЕМЬИ (примерно)?

1 — До 1000 руб. 3 — 2000–3000 5 — 5000–7000 7 — 10000–15000
 2 — 1000–2000 4 — 3000–5000 6 — 7000–10000 8 — Более 15000 руб.

7. КАКАЯ ЧАСТЬ ВАШЕГО СЕМЕЙНОГО БЮДЖЕТА ИДЕТ НА:

Статьи расходов	Почти весь	Поло- вина	Чет- верть	10%	5% и меньше
Питание	1	2	3	4	5
Лечение и лекарства	1	2	3	4	5
Жилье	1	2	3	4	5
Одежда и обувь	1	2	3	4	5
Все другие расходы	1	2	3	4	5

8. КАКОВ УРОВЕНЬ ВАШЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ (что Вы име- ете)?

1 — Своя квартира, дом	5 — Комплект мебели	9 — Инвентарь для занятий спортом
2 — Земельный участок	6 — Автомобиль	10 — Сбережения
3 — Подсобное хозяйство	7 — Гараж, мастерскую	11 — Обувь и одежду для всей семьи
4 — Бытовую технику	8 — Компьютер	12 — Свой бизнес

9. КАКОВЫ УСЛОВИЯ ВАШЕГО ПРОЖИВАНИЯ?

1 — Благоустроенная квартира 2 — Неблагоустроенная квартира
 3 — «Коммуналка» 4 — Общежитие 5 — Свой дом в хорошем состоянии
 6 — Свой дом в плохом состоянии

10. ВЫ ЖИВЕТЕ:

1 — отдельно от родителей 2 — с родителями мужа 3 — с родителями жены 4 — с другими родственниками

11. СКОЛЬКО У ВАС ОБЩЕЙ (ОТАПЛИВАЕМОЙ) ЖИЛПЛО- ЩАДИ НА ЧЛЕНА СЕМЬИ?

1 — До 6 м/кв. 4 — 12–14 м/кв. 7 — 21–23 м/кв.
 2 — 6–8 м/кв. 5 — 15–17 м/кв. 8 — 24–26 м/кв.
 3 — 9–11 м/кв. 6 — 18–20 м/кв. 9 — Более 26 м/кв.

12. КАК ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ?

1 — Здоров(а) 2 — Иногда болею 3 — Серьезно болен 4 — Инвалид

13. КАКОВО ОБЫЧНО ВАШЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ В КОНЦЕ ДНЯ?

1 — Доволен сделанным за день	3 — День прошел — и ладно
2 — Жаль, не успел(а) сделать все, что хотел(а)	4 — Наконец-то этот кошмар закончился!

14. ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ О ВАШЕМ «ЗАВТРАШНЕМ» ДНЕ?

- 1 — Особо не опасаясь 2 — Есть опасения 3 — Откровенно боюсь
4 — Ничего не думаю

15. КТО У ВАС ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ДОХОДОВ СЕМЕЙНОГО БЮДЖЕТА?

- 1 — Муж 2 — Жена 3 — Оба в одинаковой мере 4 — Другой источник

16. КТО У ВАС В СЕМЬЕ УПРАВЛЯЕТ СЕМЕЙНЫМ БЮДЖЕТОМ?

- 1 — Муж 2 — Жена 3 — Вместе 4 — У каждого свой «кошелек»
5 — Другое

17. СКОЛЬКО У ВАС ДЕТЕЙ В ЭТОЙ СЕМЬЕ?

- 1 — Один 2 — Двое 3 — Трое и больше 4 — Нет детей

18. КАК ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ?

- 1 — Здоровы 2 — Часто болеют 3 — У разных по-разному 4 — В семье ребенок-инвалид

19. ЧТО ВАМ МЕШАЕТ «ЗАВЕСТИ» (СЛЕДУЮЩЕГО) РЕБЕНКА?

1 — Низкий уровень жизни	6 — Возраст уже не тот
2 — Слабые социальные гарантии	7 — Недавно родили
3 — Нелады в семье	8 — Достаточно того, что есть
4 — Плохое здоровье	9 — Что еще, напишите _____
5 — Хочется пожить для себя	10 — Ничего не мешает, думаем, скоро будет!

20. КАКОВЫ ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ «НЕПОЛАДОК» В ВАШЕЙ СЕМЬЕ?

1 — Низкий уровень жизни	7 — Ревность супруга(ги)
2 — Пьянство супруга(ги)	8 — Низкий уровень развития супруга(ги)
3 — Вмешательство родителей	9 — Насилие (физическое или психическое)
4 — Нет взаимопонимания с детьми	10 — Наркотическая зависимость
5 — Сексуальная неудовлетворенность	

6 — Неверность супруга(ги)	11 — Другие причины
	12 — У нас нет серьезных «неполадок»

21. ЧТО МОГЛО БЫ В НАИБОЛЬШЕЙ МЕРЕ СПОСОБСТВОВАТЬ ВАШЕМУ РЕШЕНИЮ О РОЖДЕНИИ (СЛЕДУЮЩЕГО) РЕБЕНКА (выберите не более трех вариантов)?

1 — Бесплатное обучение в ВУЗе для Вас	6 — Достойная работа и зарплата
2 — Бесплатное обучение в ВУЗе для Ваших детей	7 — Стабильность в обществе
3 — Компенсация затрат на содержание и лечение детей	8 — Новый брак
4 — Отмена воинской обязанности	9 — Что еще, напишите _____
5 — Улучшение жилищных условий	10 — Ничего, мне (больше) детей не нужно

22. ГДЕ ВЫ РОСЛИ? 1 — В большом городе 2 — В небольшом городе, ПГТ 3 — На селе

23. ГДЕ ВЫ ЖИЛИ? 1 — Отдельная квартира 2 — «Коммуналка» 3 — Свой дом 4 — Другое

24. С КЕМ ВЫ РОСЛИ?

1 — С отцом и матерью 2 — С матерью 3 — Другое

25. СКОЛЬКО ВАС БЫЛО В СЕМЬЕ РОДНЫХ БРАТЬЕВ И СЕСТЕР?

1 — Вы один 2 — Двое 3 — Трое 4 — Четверо и больше

26. КАКИМИ БЫЛИ ОТНОШЕНИЯ В СЕМЬЕ, ГДЕ ВЫ РОСЛИ?

1 — «Теплые» 2 — «Прохладные» 3 — Конфликтные 4 — Затрудняюсь ответить

27. КАКОВ БЫЛ УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В СЕМЬЕ, В КОТОРОЙ ВЫ РОСЛИ?

1 — Выше среднего для того времени 2 — Средний 3 — Ниже среднего для того времени

28. ОТЧЕГО БЫЛИ «НЕЛАДЫ» В СЕМЬЕ, В КОТОРОЙ ВЫ РОСЛИ?

1 — Низкий уровень жизни	7 — Ревность отца
2 — Пьянство	8 — Ревность матери
3 — Конфликты с родственниками	9 — Низкий уровень культуры
4 — Конфликты родителей с Вами	10 — Насилие
5 — Неверность отца	(физическое или психическое)
6 — Неверность матери	11 — Другие причины
	12 — Серьезных «неполадок» не было

29. ИМЕЛИ ЛИ ВЫ «ДОБРАЧНЫЕ СВЯЗИ»?

1 — Да 2 — Нет 3 — Не скажу

30. А ВАША «ПОЛОВИНА»?

1 — Да 2 — Нет 3 — Не знаю 4 — Не скажу

31. ИМЕЕТЕ ЛИ ВЫ ВНЕБРАЧНЫЕ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ»?

1 — Да 2 — Нет 3 — Не скажу

32. А ВАША ПОЛОВИНА?

1 — Да 2 — Нет 3 — Не знаю 4 — Не скажу

33. ВЫ СЧАСТЛИВЫ В СЕМЬЕ? 1 — Да 2 — Нет 3 — Не скажу

34. ВАШ ПОЛ: 1 — Мужской 2 — Женский

35. ВАШ ВОЗРАСТ:

1 — 18–30 лет 2 — 31–40 лет 3 — 41–50 лет 4 — Более 50 лет

36. ВАШЕ ОБРАЗОВАНИЕ:

1 — Неполное среднее, среднее 2 — Среднее специальное 3 —
Н/высш, высшее

37. КТО ВЫ И ВАША ПОЛОВИНА (в том числе бывшая — для живущих в разводе или вдовых) ПО РОДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?

	муж	жена
Руководитель, бизнесмен	1	1
Рабочий, рядовой работник	2	2
Индивидуальный предприниматель, фермер	3	3
Служащий предприятия, фирмы	4	4
Муниципальный (гос) служащий	5	5
Военный, органы правопорядка	6	6
Представитель интеллигенции	7	7
Ведет домашнее хозяйство	8	8
Студент(ка)	9	9
Безработный	10	10
Пенсионер	11	11
Другой	12	12

38. КАКОГО ВЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ?

1 — Православный 2 — Католик 3 — Мусульманин 4 — Другое 5 —
Верю в добро и справедливость 6 — Верю в себя 7 — Не верю ни во что

39. В КАКОЙ МЕСТНОСТИ ВЫ ЖИВЕТЕ СЕЙЧАС?

1 — В большом городе 2 — В небольшом городе, ПГТ 3 — На селе
4 — Другое

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ОЧЕРК ФАМИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	5
§ 1. Проблемы «первичной социальной ячейки».....	5
§ 2. Парадигмы социологического семействедения.....	15
§ 3. Методология социологической фамилистики	25
Глава 2. ПОНЯТИЕ СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ.....	40
§ 4. Понятие генетического метода социологического исследования	40
§ 5. Логика семейного благополучия.....	49
§ 6. Социологическое определение «действительной» семьи.....	59
Глава 3. ГЕНЕЗИС СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ	68
§ 7. Показатели семейного благополучия.....	68
§ 8. Послевоенная история семейного благополучия на Урале	73
§ 9. Социальное наследование семейного благополучия	82
Глава 4. ФАКТОРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ.....	88
§ 10. Иерархия факторов семейного благополучия.....	88
§ 11. Факторы семейного благополучия мужей.....	93
§ 12. Факторы семейного благополучия жен	95
Глава 5. СЕМЕЙНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И УРБАНИЗАЦИЯ.....	98
§ 13. Семейное благополучие в «большом городе»	98
§ 14. Семейное благополучие в «небольшом городе, поселке городского типа (ПГТ)»	102
§ 15. Семейное благополучие «на селе».....	104
Глава 6. ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССАМИ СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ	108
§ 16. Демографический и социальный потенциал уральской семьи	108
§ 17. Социальная технология управления процессами семейного благополучия.....	115
Заключение.....	121
Библиографический список.....	122
Приложение 1. ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ.....	142

Александр Ардалионович Тараданов

СЕМЕЙНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ НА УРАЛЕ:

теория, история, современность

Монография

Ответственный редактор *Н. Соломадина*

Корректор *Т. Качанова*

Верстальщик *Т. Качанова*

Издательство «Директ-Медиа»

117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1

Тел/факс + 7 (495) 334-72-11

E-mail: manager@directmedia.ru

www.biblioclub.ru

Отпечатано в ООО «Леттер Групп»

142172, г. Москва, г. Щербинка,

ул. Космонавтов, д. 16